

...) 94(92) 63.3(2, ...)
к84

с. м. к р у к о в с к а я

ВСТРЕЧИ С КОКАНДОМ

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

Колич. предыдущ. выдач _____

18/IX-98 111

12.04.95

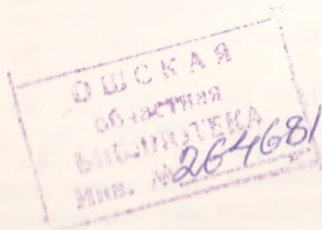
Заказ 2382. Тираж 1.000.000

С. М. КРУКОВСКАЯ

63.3(2)
91(52)
к84

ВСТРЕЧИ С КОКАНДОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „УЗБЕКИСТАН“
Ташкент — 1977

АБОНЕМЕНТ

9(C52)
К 84

*Ответственный редактор —
доктор исторических наук, профессор
Б. В. ЛУНИН*

Круковская С. М.,
Встречи с Кокандом (Отв. ред. Б. В. Лунина).
Т., «Узбекистан», 1977.
171 с.

9(C52)

К $\frac{10604-469}{M351 (06)-77}$ 18-77

© Издательство «УЗБЕКИСТАН», 1977 г.

От редактора

История города Коканда — одного из быстро растущих социалистических городов Узбекистана — его прошлого и настоящего, еще ждет своего подробного изучения и освещения. Пока что литература по истории Коканда не столь уж обширна.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, не претендует на полное и последовательное отображение богатой красочными событиями истории горда с давних времен до наших дней и хотя автор и не ставил перед собой такой задачи, тем не менее книга искусствоведа С. М. Круковской несомненно привлечет к себе внимание широкого читателя. Авторский почерк носит ярко выраженный индивидуальный характер.

Книга принадлежит перу человека, не только хорошо знающего пред- и послеоктябрьскую историю Коканда, часто посещавшего город, но и навсегда сохранившего свою влюбленность в него. Автору присуще острое чувство исторического ландшафта города, своеобразие архитектурного облика его улиц и площадей, умение тепло и взволнованно поведать о примечательных эпизодах недавнего прошлого и настоящего города, передать свои личные впечатления от знакомства с городом и его людьми.

Уму и сердцу автора близко и дорого все, что относится к памятным страницам истории Коканда, к известным о нем источникам разного времени, к его историко-архитектурным памятникам, природному окружению, людям, чьи имена связаны с жизнью города, и

т. н. Соответственно этому экскурсы автора в ту или иную «побочную» ветвь истории Коканда могут показаться порой излишне подробными, даже уведящими несколько в сторону от основной нити повествования. Но именно — кажется, Ибо все то интересное — основное и вспомогательное, что содержится в книге С. М. Круковской — и образует, в своей совокупности, богатство и многогранность материалов, знакомящих читателя с прошлым и настоящим Коканда. Это касается и деталей бытового характера из исторически недавней, а фактически уже далекой жизни Коканда. Многие из них теперь уже ушли из памяти населения города вместе с уходом людей старших поколений. И едва ли сейчас (не говоря о последующих годах) кто-либо помимо С. М. Круковской мог бы столь метко и впечатляюще зафиксировать общественно-бытовую сторону жизни дореволюционного Коканда — его «верхов» и его «низов», Коканда первых послеоктябрьских лет, так как это сделано в данной книге.

Работа С. М. Круковской носит популярный характер и в то же время не лишена исследовательских черт, научно-значимых наблюдений и выводов, основанных на прекрасном знании фактического материала к истории Коканда.

С течением времени несомненно появятся капитальные труды новейших исследователей по истории Коканда, восполняющие и те пробелы, какие есть в книге С. М. Круковской. Но столь же несомненно, что в процессе дальнейшего изучения прошлого и настоящего Коканда работа С. М. Круковской займет свое, пусть скромное, но прочное место и долго не утратит своего звучания.

В. В. Лукин, доктор исторических наук

Вступление

История не всех городов Узбекистана изучена с должной полнотой. Богатые памятниками архитектуры Бухара, Самарканд и Хива давно стали достоянием науки и широкой общественности. Хорошо известна история одного из старинных городов республики — Ташкента. Однако исследователями незаслуженно уделяется мало внимания истории Коканда—города примечательного культурно-исторического облика, сложившегося в результате своеобразного пути развития.

Коканд несоизмеримо моложе и Самарканда, и Ташкента. Город возник в середине XVIII века — два столетия тому назад. Но за этот короткий срок Коканд был и столицей одноименного ханства, и одним из наиболее развитых торгово-промышленных городов Туркестана периода его присоединения к России. В наши дни это один из индустриальных центров Советского Узбекистана.

Коканд выделяется и своим крупным вкладом в историю культуры республики.

Предлагаемая читателям книга о Коканде имеет именно этот историко-культурный аспект. Однако это не

монография академического характера, о чем говорит и ее название. «Встречи с Кокандом» — книга о том интересном, своеобразном в истории города, что автор увидел, почувствовал, полюбил.

Далекий от задач чисто научного исследования подход обусловил и стиль данной книги. Читатель встретит в ней и научно-популярное повествование об отдельных этапах жизни города, и собственные изыскания и наблюдения автора — искусствоведа по профессии, и его непосредственные впечатления от встреч с кокандцами.

Многогранность содержания книги, написанной на стыке многих наук, заставила автора прибегнуть к помощи авторитетных специалистов по ряду узких вопросов. Автор выражает глубокую благодарность востоковеду Д. Г. Вороновскому, литературоведу А. П. Квямову, историку Б. В. Лушину, архитекторам В. А. Инльсену, Л. Ю. Маньковской и Н. А. Фокиной, этнографу А. С. Морозовой, писателю М. И. Шевердину за их консультации.

Глазами путешественника

В глубь веков уходит предыстория Коканда. Расположенный в районе нынешнего города населенный пункт упоминался еще в X веке, как стоявший на караванном пути в Индию и Китай. В XIII веке он был разрушен монголами. В 1732 году на месте крепости Эскикурган возник город, получивший в 1740 году название Коканда, которому впоследствии было суждено стать столицей нового ханства, возглавленного правителями Коканда из династии Минг. Первоначально это было небольшое, обособившееся от Бухарского эмирата владение, но постепенно оно расширилось территориально, особенно в годы правления Мухамед-Алимхана (1800—1809), принявшего титул кокандского хана. Алимхану удалось не только объединить под своей властью города Ферганы, но и подчинить себе Ташкент и Чимкент.

Завоевательная политика кокандских правителей продолжалась и при Умархане (1809—1822), который в 1815 году взял город Туркестан. Это повлекло переход под власть Коканда прилегающих к течению Сырдарьи казахских степей.

Кокандское ханство было типичным феодальным государством, основанным на произволе властителей и жесточайшей эксплуатации народных масс. Однако —

об этом нельзя забывать — в условиях феодальной раздробленности и непрекращающихся междоусобиц возникновение в Средней Азии в XVII—XVIII веках Бухарского эмирата и Хивинского и Кокандского ханств было явлением, объективно способствовавшим централизации в них государственной власти¹.

С течением времени стали устанавливаться контакты и связи Кокандского ханства с Россией. Начался обмен посланниками, велись торговые операции.

Первым русским путешественником, побывавшим в Коканде, был офицер, переводчик Отдельного Сибирского корпуса Филипп Назаров, описавший ханство в своих записках².

В 1813 году Назаров выехал из Петропавловска под прикрытием отряда казаков. Их сопровождал купеческий караван из ста верблюдов, который вез кокандцам разные товары. Отряд медленно передвигался по пустынным казахским степям. Шли дни, недели, и вот взору путников предстали первые города Кокандского ханства. Сильное впечатление на Назарова произвели величественные очертания видимого еще издали мавзолея Ходжа Ахмада Ясави в городе Туркестане.

В Ташкенте посланников задержали, и только через несколько дней переговоров Назаров получил разрешение с небольшим количеством охраны двинуться дальше к столице ханства. Неподалеку от Коканда, на переправе через Сырдарью, его встретил командированный ханом чиновник.

И вот, наконец, цель путешествия — Коканд. Назарова с отрядом разместили в палатках на краю города,

¹ Об истории Кокандского ханства см.: П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). — М., Изд-во восточной литературы, 1958.

² Записки о некоторых городах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 гг.ж. СПб, 1821.

где они и жили одиннадцать дней, после чего русскому послу разрешили увидеться с ханом и поднести ему привезенные высочайшую грамоту и подарки.

От палатки до самого дворца по обеим сторонам дороги были расставлены кокандские войска. Сначала стояла конница в белых, как снег, чалмах. Ее сменила гвардия в пышных красных тюрбанах. Ближе к дворцу выстроилась вооруженная кривыми саблями пехота. Диковинная армия кокандских правителей произвела на русский отряд внушительное впечатление. В свою очередь вид русских людей вызвал огромный интерес местных жителей. Все высокие места — деревья, крыши домов, дувалы были усеяны кокандцами, желавшими посмотреть, как выглядят посланцы России.

Назарову довелось провести в Кокандском ханстве одиннадцать месяцев. Поездка по Ферганской долине дала возможность Назарову познакомиться с ее природой и населением, его занятиями. Он имел возможность осмотреть и ханскую столицу. Вот что писал Назаров о Коканде: «Город сей весьма обширен и многолюден; в нем считают до четырехсот мечетей; расположен на ровном месте и не имеет никакого укрепления, кроме замка владетеля; изобилует ключами; в окружности лежат деревни, луга и пашни; земля солонцеватая. В городе улицы узкие, немощеные, дома сделаны также из глины; посреди города построены три каменные рырка, в коих производится торг два раза в неделю; в нескольких местах находятся древние памятники и близ замка огромные, из жженого кирпича конюшни для аргамаков владетеля».

Другим русским человеком, побывавшим в Коканде, явился хорунжий Сибирского линейного казачьего войска Николай Ильич Потанин — отец знаменитого русского путешественника по внутренней Азии Г. Н. Потанина. В 1829 году ему было поручено сопровождать до Ташкента кокандских посланников, возвращавшихся из Петербурга на родину. Свои впечатления от путешествия

Потанин изложил в докладной записке¹, уделив в ней большое место описанию столицы Кокандского ханства.

Подобно своему предшественнику, Потанин отметил ровное местоположение города, его тесные, кривые, немощеные улицы, двухэтажный ханский дворец, стоявший посередине города, возле берега Кокандсая и окруженный высокой глиняной стеной.

Потанина поразили два кирпичных на сводах моста с башнями при въезде и выезде, переброшенные через крупные арыки города — Кичиксай и Улькунсай. Один из них находился, по описанию Потанина, против ханского дворца — это позволяет уточнить местоположение тогдашней урды. Путешественнику бросилось также в глаза множество сооружений культовой архитектуры, среди которых, по его данным, было около 100 мечетей с фасадами из кирпича. Многие здания уже тогда были в плохом состоянии. Коканд представлял в то время крупный торговый центр. По данным Потанина, здесь функционировали шесть базаров. В двух из них торговали кокандские жители. Остальные предназначались для проходивших караванов и торговали три раза в неделю. Потанин отметил высокое качество продававшихся кокандских тканей из хлопка и шелка.

В плену у кокандцев

Записки Назарова и Потанина привлекали тем большее внимание, что 50—60-е годы XIX века были временем, когда царская Россия стала проявлять повышенный интерес к Средней Азии.

Стесняемые недостаточной емкостью внутреннего

¹ П. И. Потанин. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830) с предисловием П. Савельева. Вестник Русского Географического Общества, том 6, часть XVIII, СПб 1856, отд. 2, стр. 256—259.

рынка, российские капиталисты стремились занять новые территории для сбыта своих промышленных изделий и получения сырья. Одной из таких манящих к себе территорий стала к середине XIX века Средняя Азия с возрастающим спросом ее населения на фабрично-заводскую продукцию и с огромными природными ресурсами и сырьевыми возможностями. Осуществление более энергичной политики царизма в Средней Азии стимулировалось также усилением в 30—40-х годах сбыта в Туркестане товаров, поставляемых Англией, боязнью конкуренции и экспансии с ее стороны. Интересы торгово-промышленной буржуазии России находили поддержку руководящих военных кругов, учитывавших стратегическое значение Средней Азии на подступах к Индии и другим странам Востока. Однако поражение царизма в Крымской войне не благоприятствовало в те годы его завоевательным планам, и дело ограничилось на этом этапе установлением владычества царизма на берегах Аральского моря.

Отправной базой для экспансии в сторону Средней Азии стал Оренбург, на генерал-губернатора которого, В. А. Перовского, были возложены первые военные операции. В 1853 г. была занята Ак-Мечеть, получившая название форта Перовского (ныне Кызыл-Орда). Пограничная крепость Кокандского ханства стала стратегической опорой русского царизма, откуда впоследствии продолжалось дальнейшее продвижение царских войск в глубь Туркестана.

В процессе этого продвижения русские солдаты попадали иногда в плен к кокандцам, что давало им возможность ознакомиться с Кокандским ханством. Известен сибирский казак Максимов, пробывший в плену 11 лет. В оставленных им «Показаниях», наряду с другими ценными сведениями, сообщалось, что «самый богатый между городами Кокании — Ташкент, более ученый город — Кокан». О том, что Коканд являлся цен-

тром богословия, говорят и приведенные Максимовым цифры: в Коканде, по его данным, в то время насчитывалось 500 мечетей¹.

С 1849 по 1852 г. в плену у кокандцев пробыли два сибирских казака Миллюшин и Батарышкин. Их показания, дающие характеристику Коканда раннего периода царствования Худоярхана, были записаны действительным членом Русского Географического Общества А. Макшеевым².

Русское Географическое Общество публиковало в своих изданиях различные сведения о Кокандском ханстве. Наиболее существенный материал был собран к этому времени выдающимся русским востоковедом Владимиром Владимировичем Вельяминовым-Зерновым (1830—1904). Окончив в 1850 году Александровский лицей, где он усердно изучал арабский и персидский языки, он поступил в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, а затем в 1851 году был откомандирован в Оренбург в распоряжение В. А. Перовского. Здесь он совершал поездки в глубь степей, изучал жизнь и быт их обитателей, начал практически знакомиться с местными тюркскими наречиями. Большое внимание он уделял архивным материалам, а также сведениям, полученным от «очевидцев», «добросовестных русских и азиатских купцов». Все это дало ему возможность, не побывав лично в Туркестане, написать исследование о Кокандском ханстве³.

¹ Г. Потанин. Показание сибирского казака Максимова о Кокандском владении. Вестник Русского Географического Общества, 1860, ч. 28 (№ 3), стр. 65—75.

² А. И. Макшеев. Показания сибирских казаков Миллюшина и Батарышкина, бывших в плену у кокандцев с 1849 по 1852 г. Вестник Русского Географического Общества, СПб. 1856, т. 17, стр. 21—31.

³ В. В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Кокандском ханстве. Вестник Русского Географического Общества, часть XVIII, СПб. 1856, отд. 2, стр. 107—152.

В. В. Вельяминов-Зернов впервые сообщил о том, что Коканд был обнесен тремя рядами рвов, которые в случае военной опасности заполнялись водой. За ними возвышалась глиняная стена с бойницами и двенадцатью воротами, также служившая для защиты Коканда от врагов. Постройка этой стены, как установила А. Л. Троицкая¹, была закончена Ширалиханом после 1842 года.

Вельяминов-Зернов приводит в своем исследовании ряд цифровых данных, характеризующих Коканд этого времени: в нем 30 000 жителей, 280 махалля, 8000 глиняных построек, 6 бань, 9 караван-сарая. Говоря о культовых сооружениях, он называет 360 мечетей и 12 медресе. Эти цифры столь же преувеличены, как и у его предшественников, но за ними реально ощущается роль религии и мусульманского духовенства в жизни города.

Сообщил Вельяминов-Зернов и сведения о кустарных промыслах, которыми занимались жители Коканда. Женщины ткали хлопчатобумажные и шелковые ткани и шили из них на базар одежду. Мужчины занимались гончарным ремеслом и изготавливали железную, медную и серебряную посуду, которую чеканили орнаментальными узорами и украшали бирюзой.

Вслед за военными в Кокандское ханство начали проникать ученые. По поручению Академии наук в Среднюю Азию был направлен для зоологических и геологических наблюдений молодой ученый Николай Алексеевич Северцов (1827—1885). В пойме реки Сыр-дарьи он был захвачен в плен, пребывание в котором описал затем в своей книге².

Впоследствии Средняя Азия попала в орбиту постоян-

¹ А. Л. Троицкая. Военное дело в Бухаре в первой половине XIX века. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семёнова. Сталинабад, 1933, стр. 216.

² Н. А. Северцов. Месяц плена у кокандцев. С картой низовьев Сыр-Дарьи. СПб, 1860, стр. 26—29.

ного научного внимания крупнейших русских ученых — П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. П. Федченко, И. В. Мушкетова и других. Однако экспедиции, возглавляемые этими учеными в 70—80-е годы, проходили уже в условиях присоединения края к России.

Средствами художника

В 60-х годах XIX века усилилось вторжение царских войск в пределы Средней Азии, чему способствовали последствия так называемой «крестьянской реформы», создавшей благоприятные условия для развития капиталистической промышленности. Особенно быстрыми темпами стала развиваться текстильная промышленность. Начавшаяся в США гражданская война 1861—1865 гг. снизила поставки в Россию американского хлопка. Тем заманчивее представлялось для царизма и опекаемой им буржуазии завоевание Средней Азии.

12 июня 1864 года царские войска взяли город Туркестан, 22 сентября — Чимкент, 17 мая 1865 года был занят крупнейший экономический центр Кокандского ханства — Ташкент, а в 1866 году присоединена часть территории Бухарского ханства. Из завоеванных земель в 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Считая основной своей задачей продолжение войны с Бухарой, первый туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман не спешил с операциями против Коканда. Наоборот, желая укрепить свой тыл, он вошел в соглашение с кокандским ханом Худояром и 29 января 1868 года заключил с ним мирный договор, который утверждал равные права русских купцов в Коканде и кокандских купцов в России. В 1872 году последовал новый договор также торгового характера.

Присоединение Туркестана к России позволило многим русским людям побывать в этот период в Коканде.

Не миновал столицу последних кокандских ханов и молодой русский художник Василий Васильевич Верещагин (1842—1904). Весной 1870 года он предпринял поездку в Коканд.

Художник запечатлел свою поездку в Коканд в нескольких карандашных и акварельных рисунках.

Особенно ценна картина Верещагина «Входные ворота во дворец кокандского хана» (1874), принадлежащая Ивановскому областному краеведческому музею. Перед зрителем—среднеазиатского типа сооружение с огромным порталом, украшенным двумя минаретами и большим купольным помещением позади. Здание отгорожено от широкой площади переднего плана зубчатой стеной. На площади группы людей в чалмах, некоторые из них на лошадях. Это, по всей вероятности, ханская стража и чиновники.

По своему внешнему виду изображенное Верещагиным здание не имеет ничего общего с новой цитаделью, построенной Худоярханом в 1870 году и окончательно оформленной в 1873 году. Это заставляет предполагать, что во время приезда Верещагина хан жил в старой урде, возведенной еще его предшественниками. Так как последняя была полностью разрушена и никем не запечатлена, тем самым увеличивается познавательно-документальное значение этой картины художника.

Что рассказал ученый

В 1871 году в экспедицию по Южному Тянь-Шаню, Алаю и Памиру отправился крупный русский ученый Алексей Павлович Федченко (1844—1873). Чтобы подготовиться к путешествию и изучить Кокандское ханство, через которое лежал его путь, Федченко зиму 1870—1871 года провел в Ташкенте.

Весной 1871 года Федченко выехал из Ташкента. Его сопровождала жена Ольга Александровна, такая же

неутомимая, как и он, путешественница. В ее задачу входил сбор растений для гербария и зарисовка видов нового края, впоследствии изданных в виде альбома из 14 больших литографий.

Представитель замечательной школы русских географов Федченко был разносторонним ученым. Его в равной мере интересовали геология и климат, растительный мир и животные, этнография и антропология. Зорким взглядом исследователя он схватывал характерное в природе Ферганской долины. Это позволило ему впоследствии дать замечательную географическую характеристику Кокандского ханства¹.

Побывал Федченко и в городе Коканде. Город был обнесен высокой крепостной стеной. За въездными воротами начинались улицы, которые вели к центральной площади. Это был типичный среднеазиатский город с узкими и кривыми улочками, глиняными заборами и домами, шумным базаром, многочисленными мечетями и ханской цитаделью.

В городе было много новых построек, воздвигнутых при последнем правителе Худоярхане, в том числе и торговые ряды. Имеющий высокое деревянное перекрытие, этот базар создавал приятную тень, необходимую в жаркие дни здешнего лета. Своей величиной и разнообразием товаров базар свидетельствовал о широкой торговле.

Особенно интересными показались путешественникам не сохранившиеся до наших дней кирпичные на сводах мосты. По их обеим сторонам были расположены лавки,

¹ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. М., Гос. изд-во географической литературы, 1950, стр. 187—256. Федченко погиб в 1873 году во время восхождения на ледник Швейцарских Альп, успев описать лишь первую часть своего путешествия по Кокандскому ханству. Работа осталась незавершенной. Редактирование и публикация его трудов в основном были выполнены О. А. Федченко.

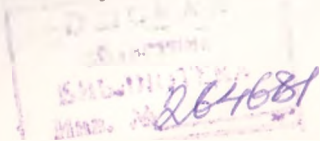
где ремесленники продавали свои изделия. Это напомнило Федченко Замоскворечье XVII века, когда торги происходили около Москвы-реки, на ее деревянных мостах.

Путешественники обратили внимание на художественные изделия горшечников, резчиков, вышивальщиц, продававшиеся в этих лавочках. Большое количество в них халатов свидетельствовало не только о кустарном изготовлении здесь тканей, но и о развитии швейного производства, бытовавшего в Коканде на всех этапах его жизни.

Среди низких жилых построек Коканда возвышались, оживляя силуэт города, памятники культового назначения, носившие типичные черты среднеазиатской архитектуры. Огромное впечатление на путешественников произвели стоявшие друг против друга, ныне не существующие, медресе Мадалихана и медресе Хак-кули-Минг-баши. Не меньше заинтересовали Федченко медресе Минг-аним и Али, постройку которых он датировал XIX веком. Их паружный вид отличался множеством ниш, куда выходили окна келий.

Строительство медресе продолжалось и при Худоярхане. Лучшее из них, отделка которого не была еще при посещении Федченко закончена, было выстроено Худоярханом и его братом Султан-Мурадом в память их умершей матери. Вид этого здания был воспроизведен в знаменитом «Туркестанском альбоме», составленном в 1872 году востоковедом А. Л. Куном.

Будучи крупным религиозным центром, Коканд отличался и большим количеством мечетей. Кафедральной мечетью в этот период была Джами-мечеть, где по пятницам, при большом стечении народа, совершались праздничные богослужения. Федченко с интересом поднимался на верх минарета Джами-мечети. С него, по преданию, сбрасывали преступников и уличенных в неверности жен.

Осмотрел Федченко и ханский дворец. Несмотря на то, что отделка дворца еще не была полностью завершена, его фасад, выложенный цветными изразцами, привел Федченко в восхищение. Он нашел много общего между характером этой изразцовой облицовки и той керамической посудой, которую он видел на базаре. Федченко заметил также, что изразцовый декор сильно уступал древним самаркандским памятникам по чистоте и яркости тона. Одновременно его подкупила прелесть новой кладки, свежесть поливы, отсутствие пятен и осыпей.

Из описания Федченко можно получить полное представление о внешнем виде дворца Худоярхана, построенного в традициях среднеазиатского зодчества с высоким порталом посередине, украшенным большой входной аркой и четырьмя минаретами: два из них стоят по обеим сторонам портала, два заканчивают фасад с юга и севера.

Федченко мы обязаны не только первому по времени описанию внешнего вида дворца, но и его первому обобщенному плану.

Расчетливость и жадность Худоярхана полностью сказались во внутреннем оформлении дворца. Богато украсив фасад, дарвазу и парадные залы, он оставил остальные помещения голыми и неудобными.

Алчный и хищный правитель Худоярхан не довольствовался денежными и натуральными налогами. Он искал разных возможностей нажиться, занимался вымогательством, ростовщичеством, захватывал земли. К этому необходимо добавить его исключительную жестокость. Известно, что на третий год своего правления он казнил много своих подданных. Он поддерживал и рабство, обращая в рабов военнопленных и продавая на чужбину неугодных ему людей.

Все эти отвратительные черты восточного деспота, падкого до наслаждений, жадного и жестокого, яви-

лись основной причиной кокандского восстания 1873—1876 годов, приведшего к падению Кокандского ханства¹.

Француженка в Средней Азии

В 1878 году в Коканде побывала француженка Мари Бурдон вместе со своим мужем ориенталистом Уйфальви. Впечатления от поездки по городам Туркестана Мари Бурдон опубликовала в книге «От Парижа до Самарканда». В книге 300 иллюстраций, в том числе пять гравюр, воспроизводящих ханскую урду в Коканде со всех сторон. Гравюра 1 изображает дворец с фасада. Ему предшествует крепостная стена с огромным порталом, украшенным с обеих сторон минаретами. На переднем плане военный плац. Полностью совпадающая с планом Федченко, эта гравюра как бы является точным его переводом на язык изобразительного искусства.

Гравюра 2 представляет крупноплаповое изображение центральной части фасада дворца с порталом входной арки и отличается четким воспроизведением украшающих его изразцовых узоров. В глубине, за аркой видна выложенная мозаикой стенка — своеобразный экран, загораживавший вид на внутренний двор.

Своеобразной репликой этой гравюры может служить акварель А. П. Матафтина²— чиновника, заведывавшего с 1875 по 1833 год канцелярией Туркестанского генерал-

¹ Недовольство народных масс все большим повышением налогов при Худойрхоне привело в 1873—1876 годах к восстанию, встревожившему колониальную администрацию Туркестана, возглавлявшую к этому времени значительную часть территории Средней Азии. Вмешательство в кокандские события царских войск с целью «наведения порядка» завершилось упразднением в 1876 году Кокандского ханства и образованием вместо него Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

² Хранится в отделе редких и старинных книг Государственной библиотеки Узбекской ССР им. А. Навои.

губернатора. Не представляющая художественной ценности, она с недантичной тщательностью и точностью фиксирует изразцовый декор фасада и так же, как гравюра 2 из книги французской путешественницы, может служить ценнейшим пособием при его реставрации.

Документальное значение имеет гравюра 3, воспроизводящая первоначальное состояние айвана, окружающего внутренний парадный двор. Как известно, до наших дней сохранились только две стороны этого айвана: восточная, примыкающая к саямхане с шестью колоннами, и южная, примыкающая к наружной, выходящей в парк стене, с пятью колоннами. В дни посещения Коканда Мари Бурдон существовала еще третья, ныне совершенно отсутствующая западная сторона этого айвана, имевшего в плане букву П. Она примыкала к оформленному в национальном стиле малому приемному залу и соседней с ним комнате ожидания и имела шесть колонн. Проход между четвертой и пятой колоннами этой западной стороны айвана рассказывает о том, что за парадным двором находился второй дворик, украшенный колоннами того же характера.

Гравюра 3 позволяет реконструировать не только композицию айвана, но и его роспись; на ней отчетливо читается рисунок в линиях и их обрамлениях, узор колонн и трех орнаментальных поясов антаблемента. Все это увеличивает познавательное значение иллюстрации.

Особую ценность представляют гравюры 4 и 5, изображающие не дошедшие до наших дней сооружения задней половины дворцовой территории.

Гравюра 4, посвящая название «Дворец кокандского хана, видимый из сада», свидетельствует, что за айваном западной стороны парадного двора существовало самостоятельное европейского типа двухэтажное здание с окнами, выходящими в парк. Его наличие подтверждают два сохранившихся плана дворца: План Кокандской урды с окрестностями, снятый классным топографом

Борисовским в 1878 году» и «Генеральный план Кокандской урды и каландарханы 1882 года». На обоих планах за парадным двором очертание большого сооружения, не существующего ныне. Характер этой дворцовой постройки, запечатленной на гравюре 4,— нагромождение окон, фронтонов, пиш, башенок — говорит об ее непрочности. До наших дней сохранились лишь несколько помещений первого этажа: малый приемный зал и примыкающая к нему комната ожидания, а также смежные с ними небольшие комнаты, занятые сейчас отделом искусства и администрацией краеведческого музея.

Гравюра 5 из книги Бурдон, под названием «Старинное сооружение, предназначенное для женщины кокандского хана», изображает здание гарема. У него кирпичный массивный нижний этаж, стены которого расчленены пишами и окнами. На плоском перекрытии этого этажа размещено множество галерей, навильонов, открытых площадок, резных решеток. Все эти легкие конструкции и ажурные детали, придавая зданию изящный и нарядный вид, свидетельствовали об использовании его верха для отдыха и развлечений.

Тем же целям был подчинен сад, окружающий дворец с южной и западной стороны. В нем виноградные лозы, свешиваясь, создавали прохладные зеленые тоннели, а среди деревьев блестели зеркала двух водоемов.

Французская путешественница привела в своей книге интересные сведения и о внутреннем оформлении дворца, насчитывавшего в то время 113 комнат. Ей особенно запомнились также паркетные полы из карагача, разрезанного на куски величиной с квадратный метр.

Как ни интересны дневники и записки путешественников, побывавших в Кокандском ханстве до его завоевания, все же они дают поверхностное представление о Коканде. Более обширные и глубокие сведения о жизни города оставили русские люди, попавшие в Туркестан после присоединения Средней Азии к России.

Особенно много сделано для изучения прошлого Коканда и других городов Узбекистана советскими учеными, осветившими историю городов с позиций марксистско-ленинского учения и раскрывшими реальную сущность и своеобразие местных исторических процессов и явлений.

В свете новейших исследований Коканд конца XVIII—первой половины XIX вв. предстает перед нами не только как столица ханов, но и как один из очагов культуры Средней Азии. Правда, эта культура еще носила локальный характер, что определялось границами нового государственного образования, была в основе своей верхушечной, достойнием правящих классов. И тем не менее мы вправе говорить о Коканде ханского периода, как о своеобразном городе, оставившем ряд интереснейших памятников материальной и духовной культуры.

Город

Что же представлял Коканд, как город?

В планировке Коканда ярко отразились черты, свойственные всем среднеазиатским городам феодального строя. Как и они, Коканд со всех сторон был окружен имевшей протяженность 18 верст крепостной стеной, придававшей конфигурации города округлую форму. Высокая, обнесенная наполненными водой рвами, эта стена с бойницами поверху обеспечивала безопасность города в случае вражеских на него нападений. С внешним миром, ближними городами и селениями Коканд соединялся двенадцатью пробитыми в стене воротами. Они были двухстворчатыми, закрывались на ночь, открывались на рассвете. Возле них стояла стража.

О характере кокандской крепостной стены и ворот можно судить по открыткам, изданным после присоединения Туркестана к России. Дольше всего сохранялась стена на северо-западе города с ее Сарымазарскими воротами—они вошли в историю тем, что именно через

них пропикли в Коканд во время завоевания царские войска.

Внутри стены Коканд, как и большинство городов Средней Азии, делился двумя пересекающимися магистралями на четыре части, каждая из которых называлась «даха». На юго-западе города находилась Ходжентская даха с Газаллыкскими, Кудуклукскими, Яйпанскими и Исфаранскими воротами. На северо-западе располагалась Сарымазарская даха с Сарымазарскими и Гиждуванскими воротами. Северо-восток города занимала Маргилаанская даха с воротами Новбахор или Наманганскими, Тоглик и Маргилаанскими. На юго-востоке простиралась Катаганская или Риштанская даха, в которую вели Катаганские, Риштанские и Сохские ворота. Это деление на четыре части сохранилось на плане 1904 года.

В центре ханского Коканда находилась огромная площадь. Существующее название этого места «Чарси», что значит «перекресток», напоминает о том, что именно здесь происходило скрещение улиц, идущих от ворот крепостной стены. Эти основные магистрали пересекались множеством более мелких улиц, переулков, тупичков.

Каждая часть города делилась на кварталы— махалля. В дошедшем до нас плане Коканда 1904 года таких махалля насчитывалось 72.

Большое пространство в центре города занимал Катта-базар, состоявший из крытых рядов и отдельных лавок и являвшийся главным нервом торгово-экономической жизни Коканда.

Расположенный на пересечении древних караванных путей между странами Востока и Запада, Коканд сразу сложился, как торговый город, а его базар стал одним из крупнейших базаров Средней Азии.

Забота о базаре с помещениями для лавок, лабазами и караван-сараями для приезжих торговцев была

привилегией кокандских ханов — первых купцов города. Последний крытый базар города был построен Худоярханом после пожара 1870 года, погубившего восемьсот базарных лавок. К этому строительству хан привлек безвозмездно ремесленников города. До наших дней это сооружение не сохранилось, так как было уничтожено во время контрреволюционного мятежа «кокандских автономистов» 1918 года.

Кроме основного базара, в Коканде был ряд специализированных базаров, а именно: Яг-базар — масло-кисинный базар, Агач-базар — лесной базар, Туз-базар — соляной базар, Туп-катар-базар — халатный базар, Ковун-базар — дынный базар, От-базар — конный базар, Мол-базар — скотный базар, Дуппи-катар-базар — тютеечный базар, Джугари-базар — джугаровый базар и другие.

Внутренняя торговля в ханстве носила замкнутый пределами близлежащих районов и преимущественно меновой характер. Однако имело место и денежное обращение. Хань чеканили при своем дворе монеты. В употреблении находились монеты трех видов: тилля — золотые монеты, равные четырем русским рублям и 21 местным таньга, таньга — серебряные монеты, равные 20 русским серебряным копейкам и 24 местным пулам, пулы, — медные разменные монеты. После присоединения Коканда к России расчеты все больше стали производиться русскими деньгами.

Кроме внутренней торговли, Коканд вел обширную внешнюю торговлю. Восточный торговый путь до Кашгара, расстоянием около 500 верст, проходил через перевалы Алайского хребта и преодолевался купцами в семь дней.

Не меньшую роль в жизни ханского Коканда играла торговля с Россией. На ранних этапах Коканд самостоятельных караванов в Россию не посылал, но широко покупал товары, которые привозили в Ташкент из Тиф-

лиса, Оренбурга, Казани и Тобольска сначала хивинские, а позднее бухарские и самаркандские купцы¹.

Коканд был не только торговым городом, но и крупнейшим центром мусульманской религии, являвшейся основной поддержкой власти. Поэтому именно здания культового назначения прежде всего определяли собой внешний облик ханского Коканда².

Наиболее крупные памятники монументальной архитектуры— здания пятничной мечети и многочисленных медресе— очагов мусульманской учености, возвышались в центре города, возле базара, около Катта Гуристона (большого кладбища).

Соборной мечетью в правлении Худоярхана была Джами-мечеть, с вершины минарета которой можно было видеть весь Коканд. Он расстилался внизу со своими плоскими глиняными строениями, фруктовыми садами, тузовыми деревьями, огромными карагачами и плакучими ивами, с поднимающимися кверху щитками виноградников.

Наряду с этой богатой соборной мечетью в Коканде существовало множество более скромных квартальных мечетей, усиливающих восточный колорит города. Окруженные деревьями, с небольшим хаузом и чайханой поблизости, они представляли общественный центр махалля. В часы намаза верующие спешили сюда по

¹ П. И. Небольсин. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой, Кокандом. Записки Русского Географического общества, том X, СПб, 1856, стр. 82.

² Читатели, интересующиеся историей Коканда, можно отослать еще к опубликованным С. Сабирова «Коканд в прошлом и настоящем» («Ученые записки Кокандского гос. педагогического института, вып. 5, серия общественных наук, Коканд, 1964, стр. 107—132) и В. А. Акрамова «Социально-экономическая и культурная жизнь города Коканда. Вторая половина XIX—начало XX вв. (Ташкент, 1973, 56 стр.). См. также еще литературу, приведенную в кн.: Города Узбекистана. Указатель литературы. Сост. С. И. Кейзер. Ташкент, Госиздат УзССР, 1964, стр. 63—64.

зову муэдзина на очередную из пятикратных ежедневных молитв. По вечерам здесь раздавались звуки дутара и пение—кокандцы любили слушать певцов.

Неподалеку от базара находились постройки общественного назначения—караван-сарай, ошханы, чайханы, а также бани и каландарханы. Центр города всегда был заполнен людьми. Здесь встречались, продавали, покупали, передавали друг другу городские новости, утоляли голод и жажду.

Подлинным архитектурным украшением города являлись ханские резиденции, возведенные руками народных умельцев. История их раскрыта уроженкой Коканда, ныне известным этнографом Средней Азии А. К. Писарчик¹.

Первой кокандской цитаделью считается цитадель основателя города Шахруха, помещавшаяся возле места, где жили впоследствии прокаженные, вследствие чего оно получило название «Махаузор Курган». В 1947 году оно представляло невысокий холм с небольшим на нем мазаром.

Вторая цитадель, о чем писал академик В. В. Бартольд, была воздвигнута сыном Шахруха—Абдул Каримом. Она была построена из глины и окружена стеной с двумя воротами. На месте этой цитадели в середине XIX века выстроили ныне несуществующее медресе Олим (там, где теперь парк имени Фурката).

Для последующих ханских резиденций была избрана территория на западном берегу Кокандская, протекавшего неподалеку от Чарси с юга на север. Именно здесь, на месте теперешней улицы Янги хаёт, была воздвигнута при Нарбутабие, правившем с 1770 по 1800 год, третья ханская урда.

¹ А. К. Писарчик. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы. В кн.: Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. Сталинабад, 1956, стр. 174—181.

Четвертой урдой была урда Умархана, сидевшего на престоле с 1809 по 1822 год. По словам В. П. Наливкина, она находилась на месте урды последнего кокандского правителя Худоярхана.

При Мухамедалихане, правившем с 1822 по 1842 год, эта урда была перестроена и получила название «Заррин» (позолоченная), или Кырксуп.

Предпоследней урдой была урда, построенная около 1864 года для брата Худоярхана — Султана Сейида, которую называли «Джахон ори» (Украшающая мир). Память о ней сохранилась в народе. Место, где она находилась, известно под именем «Эски урда» — старая урда.

Худоярхан, дважды изгонявшийся с престола, боялся за свою жизнь. Тяжелые воспоминания, связанные со старой урдой, где были зарезаны его отец и брат, побудили его построить новый дворец. Место для него было выбрано немного западнее, после чего старая урда была снесена.

Зажиточная часть населения — феодальная знать, ханские чиновники, купцы, духовенство строили свои дома неподалеку от дворца, возле Кокандсая, на теперешних улицах Авроры, Кирова, Самаркандской, Актөпөсай, Кызыл-Намоин, Низами. Именно в этом районе города сохранились до наших дней жилые постройки, богато украшенные изразцовыми облицовками, росписью и резьбой по дереву и ганчу; особенно разнообразны расписные потолки этих домов.

Ценные конкретные сведения о расселении городской знати и других слоев населения Коканда собрал по поручению Института истории Академии наук УзССР кокандский житель, Заслуженный учитель УзССР Пулатжан Каюмов. Согласно его данным¹, торговые

¹ П. Каюмов. Махалля Хайдарбек в Коканде. 1946. Рукопись, 32 стр. Архив Института истории АН УзССР.

кварталы I, II и III Хайдарбек (ныне ул. Чехова, I Шарк, ул. Хамзы), ограниченные с запада Кокандсаем с его кирпичным мостом Гышт-купрюк и с востока городским базаром, были заселены приближенными ханского двора. Крупные баи — торговцы хлопком — строили свои дома в оживленном торговом квартале Шейх-уль-Ислам Гузари.

Вокруг базара и привилегированного центра расселялись мелкий торговый люд и основное население города — ремесленники. Как и в других городах Средней Азии, последние группировались по профессиям, что отражалось на названии махалля. Так, мастера набоек жили в квартале Читгарон (ныне ул. Матбуот), находившемся к югу от базара; ткачи бекасабов занимали квартал Сары Богодур (ныне ул. Озодлик); керамисты населяли квартал Чиннисоз (ныне ул. Узбекистан); резчики по ганчу жили возле дворца, в квартале Курхана, где находился ханский арсенал. Здесь же жили панджарасозы — мастера по выделке решеток, кашгарские выходцы; токари (икчи, бешикчи) группировались в махалле Андижанлик; литейщики занимали квартал Дегрезлик. Ближе к окраинам жили огородники и садоводы, снабжавшие городские базары овощами, фруктами. Кроме коренного населения (узбеков, таджиков, киргизов), в городе жили и пришельцы, которые селились обособленно, но также группируясь по кварталам. Известны махалля Джугут (евреев), Люли (цыган) и др.

Расселение, сложившееся в период ханства, в основном сохранилось и после присоединения Туркестана к России.

Архитектура

История архитектурных памятников Коканда еще не написана. Исследователи архитектуры, обращаясь преимущественно к зодчеству эпохи расцвета среднеазиат-

ского феодализма, обычно обходили вниманием сооружения XIX века. Правда, застойность развития позднего феодального строя не могла способствовать появлению выдающихся архитектурных сооружений. И тем не менее, как это видно на примере Кокандского ханства, политическая консолидация обусловила известное оживление монументального и жилого строительства, создала возможности для возникновения отдельных интересных в архитектурном отношении зданий.

У Коканда не было собственного архитектурного наследия, какое сложилось в Бухаре и Самарканде с их долгим историческим прошлым. Поэтому ведущим кокандским архитекторам XIX века, мастерам на все руки — строителям, ганчкорам и наккошам — Усто Мухаммеду Мусе, его сыновьям Исахану и Юсуфу Али Мусаевым и другим пришлось в своих работах отталкиваться от общих принципов среднеазиатского зодчества, получивших наиболее яркое выражение в культовых сооружениях.

Гордостью столицы Кокандского ханства, как очага мусульманской учености, была мечеть Джамии, построенная при Омархане около 1800 года. Она представляла протяженный, закрытый с трех сторон айван с хонакой (закрытым помещением) в центре и расположенными в три ряда 98 колоннами, поддерживающими богатые расписные потолки перекрытия.

До наших дней также сохранился поставленный рядом с мечетью минарет с гладкой кольцевой кладкой жженого кирпича и шестинарочным фонарем, увенчанным граненым куполом. Доминируя над городом, он вносит своей вертикалью высотный акцент в окружающее его море низких и плоских жилых строений.

Что касается небольших квартальных мечетей Коканда, то они строились по традиционной композиции с хонакой посередине и айваном с одной, двух или трех сторон вокруг. Перекрытия последнего поддерживались резны-

ми деревянными колоннами со сталактитовыми капителями. Потолки, стены, колонны этих мечетей были расписаны характерным для кокандской архитектуры растительным орнаментом — в нем народные мастера широко воспроизводили богатые и разнообразные формы местной флоры.

Характерной чертой кокандских медресе является монументальность. Высокие пештаки сооружений, их величественные входные арки, капитальные купольные перекрытия как бы свидетельствовали о незыблемости феодального строя и его главной опоры — религии.

Характерным образцом кокандского культового зодчества является медресе Нарбутабия, построенное в 1799 году при участии бухарского строителя и резчика по ганчу Усто Касымджана. Несмотря на одноэтажность, здание отличается монументальностью решения — высоким пештаком, двойной аркой, массивными башнями, акцентирующими углы.

Суровости впечатления содействуют также глухая, выложенная кирпичом стена фасада. Отсутствие изразцовых облицовок присуще большинству медресе Коканда, лишь в немногих из них применялся этот вид декоративного убранства.

В организации внутреннего пространства медресе Нарбутабия представляет замкнутое сооружение, вокруг внутреннего двора которого по периметру расположены худжры — кельи для учащихся, мечеть и помещение для занятий — дарсхана.

В строительстве кокандских медресе часто использовалась постановка двух порталых зданий (так называемых «кош» — двойных медресе) на одной оси друг против друга. Этот прием «кош-медресе», способствовавший созданию больших и целостных ансамблей, подметил еще Федченко. Два из них — медресе Мурадбека и медресе Хаким Онм стояли друг против друга возле площади Чарси, там, где теперь парк имени Фурката. Два

других медресе — Мадалихана и Хак-кули-Мингбаши находились на Ходжентской (ныне Ленинабадской) улице, неподалеку от моста Гишт-купрук.

Фасадная стена кокандских медресе обрабатывалась нишами, в которых позднее стали пробиваться окна. Обогащая экстерьер здания, ниши не обеспечивали однако его прочности. Результатом этого, а также недоброкачества строительства явилось огромное количество в Коканде развалившихся медресе. Различная судьба постигла здания медресе ханского Коканда. Некоторые из них полностью разрушились (медресе Мадалихана, медресе Султан Мурадбека). Полусохранившиеся здания используются в наши дни для разнообразных целей: для жилья (медресе Чилнак), для производственных (медресе Хаким Оим) и культурных (медресе Хозрет Сахиб-заде).

В распоряжении бытового комбината «Гулистан» находится сейчас здание медресе Камал Кази, построенное в 1830—1832 годах и радикально перестроенное в 1913—1914 годах. Помещение этого медресе, в отличие от медресе Нарбутабия, имеет небольшие размеры и полностью лишено монументальности. Невысокий, украшенный зубчиками портал, стройные угловые минаретики, мелкий узор цветных изразцов работы усто Мухаммед Сади Кари, расписанные по узорам мастера Умарджана потолки находящейся во дворе мечети — все это приближает архитектурное решение здания к тому изящному декоративному стилю, который наиболее ярко проявился в оформлении кокандских мавзолеев.

Ханы стремились напоминать о себе и после своей смерти. Для этой цели на городском кладбище были возведены две фамильные усыпальницы для мужской и женской половины ханского рода.

Усыпальница Дахма-и-Шохон служила местом погребения правителей Коканда. Построенная Умархачом в начале XIX века, она состоит из трех основных частей:

купольного помещения с порталом, мечети-айвана с двумя колоннами и фамильного кладбища. Последнее обнесено с трех сторон невысокой стеной с арками, которые были заделаны решетками. В его центре группируется ряд гробниц и захоронений, в том числе и мраморная плита над могилой Умар-хана.

Строгие формы мавзолея и его приземистый купол придают усыпальнице ханов суровый характер. В качестве основного художественного средства использована красочная изразцовая облицовка портала. Богатство орнаментальных мотивов, предельная полихромность узоров и разнообразие примененных облицовочных техник подчеркивают значение сооружения в качестве ханской усыпальницы. Красоту декора дополняют две резные двери — одна в портале, вторая — при входе в мечеть. По художественности своей обработки они, пожалуй, не уступают некоторым самаркандским и хивинским. На последней — имя усто Мухаммед Гиясхана, выполнившего эту чудесную резьбу по дереву.

Еще более декоративный характер носит усыпальница женской придворной и феодальной знати, построенная в 1825 году и известная под названием усыпальницы Мадарихана (матери хана). Сооружение ее связано с именем поэтессы Надиры — супруги Умархана.

Жизнеутверждающий характер этого памятника, подчеркнутый сочной зеленью растущих возле него рековых деревьев, является разительным контрастом к мрачным и подавляющим зданиям медресе.

Небольшая по размерам усыпальница представляет портално-купольное сооружение с гранеными минаретиками, за которым расположено кладбище. Необычен декор выложенного кирпичиками портала. Узоры изразцов размельчены, расцветка их сильно отличается от цвета облицовок классических узбекистанских памятников наличием желтого, красного, зеленого. «Здесь больше красок, больше своеобразия», — писал известный архи-

тектор Б. Н. Засыпкин в своем отчете по обследованию в 1935 году кокандских памятников.

В художественном облике обоих мавзолеев ярко проявились основные черты кокандского зодчества. Строители их явно не ставили перед собой задачи создания выразительности самих архитектурных масс, объемов и форм, их пропорций, соотношений и ритмов. Главное свое внимание мастера перенесли на декоративное убранствозданий. Вот почему усыпальницы воспринимаются не столько как произведения архитектурного мастерства, сколько как изделия искусства рук народных мастеров — керамистов.

И тем не менее небольшие, масштабные человеку размеры этих сооружений, камерность их художественных образов, размельченная изысканность узоров, жизнеутверждающая полихромность цветовых решений ласкает глаз и позволяет говорить о наличии в архитектуре Коканда XIX века собственного своеобразно-декоративного стиля.

К числу наиболее значительных архитектурных памятников подобного рода принадлежит также одно из немногих среднеазиатских дворцовых сооружений XIX века — Урда последнего кокандского правителя Худояр-хана.

Строительство дворца велось с 1863 по 1870 год, а оформление фасада изразцовыми облицовками закончилось в 1873 году. На строительстве работали 16 тысяч человек, 80 мастеров и 1000 арб. Народ сгоняли сюда насильственно. Работать приходилось в невыносимо тяжелых условиях, за малейшие провинности облагали штрафом, применяли телесные наказания.

Возведение дворца диктовалось стремлением подчеркнуть силу и могущество кокандских ханов. Чтобы сделать здание недоступным и одновременно придать ему монументальность, оно поставлено на холме искусственной насыпи высотой 4 метра, обработанной по фа-

саду в виде цоколя с аркатурой. Благодаря этому выложенный блестящими изразцами фасад дворца виднелся издали. Площадь, занимаемая дворцом, достигала гектара, не считая примыкавших к нему садов и фамильного кладбища, которое потом было перенесено на другое место.

Подъемом во дворец служил отлогий пандус, мощный первоначально жердями. Хан имел право въезжать во дворец по этому пандусу на лошади, в то время как простые смертные должны были у основания пандуса слезать с коня и подниматься пешком.

Есть предположение, что прообразом кокандской Урды послужил незадолго до того построенный в Хотане дворец Якубхана. Это тем более возможно, что в возведении и оформлении дворца Худоярхана участвовали не только мастера Канибадама, Коканда, Намангана, Уратюбе, Чуста, но и кашгарцы, вывезенные в 1829 году кокандским ханом Мухаммед-Али из Кашгара и осевшие в большом количестве в Андижане. Именно при посредстве этих мастеров происходило проникновение в народные ремесла Ферганской долины некоторых приемов народного искусства Восточного Туркестана.

Планировщиком и архитектором дворца называют Мир Убайдуллу. Расчетливость хана заставила строителя ограничить свои задачи художественным решением одного фасада, что придало сооружению фронтальность. Вместе с тем фасад недостаточно расчленен: крупный по размерам портал почти не выступает из плоскости стен; ниши, которые их украшают, заглублены всего на один кирпич; каллиграфические надписи находятся на одной плоскости с фризом. Нерасчлененность лишает здание контрастной игры света и тени, свойственной классическим памятникам Узбекистана.

Отклонение от канонов классической среднеазиатской архитектуры сказалось и в решении отдельных элементов сооружения.

Различны формы украшающих фасад минарѣтов (гульдоста). Два центральных, примыкающих к порталу, и правый (северный), выполненный мастером Исой Магзумом, имеют одинаковую круглую форму. Левый (южный), построенный Азаметом Домуллой, бухарцем по происхождению, шестигранный и более крупный, что выделяет его из общего ансамбля.

Неодинаково количество стрельчатых ниш, на которые расчленены оба крыла фасада. Если в правой части их семь, то в левой их шесть.

Неодинаково количество окон, пробитых в нишах обеих сторон, а сами окна имеют различную форму, величину и поставлены не по оси ниш.

Эти недочеты конструктивного порядка, являющиеся показателем упадка национальной архитектуры второй половины XIX века, искупаются однако блестящим использованием изразцового декора в оформлении экстерьера дворца. Сплонь покрывая плоский фасад, он придает ему характер красочного ковра и тем самым превращает фасадную стену в своеобразный экран, за которым находятся строения, решенные в плане жилой народной архитектуры.

Необходимо отметить богатство примененных здесь керамических техник. В основном это мозаика из цветных глазурованных кирпичиков, различных по форме — продолговатых, квадратных, ромбовидных, в виде звезд. Большую красоту оформлению придают десять каллиграфических надписей, куфический шрифт которых выложен белыми кирпичиками по сочному ультрамариновому фону. Значительное место занимают и майоликовые глазурованные плитки с нанесенными на них растительными узорами. Несохранившиеся керамические пальметы завершали верх фасада.

Разнообразна и орнаментация фасада. Узоры, заполняющие ниши, представляют неповторяющиеся по рисунку композиции. В то же самое время узор каймы, обрам-

ляющий со всех сторон эти панно, одинаков для каждой стороны фасада. Этот прием позволил мастерам избежать нестроты, придать оформлению фасада организованность, спокойствие.

Цветовая гамма фасада своеобразна. Изразцовый ковер левой стороны выдержан в синевато-зеленых тонах. Правая изобилует желто-бурыми и оранжевыми оттенками. Этот колористический разноразный несомненно являлся следствием участия в облицовочных работах мастеров различных среднеазиатских городов и школ.

Однако в создании общего художественного эффекта керамического декора, превратившего дворец в типичный образец кокандского архитектурно-декоративного стиля, основную роль сыграли риштанские мастера, которые привезли на строительство дворца не только свои излюбленные приемы, но и обладающую высоким технологическим качеством глину.

Имя лучшего из мастеров-облицовщиков дворца изразцами Усто Абдуллы из Риштана сохранилось. Не к нему ли относятся слова куфической надписи на южном крыле фасада:

«Художник, искусство которого подобно искусству Бехзада, украсил каменные плиты».

Создателями изразцового декора, кроме Усто Абдуллы, были и другие известные народные мастера Кокандского ханства: два риштанских гончара Усто Джами и Усто Джамиль, а также искентский мастер Усто Закир, которому приписывают облицовку изразцами входной арки портала¹.

Указанные мастера не ограничились оформлением фасада. Изразцовый узор проникает и в парадные ин-

¹ Данные о мастерах взяты из дневников и отчетов Л. К. Писарчик, ездившей в Коканд в 1938—1939 годах (Архив Главного Управления по охране памятников архитектуры и изобразительного искусства).

терьеры дворца. Украшая по низу в виде панели тронный зал и смежную с ним комнату ожидания, малый приемный зал с комнатой ожидания, а также приемную первого министра и командующего пехотой Атабек-наиб, он придаст всем этим помещениям большую нарядность.

Доминируя во внешнем оформлении дворца, изразцовые облицовки уступают место в украшении интерьеров здания другим видам народно-декоративного искусства, выполненным известными мастерами того времени. Роспись потолков клеевыми красками осуществлял Усто Фазыл Ходжа. Резчиками по ганчу работали в Урде Усто Мамасадык и Сури Юлдаш Наджар-баш.

Сочетание различных видов народного творчества начинается с находящейся за порталом дарвазаханой, которая является одной из интереснейших частей дворца в смысле гармонии конструктивных и декоративных элементов. Квадратной формы, перекрытое куполом со световым фонарем, выявляющим высокое внутреннее пространство, это проходное помещение по-настоящему красиво. Выразительности его способствует крупная резьба по ганчу с белыми узорами по синеватому фону, покрывающая паруса. Нижняя часть дарвазаханы расчленена глубокими арочными перекрытиями — нишами, которые некогда были украшены орнаментальным узором, выполненным техникой кырма. В этих нишах были пробиты на обе стороны украшенные резьбой двери. Северная вела на охранный двор, южная — в комнату, где сидели ханские писцы — мирзы. Особенно красива входная шестиугольная дверь работы народного мастера Карима — она как бы завершает художественное оформление помещения.

Большое место в украшении парадных интерьеров дворца занимает искусство резьбы и росписи по ганчу. Оно находит себе место в панно, размещенных над опоясывающей помещения понизу изразцовой панелью.

В отличие от этих панелей с их геометрическими узорами, ганчевые панно заполнены композициями из стилизованных деревьев (кипарисов, плакучей ивы), растений со сплетающимися ветвями и стеблями, листьев и цветочных розеток. Подобными панно украшены не только стены, но и единственная во всем дворце печка, построенная усто Мамасадыком в комнате Атабек-наиба.

Красные, синие, зеленые интенсивной расцветки фоны эффектно выделяют белый рельеф крупно вырезанного узора. По своим художественным особенностям кокандская резьба по ганчу близка ташкентской, что объясняется общностью исторического развития.

Более ограниченно представлена во дворце роспись по ганчу. Характерными ее образцами являются три панно в комнате Атабек-наиба, изображающие вазоны с букетами цветов.

Ганч используется в парадных залах и для сталактитовых украшений. Таковы ниша саямханы, в которой стоял трон властителя, и ниша малого приемного зала, придающие этим помещениям торжественность.

Широко применяется в парадных интерьерах дворца искусство росписи по дереву. Наибольшего богатства оно достигает в оформлении потолка тронного зала—выдержанная в благородном золотисто-коричневом колорите, она покрывает и его многочисленные хаузаки, и пятирядный карниз с расписными и сталактитовыми поясами. Значительно скромнее расписные потолки правой стороны фасада, где находились зариньхана (казначейство), анфилада трех проходных комнат к кабинету Атабек-наиба, а также в северных помещениях, предназначавшихся для личных покоев старшего сына Худоярхана—Насретдина. Более плоские, с различными по размерам и композиционному расположению, чуть заглубленными частями своей богатой орнаментацией,

они не повторяют друг друга. Иногда в этих комнатах орнаментальные узоры спускаются ниже и обрамляют обшитые деревом оконные и дверные проемы.

Более скромно расписаны потолки окружающего парадный двор айвана. Росписи находят здесь себе место и на поддерживающих перекрытие деревянных восьмигранных колоннах с грушевидными базами и сталактитовыми капителями, что характерно для Коканда.

Что касается резьбы по дереву — резных дверей, дарча (окон на уровне пола с деревянными створками, открывающимися внутрь комнаты), дверных и оконных решеток (панджара), то они когда-то в изобилии украшали дворец. Но солнце, мороз, дожди и, главным образом, судьба самого здания во времени почти начисто уничтожили этот вид дворцового украшения.

Перечисленные виды архитектурно-декоративного искусства широко применялись и в богатых жилых домах Коканда.

Внешняя жилая архитектура города отличалась невзрачностью, приземистостью. Высокий уровень стояния грунтовых вод и засоление почвы заставляли кокандцев возводить не глинобитные, а однорядные или двухрядные каркасные строения, к тому же более устойчивые и в сейсмическом отношении. Уют и своеобразную красоту кокандскому жилью придавали различные летние постройки — айваны, шийпаны (беседка-павильон), суфы, а также навесы виноградников, которые в Коканде высоко подняты над крышами. Эти зеленые козырьки предохраняли здания от перегрева и создавали прохладу.

Особенностью некоторых кокандских домов являются соединяющие две боковые комнаты зимние айваны — кашгарча. Между стойками паружной стенки этих айванов вставлялись раздвигающиеся или поднимающиеся резные решетки. Этот тип жилища и сами решетки с их особым узором, привнесенным в Ферганскую долину

выходцами из Кашгара, кое-где сохранился в Коканде до нашего времени.

Каркасная конструкция позволяла расчленять стены домов стойками на ниши. На торцевой стене обычно делалось две больших и открытых ниши для хранения одеял, на длинной стене — три—пять ниш меньшего размера и разного формата для хранения хозяйственных принадлежностей. Предназначенные для посуды ниши (касамоны) делились на ячейки и прикрывались снаружи резным ажуром ганчевого узора. Пространство между нишами заполнялось резными или расписными ганчевыми панно, в которых геометрические основы заполнялись растительными мотивами. Богатая роспись покрывала и потолки жилых домов, состоящие из балок (боша) и круглых дощечек (васа) между ними. Резные деревянные решетки над дверьми и окнами регулировали проветриваемость помещения. Все эти детали оформления придавали интерьерам жилых домов зажиточных кокандцев нарядный вид, в отличие от однообразных, почти лишенных индивидуальных черт жилых строений городской бедноты.

Народное искусство

Наряду с архитектурно-декоративными видами народного искусства в Коканде получили широкое распространение художественные ремесла, удовлетворявшие бытовые потребности населения.

Чертами несомненного своеобразия отмечены керамические изделия Коканда, обслуживавшие как городских, так и в основном сельских жителей ханства.

Крупнейшим центром бытовой керамики являлось расположенное поблизости от ханской столицы селение Риштан, керамическая посуда которого известна с XV века. Риштанская керамика отличалась высокими каче-

ствами черепка, чем она обязана местной неглубокого залегания глине, добывавшейся на месте и в горах. Оттуда же привозились и естественные красители.

В риштанской посуде ярче, чем в других художественных ремеслах, отразились многовековые связи Ферганской долины с Восточным Туркестаном. Через Кашгар шел в Среднюю Азию выполненный с учетом местных вкусов так называемый кашгарский фарфор. Высоко ценившийся ханами и правящей верхушкой, он украшал дворец и дома богатых феодалов.

Влияние привозных изделий с росписью кобальтом по белому фону явно ощущается и на ранней риштанской посуде. Однако местные гончары вносили в керамику собственное понимание красоты и создали свой стиль. Риштанские блюда того времени отличаются плавным переходом от дна к краю без выделения борта, что придает их форме предельную простоту и пластичность. Для них характерна центрическая композиция с розеткой в середине и ритмическим строем расположенных вокруг нее более мелких розеток и побегов. Крупный сине-голубой узор, выполненный техникой калями, декоративно выделяется на свободном светлом фоне блюда, придавая изделиям впечатление свежести и прохлады.

Местные вкусы еще отчетливее звучат в медночеканных изделиях хапского Коканда, являвшихся в отличие от массовой дешевой керамической посуды достоянием преимущественно привилегированных классов. Развитию этого вида народного искусства значительно способствовало наличие специальных мастерских при дворце кокандских ханов.

Кокандской медночеканной посуде присущи небольшая величина, изящество и стройность силуэтов, тонкость и размельченность обильного растительно-геометрического узора. Украшая изделие в виде поясов, медальонов или сплошь его покрывая, орнаментация придает кокандской чеканке по меди изощренный характер. Огромное вни-

мание в ней уделено обработке крышки, ручки, носика сосудов — они всегда затейливо и вычурно украшены. В орнаментальный декор иногда включаются цветные стеклышки или кусочки зеркала. Реже для украшения используется бирюза, месторождение которой находилось неподалеку от Коканда. Однако мастера предпочитали бирюзу более высокую по своим качествам — привозную бадахшанскую.

Имеет свои особенности и искусство кокандской вышивки, связанной с украшением дома и широко применявшейся в бытовых предметах и одежде. Для возникновения вышивок в Ферганской долине были все условия: развитие хлопководства и шелководства давало искусным вышивальщицам как материал для изделий, так и шелковые нити для выполнения на них узора.

Ранние кокандские вышивки и в частности большие декоративного назначения сюзаны выполнялись на мате в богатой гамме приведенных к гармонии, ласкающих глаз свежих и теплых тонов. Подобно соседним — таджикским, уратюбинским, они представляли композиционное сочетание растительных элементов — ветвей, побегов, стеблей, цветов, плодов. Вышивавшиеся девушкой для себя, предназначавшиеся как приданое, они выражали ее стремление к красоте, ее мечты о любимом, о счастье.

Кокандское хаисто — родина знаменитой чустской тюбетейки. Контрастно выступает на черном фоне этой четырехгранной с закругленными углами, имитирующей своей формой хлопковую коробочку, тюбетейки, вышитый тонкими белыми нитками с богатой игрой стежков рисунок, изображающий стручок перца. Графичностью своей черно-белой палитры чустская тюбетейка резко отличалась от ярких и многоцветных тюбетеек остальных частей Туркестана. Вследствие своей простоты и строгости она приобрела в последующее время общенациональное значение.

Ферганская долина издавна славилась своими тканями. Основное место среди них занимала мата, производившаяся в Намапгане и селении Бешарык недалеко от Коканда. Мата использовалась как материал для набивных тканей, которые в Коканде употреблялись для подкладок. Неменьший спрос среди населения имели полосатые ткани — хлопчатобумажные калямы и бекасабы с шелковой основой и бумажным утком. Предназначавшиеся для мужских халатов, они отличались чередованием одинаковых по ширине и насыщенных по цвету зеленых, синих и фиолетовых полос. Для женских платьев здесь широко использовались авровые ткани с их многоцветным в то время, плавно перетекающим из одной в другую форму, расплывчатым узором.

Потребности двора и феодальной верхушки стимулировали широкое развитие в Коканде ювелирного искусства, производившего главным образом женские украшения. Если имена мастеров других народных ремесел до нас не дошли, то ювелирное дело сохранило имена прославленных умельцев¹. Один из этих мастеров, потомственный заргар Кадыржап Саледжанов, придворный ювелир Худоярхана, умер семидесятипятилетним старцем в 1910 году, передав свое высокое мастерство ряду кокандских заргаров последующих поколений.

Основным материалом кокандских ювелиров в этот период служило серебро, дающее в сочетании с драгоценными и полудрагоценными камнями спокойно-благородные художественные решения. Излюбленным их приемом являлась зернь — техника серебряных шариков, из которых создавались разнообразные узоры.

Кроме местных мастеров, в Коканде работали и пришедшие — ювелиры-кашгарцы (кашгарлык), которые были

¹ М. А. Бикжанова. Отчет о поездке в Коканд 21. XII. 1949 г.—7. I. 1950 г. Рукопись (Архив Института искусствознания им. Хамзы).

известны своими серьгами из витой проволочки в виде полумесяца, обогащенными игрой филигранных подвесок. Среди них прославился придворный ювелир Усто Махмуд, работавший так же, как хаккок — гранильщик бирюзы, которую он в изобилии использовал для женских украшений. Одновременно он гравировал серебряные подносы и кувшины, которые также обогащал вставками из бирюзы.

Черты локального своеобразия кокандского архитектурно-декоративного и бытового народного искусства говорят о том, что Коканд был очагом народных талантов.

Письменность

Культурные потребности Коканда способствовали развитию в нем письменности. Сначала это были рукописные книги, а затем, в конце XIX века, литографированные издания.

Основой для создания рукописных книг являлась бумага собственного производства. Существование в Коканде бумажных фабрик отмечали в разное время Г. Н. Потанин и А. П. Федченко.

Ранняя кокандская бумага имела кремовый или сероватый оттенок, была плотная, поддавалась лощению. С середины XIX века она утратила свои высокие качества, стала грубой, неровной, с пятнами и прожилками. В это время кокандцы стали употреблять бухарскую и самаркандскую бумагу.

Потребителем бумаги в Коканде прежде всего являлся ханский дворец с его хозяйственными, финансовыми и судебно-правовыми функциями. При дворе накопился целый архив деловых документов.

Интересна история этого архива. Он был обнаружен во дворце Худоярхана русскими после присоединения Коканда, однако часть его была расхищена при восстании Пулатхана 1875 года, а многие оставшиеся документы были перемешаны, изорваны, загрязнены. Переслать этот

архив в Императорскую публичную библиотеку Петербурга (ныне библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) было поручено прикомандированному к канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, участнику кокандского похода, востоковеду А. М. Куну. После этого архив был отправлен в Императорскую публичную библиотеку Петербурга. Здесь, за отсутствием специалистов он пролежал неразобранным почти восемьдесят лет в тех же мешках, свертках и ящиках, в каких был при пересылке упакован. Лишь в 1952 году начался его разбор и изучение известным советским историком культуры Средней Азии А. Л. Троицкой, которая после восстановления документов реставраторами составила на них каталог¹. Все эти документы в целом давали широкую картину внутренней жизни кокандского ханства, сложившихся в нем общественных отношений.

Если дворцовым делопроизводством занимались особые ханские чиновники — мирзы, то над созданием рукописных книг трудились специалисты разных профессий.

Процесс создания книги был сложным. Сначала мастер подбирал и вырезал бумагу определенного качества и размера. Затем каллиграф (хаттот) писал текст книги, заполняя им или всю страницу, или разделяя ее на несколько полос. Следующим был позолотчик (лаввах), который брал текст в линейные рамки, украшая рукопись заставками (унванами), а поля — орнаментальными узорами. Иллюстрации к книге выполнял художник-миниатюрист (рассом), а переплет делал переплетчик (саххоф). Имена переписчиков, миниатюристов и переплетчиков на некоторых рукописях указывались.

Искусство среднеазиатской рукописи носило ярко выраженный локальный характер, включало ряд мест-

¹ А. Л. Троицкая. Каталог архива кокандских ханов XIX века. М., «Наука», 1968, 582 стр.

ных школ, из которых наиболее известными были самаркандская и бухарская. Коканд, как город эпохи позднего феодализма, не создал собственной манеры художественного оформления рукописей. Его мастера переносили в свои работы приемы, выработанные Самаркандом и Бухарой.

Основным создателем рукописной книги был переписчик. Восточная каллиграфия создала богатые и разнообразные почерка от наиболее древнего куфического до скорописного насталика. Коканд умеренно использовал начертательно-художественные особенности этих почерков, придающих восточным рукописям особое изящество. Более красивы кокандские кыт'а — каллиграфически написанные тексты с четверостишиями известных поэтов. Но и они значительно уступают классическим образцам.

Тем не менее до наших дней сохранились имена талантливых кокандских каллиграфов. В Каттаганской части города жил придворный писец Умархана — Охун Девон, которого за высокое каллиграфическое искусство современники называли Мирзо-и-Заррин Калам — писцом с золотым пером.

Старейший каллиграф Узбекистана Абдулакадыр Мурадов перечислил в своем исследовании этого вида искусства около двадцати ферганских и кокандских мастеров. Среди них Абдулгази Ходжа Коканди, который учился в кокандском медресе Нарбутабия и работал для Худоярхана. По образцам каллиграфа Мирзы Мир Махмуда Коканди, родившегося в Бухаре, а затем в 1853 году переехавшего в Коканд, выполнены куфические надписи на фасаде дворца Худоярхана. Знатоком различных каллиграфических шрифтов был также Мир Афзал Хуконди.

Рукописей, украшенных миниатюрами — своеобразными иллюстрациями к тексту, в Коканде почти не создавалось, что без сомнения объясняется застойностью развития позднефеодального общества.

Зато искусство переплета XVIII—XIX веков стояло на большой высоте. «Позднейшие среднеазиатские переплеты, делавшиеся только в Бухарском и Кокандском ханствах (то есть в городах Бухаре, Самарканде, Коканде, Ташкенте и др.), были исключительно оригинальными и ничего подобного им в других местах Востока не было»¹.

В своем развитии кокандские переплеты прошли несколько этапов. Для XVIII века характерны переплеты из цельного куска коричневой кожи, лишенные всяких украшений, или из той же коричневой кожи, но с красным корешком и оттиснутыми на передней и задней крышках клеймами. Форзацы в этих рукописях делались также из кожи.

В XIX веке возникли более дешевые переплеты из окрашенной кожи с красными и зелеными корешками. Клеймо стали делать другого цвета, чем переплет, что обогатило рукопись колористически. Тиснение начало покрывать всю крышку переплета: это бордюры, составленные из ряда линейных каемок разной ширины, которые обрамляют центр. Последний обычно заполнен медальоном среднеазиатской формы. Форзацы в это время стали делаться из тонированной бумаги серого или зеленого цвета.

Развитие письменности привело к появлению специальных принадлежностей. Основным инструментом для письма служил калям — тростниковое перо, позволявшее достигать большой художественности в начертании арабских шрифтов. После употребления калямы бережно вкладывались в особые футляры — калямдоны. Для изготовления этих пеналов широко использовались различные материалы и виды народного искусства: металл,

¹ А. А. Семенов. Художественная рукопись на территории современного Узбекистана. Рукопись. 1948 (Собрание Фундаментальной библиотеки ТашГУ).

на котором узоры чеканились, дерево, украшавшееся резной орнаментацией, папье-маше, покрывавшееся росписью.

Появилась потребность и в чернильницах — сияхдон. Они делались обычно из металла и носили разнообразный характер, от самых примитивных изделий до богато украшенных. Часто чернильница соединялась с калям-доном, составляя с ним единое целое.

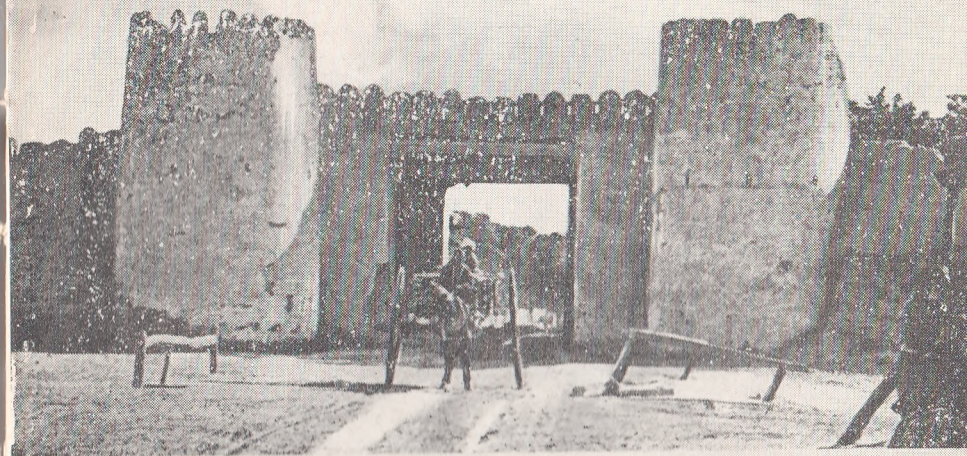
Написанные на бумаге заявления, документы и т. п. нуждались в папках для хранения. Так появились джузгиры — папки для бумаг. Имеющие небольшие размеры, они сначала делались из кожи, крышки обычно покрывались тисненой орнаментацией. Значительно позднее появились джузгиры из прессованной бумаги, на которых штампами также выбивались узоры.

Требующие большого труда для своего создания, рукописные книги высоко ценились знатоками и любителями, которые собирали личные библиотеки. Во дворце Худоярхана была собрана библиотека восточных рукописей, отправленная после падения Кокандского ханства в Петербург. Известна личная библиотека сына Худоярхана — Насретдина. Рукописи собирали богатые жители Коканда, например Юнус Джап Дада Мухамедов и др. Наконец, собрания рукописей накапливались и при медресе.

В связи с развитием торговых отношений рукописи стали товаром. Их начали изготавливать на продажу, на базаре появились лавки, где их можно было приобрести. Торговцами рукописей являлись преимущественно переплетчики. Однако покупатели насчитывались единицами, так как народ был почти поголовно неграмотным.

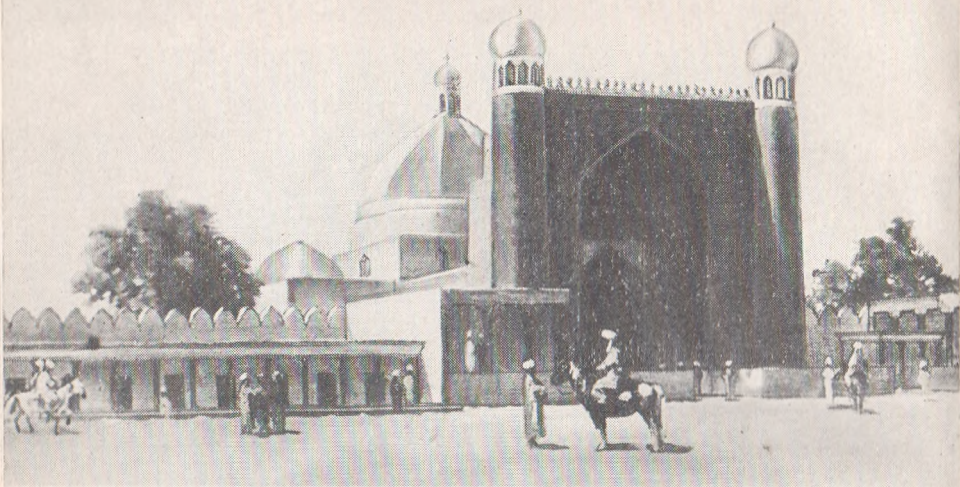
Литература

Большая часть кокандских рукописных книг носила религиозный характер. Это — коран, суры — отдельные его части, хадисы — толкования. Создание этих рукопи-

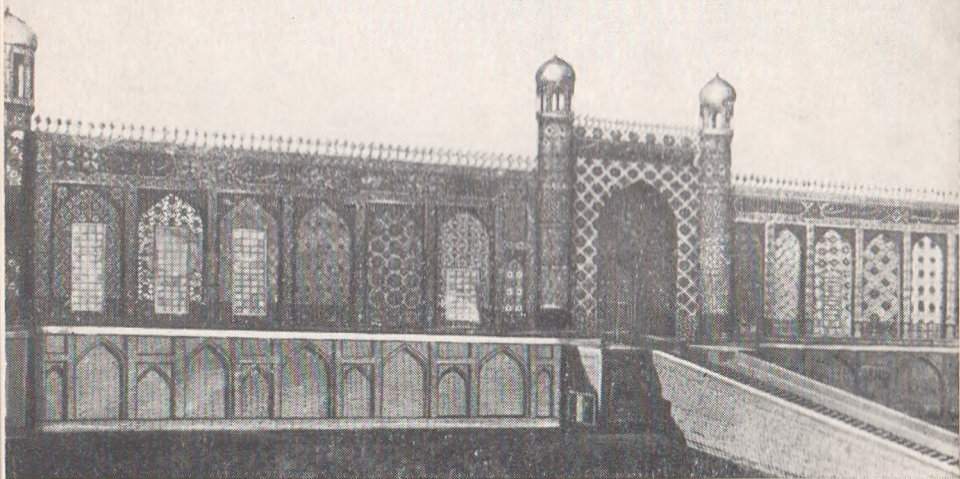

Ворота в крепостной стене, окружавшей Коканд

Вид старого Коканда

Ханский дворец. Рис. В. Верещагина

Фасад дворца Худоярхана. Рис. А. Матафина

сей диктовалось запросами местного духовенства, обучавшего в медресе юношество богословию.

Литературные и научные интересы городского населения вызвали появление рукописей светского содержания. К ним в первую очередь относились произведения классиков восточной литературы, а также исторические сочинения.

Коканд славился своими литературными талантами, поэтому особой любовью кокандцев пользовались произведения местных поэтов.

Типичный феодал и деспот Умархан, следуя традициям дворцовых кругов, приблизил к своему двору ученых и поэтов. Здесь нередко устраивались состязания в поэтическом искусстве.

Это расположение хана к поэзии поддерживала и его жена Надира.

Сохранившиеся стихи Надиры говорят о том, что она, в основном, ограничивалась в своих газелях темами встреч и разлуки с любимым, образами красавиц, соловьев, розы. Вместе с тем Надира была одной из первых узбекских поэтесс, поднявших в своих произведениях голос в защиту человеческого достоинства женщины, ее права на любовь и счастье. Вот почему имя Надиры и ее псевдоним Камилы, под которым поэтесса вначале выступала, неотъемлемо вошли в историю узбекской литературы.

Очевидно, для женщины привилегированного класса Кокандского ханства занятие поэзией не являлось чем-то необычным. Кроме Надиры (Камилы), известна поэтесса Махзуна, жившая в первой половине XIX века. Дочь кокандского ученого, она показала в стихах глубокое знакомство с науками своего времени, что заставляло современников относиться к ней с большим уважением.

При дворе Надиры, как ее наперсница, жила поэтесса Увайси, дочь маргиланского ученого, который сам обучил

ее стихосложению. Выданная замуж за грубого и невежественного человека, Увайси не могла с ним ужиться. Когда Надира познакомилась с ее поэтическим дарованием, она приблизила к себе Увайси, писавшую о себе:

«Ты, нищая, о Увайса, по голос твой богат,
И песню слышную сложить — удача из удач».

Тонкий знаток поэзии своего времени и автор изысканных газелей Фазли Намангани составил сборник стихотворений около ста современных поэтов. Известная под названием «Собрание поэтов» рукопись открывается вступительной статьей Фазли, дающей характеристику включенных в него авторов, и представляет из себя одну из первых антологий узбекской поэзии кокандской придворной школы. Входящие в нее высокопарные и льстивые стихотворения, воспевающие походы и подвиги ханов, отличаются вместе с тем предельной изощренностью формы.

Поэтическая жизнь Коканда первой половины XIX века характеризовалась большой сложностью. Наряду с придворными поэтами здесь успешно выступали поэты, отражавшие в своих произведениях взгляды и чаяния народа¹. Между аристократическим и демократическим направлениями шла острая борьба. Видным поэтом-демократом был Гульхани. Выходец из народа, он работал в Коканде банщиком и позднее был взят во дворец в качестве воина. Несмотря на свой талант и победы на турнирах острословия поэт жил в большой нужде. По словам Фазли, «Гульхани в своей жизни ни разу не ломал целой лепешки и не сиживал за богатым дастарханом». Излюбленным приемом Гульхани была аллегория — под видом животных и птиц он разоблачал недо-

¹ Подробнее см.: А. П. К а ю м о в. Кокандская литературная среда (XVIII—XIX вв.). Ташкент, Изд. АН УзССР, 1961, 359 стр., на узб. яз.

статки современного ему общества, тиранию и деспотизм правителей. Произведения Гульхани пользовались в народе огромной популярностью.

Простым сапожником был и другой крупнейший представитель народного крыла кокандской литературы поэт-сатирик Махмур. Имея большую семью, бедствуя до конца жизни, Махмур писал стихотворения, реалистически отражавшие быт народа и разоблачавшие грязные дела и пороки феодальной верхушки — ханских чиновников и мусульманского духовенства. Его стихотворения на смерть Алимхана показывали подлинное лицо самодержавного деспота, выражали протест против феодального гнета.

Разнообразие литературных направлений и творческих индивидуальностей в кокандской поэзии первой половины XIX века вошло как ощутимый вклад в историю узбекской литературы.

Наряду с поэтическими произведениями, в Коканде были созданы исторические труды, в которых нашла отражение наполненная войнами, походами, народными восстаниями и дворцовыми переворотами жизнь кокандских правителей.

Среди наиболее ранних трудов исторического характера следует отметить мемуары Ходжи Мухаммеда Хаким-хан-тюри «История Бухары и Кокандского ханства» («Интихаб-и-Таварих») 1866 года.

Иногда исторические сочинения того времени использовали поэтические формы. Такова верноподданническая повесть в стихах «Султанское жизнеописание» 1871 г. Муллы Васи'джаи Манзура, посвященная жизни и деятельности последнего кокандского правителя.

Большая часть исторических исследований писалась по распоряжению ханов. К ним принадлежит «Тарих-и-Шахрухи», включающая события от Шахруха до последних дней Худоярхана. Сочинение было написано в 1871 году кокандцем Муллой Нияз Мухаммедом, причем

события последних лет он излагал как по рассказам современников, так и по своим собственным впечатлениям очевидца. Принадлежа к враждебной Худоярхану партии, он освещал факты и события объективно, без лести и приукрашивания. Это не понравилось кокандскому деспоту, он потребовал автора к себе и приказал рукопись переделать. Текст этой рукописи без перевода под названием «Тарихи Шахрухи» был издан в 1885 году в Казани востоковедом Н. Н. Пантусовым¹.

Некоторые исторические исследования создавались не по ханскому заказу, а по собственной инициативе любителей старины. Такова «Тарихи Джахан Намои», написанная кокандским жителем Джунанд Мулла Аваз-Мухаммедом. Торговец по профессии, он затратил на свою работу 15 лет. Первая часть его истории, излагающая события начала XIX века, составлена по письменным источникам и рассказам старых людей. Пережив несколько правителей и будучи очевидцем многих событий своего времени и, в частности, завоевания Коканда в 1842—1843 годах бухарским эмиром Насруллою, автор написал вторую часть на основе непосредственных впечатлений. Основное внимание историк уделил военным событиям, закончив свой труд завоеванием Коканда царской Россией. Последняя часть ценна также тем, что в ней приводятся даты постройки базарных улиц и общественных зданий города².

Последним годам ханского Коканда посвящена представляющая стихотворную повесть «Книга о сражениях Алимкула и книга об изгнании» Муллы Халбек б. Мулла Муса, который жил в Коканде во второй половине XIX века и был участником восстания Пулатхана 1875 года.

¹ Б. В. Лунин. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, «Фан», 1965, стр. 238—239.

² Р. Н. Набиев. Уникальный источник по истории Кокандского ханства. Известия АН УзССР, 1947, № 1, стр. 31—34.

Немногочисленные из дошедших до нас сочинений, созданных летописцами своего времени и проливающих свет на историю далекого Кокандского ханства, являются, при критическом к ним отношении, ценными историческими источниками.

* * *

Так все же, каким был ханский Коканд? На этот вопрос в значительной мере помогли ответить подлинные экспонаты из собраний Кокандского красаведческого музея. Пушки и кривые сабли, использовавшиеся для ведения бесконечных войн; налоговые документы, долговые обязательства, плети и кандалы, свидетельствующие о политическом и экономическом угнетении трудового народа; амулеты и четки, манекены дервишей и каландаров, напоминающие о власти разных форм религиозного дурмана... Музей раскрыл передо мной мрачную картину феодального режима, основанного на полном подавлении и бесправии человеческой личности.

Впечатления от экспозиции усилила ночь. Сильнейший ветер, к которому привыкли и который уже не замечают местные жители, беспрепятственно проносясь по главной улице Коканда, до утра сотрясал стены гостиницы, где я остановилась. Клонились, грозя обломаться, верхушки растущих под окном тополей, раскачивались лампочки уличных фонарей, создавая причудливую и тревожную игру света и тени. Ярость разбушевавшейся стихии, заставляя вспоминать о всевластии светских и духовных феодалов, не давала мне долго уснуть.

Утром в мой номер постучали. Мы условились с работниками музея посвятить день знакомству с городом. Серое небо нависло над нами. Из-за порывов сильного, но уже как бы уставшего ветра, я с трудом улавливаю неторопливое повествование одного из моих спутников, уроженца Коканда, знатока его истории. Долго бродим

мы по городу, рассматриваем памятники старины, заходим в лавки с керамической посудой, отдыхаем в чайханах. Под конец мы заглядываем на кладбище, останавливаемся возле полуразрушенных сооружений и могил. Вот мавзолей ханов с его суровыми мужественными формами, мраморное надгробие Надиры. На кладбище, кроме нас, никого нет. Мы одни в этот скучный осенний день стоим у останков умерших и говорим о давно прошедших временах. Только огромные толстые собаки, понуро опустив голову, как тени, бродят среди могил, подчеркивая уединенность этих мест.

Кто-то из моих спутников вспоминает, как ханы любили собак. Собаки были их верными помощниками в бесчисленных придворных охотах. Они стерегли ханов в темные ночи, что не мешало, однако, происходить дворцовым заговорам, переворотам, насилиям и убийствам. Особенно был пристрастен к собакам последний кокандский правитель — Худоярхан. Имея большую исарню, он срамливал собак друг с другом и наслаждался их страданиями и агониями. Собачьи драки и игры так развлекали хана, что, по слухам, он выловил почти всех собак у жителей своей столицы.

Усталые от долгой прогулки, удрученные серым днем и мрачными впечатлениями, мы возвращаемся в город. Вечереет. Темным силуэтом на фоне сумеречного неба вырисовываются громады дворца Худоярхана, куда мы заходим.

Как мрачный призрак ханского Коканда, я увожу с собой эти воспоминания.

Дворец

Первым актом колониальных властей Российской империи по заятии войсками столицы кокандских правителей и утвердившихся в ханской цитадели было образование новой Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Одновременно был создан и ее управленческий аппарат. Сразу же встал вопрос, какой из городов Ферганской долины избрать областным центром. На первых порах эти функции выполнял Коканд. Но расположение города в низменном месте, недостаток в нем хорошей питьевой воды, что приводило к массовому заболеванию населения малярией и зобом, концентрация в нем враждебных феодальных сил делали Коканд неудобным для размещения областной администрации. В конце концов было решено рядом с городом Маргиланом, лежащим в центре долины, построить Новый Маргилан, куда 27 апреля 1877 года официально были переведены из Коканда областные учреждения. Этим именем город называли до 1907 года, когда он был переименован в город Скобелев, а в 1920 году получил свое теперешнее имя Ферганы. Коканд же вошел в Ферганскую область как уездный город с 23 волостями, расположенными на северо-западе Ферганской долины. Вместе с тем на него была возложена задача военного надзора над завоеванной окраиной.

«Бывшая столица ханства, город с 38 тысячами жителей, центр местной торговли, рассадник мусульманской учености, местопребывание шести тысяч мулл и улемов, Коканд заслуживает и требует постоянного зоркого наблюдения администрации, которая обязательно должна жить вблизи народа; в Коканде должен быть небольшой военный опорный пункт, гарнизон, который имеет оберегать все военные запасы и склады, казначейство и тюрьму и, в случае надобности, держаться в своем пункте до прихода резервов», — так откровенно высказывался в 1884 году Ферганский губернатор о военном назначении Коканда.

Для размещения гарнизона был выбран дворец Худоярхана, как наиболее обширное, укрепленное и безопасное здание города.

Однако ханский дворец с его специфической планировкой оказался неудобным для нужд военной администрации. Кроме того, как прямое следствие использования для внутренних дворцовых построек сырцового кирпича, кладка многих сооружений стала катастрофически разрушаться. Особенно непрочными оказались постройки с легкими конструкциями, подобные зданию гарема. Пришлось часть ветхих и грозивших падением зданий, мешавших новым функциям крепости, полностью уничтожить. Другая их часть была радикально переделана. В этой переделке особенно пострадали ненужные для новых условий жизни архитектурные детали — резные двери, ставни, деревянные решетки, колонны — большая их часть была снята и варварски уничтожена. Другая часть деталей была реконструирована. Так, три резных деревянных окна — дарча, выходившие из тронного зала на айван парадного дворика, были превращены в два окна и дверь европейского образца. Равным образом были переделаны окна-дарча малого приемного зала, а в его нише для трона было пробито низкое, выходящее в сад окно.

Не меньшее разорение постигло ханские сады, которым Худоярхан уделял огромное внимание. Часть сада, окружающего дворец, пострадала от разрушения крепостной стены, которая при взятии Коканда была взорвана по приказу генерала М. Д. Скобелева. Пришли в упадок и пригородные ханские сады — Афган-баг, Султан-Мурад-баг, Насретдин-баг.

Возведенные в 1873 году строения уже к 1882 году представляли картину упадка и частичного разрушения.

Территория урды в это время делилась только на две части. Тронный зал и примыкающая к нему комната ожидания были приспособлены под церковь военного ведомства во имя св. Константина и Елены, — она функционировала вплоть до 1908 года, когда в Коканде было построено специальное церковное здание.

В комнатах противоположного фасада было расположено казначейство, а также помещалась канцелярия командира батальона. В малом приемном зале в 1878 г. было открыто мужское училище, в остальных соседних комнатах разместили квартиры учителей. Для женского училища было приспособлено оставшееся от гарема помещение в юго-западном углу территории. Вдоль всей северной стены протянулось здание казарменного типа, в котором находились квартиры офицеров, цейхгаузы и провиантские склады. Эта задняя часть была стеной отделена от передней.

О некоторых деталях тогдашнего состояния дворца мне известно не только по литературным источникам. О них мне рассказывали и знакомые, чье детство протекало в стенах дворца. Именно здесь, в крепости, в семье офицера родилась ныне умершая Анна Ивановна Каменская, преподавательница иностранных языков Ферганского пединститута. От нее я узнала, что, кроме пандуса, в то время вдоль западной стены крепости лепилась прикрытая от города деревьями кирпичная лестница, по которой поднимались в церковь.

Производившаяся реконструкция внутренних помещений не нарушала внешнего облика дворцового сооружения. Несмотря на свой запущенный вид, дворец и после присоединения оставался основной достопримечательностью Коканда. Так, в короткой справке о городе, приведенной в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, говорится: «Единственным, заслуживающим внимания зданием, является бывший дворец кокандских ханов (урда, арк), своей архитектурой и разноцветными изразцами напоминающий знаменитые мечети и медресе».

Внешний вид дворца неоднократно воспроизводился на открытках того времени. Восторженным описанием дворца сопровождал свой очерк о Средней Азии писатель Е. Марков¹. Его восхищали «чудесные сочетания узоров и красок и изумительное разнообразие арабесок». Однако путешественник заметил и заброшенность урды, которая «с каждым годом приходит все больше в запустение. Средств на ее содержание отпускается очень мало, а между тем такое во всей Азии знаменитое здание... стоило бы поддержать в его первобытном блеске. Урда теперь занята разными военными учреждениями, которые мало церемонятся с нею и отнюдь не признают ее историческое значение».

Это пренебрежительное отношение к дворцовому зданию со стороны не только военных, но и городских властей делается понятным, если вспомнить, что Коканд в конце XIX — начале XX века перерастает начертанные перед ним задачи опорного военного гарнизона, становится на путь бурного экономического развития.

¹ Е. Марков. Россия в Средней Азии, т. II, СПб, 1901, стр. 46—54.

Историю Коканда, как города, после присоединения ханства к России, можно разделить на два периода: 1876—1898-е годы были периодом первоначального формирования города, 1898—1917-е годы стали годами его полного сложения. Водоразделом между этими двумя периодами послужила постройка Андижанской ветки Закаспийской железной дороги.

Занятие урды под войсковой гарнизон определило характер планировки Коканда, особенности расселения в нем жителей.

Обычного для ряда городов Средней Азии обособленного деления на «старый» и «новый» город в Коканде не произошло. Новые, «европейские» кварталы возникли здесь в центре ископного города, вокруг ханской урды. Главной улицей Коканда стал пробитый в 1880-х годах в толще местных глинобитных построек Розенбаховский проспект (ныне Советская улица). Начиная от урды, он получил направление с запада на восток, до Ходжентских ворот. Совершенно естественно, что немногочисленные для уездного города здания административных учреждений, а также торговые помещения возникли именно на этой улице.

С ростом города рядом с дворцом, параллельно и перпендикулярно Розенбаховскому проспекту, возникли еще семь улиц: Батыревская (ныне Октябрьская), Воскресенская (ныне Ленина), Комитетская (ныне М. Горького) и другие. Для постройки этих улиц пришлось разрушить окружающие узкие и кривые улочки старого Коканда, уничтожить незатейливые домики местного населения.

Благоустройством Коканд того времени не отличался. В 1886 году замощенным был только торговый и деловой центр города — Розенбаховский проспект и одна прилегающая к нему улица. Сам проспект производил пекази-

стое впечатление. Здания европейского типа перемежались на нем с неогороженными пустырями, уживались с «кибитками», а также наскоро построенными лавчонками и чайханами. Стоило свернуть на десяток метров в сторону от Розенбаховского, как начинались узкие улочки, грязные тупички, дувалы, бессистемные постройки.

Коканд вплоть до 1917 года управлялся уездным начальником, в руках которого находился весь административный и полицейский аппарат. В 1888 году в его ведение перешло и городское хозяйство. Новый начальник города разбил на аллеи бывший ханский сад и перебросил через Кокандсай мосты.

Возникновение города европейского типа в центре старого создавало большие осложнения в земельном хозяйстве, подняло цены на землю, вызвало спекуляцию участками. Они продавались здесь значительно дороже, чем в других городах Туркестана.

Дальнейшие изменения в планировке Коканда произошли в связи с постройкой в Средней Азии железных дорог. Бурно развивавшаяся после реформы 1861 года промышленность России нуждалась в источниках сырья и рынках сбыта. Огромное расстояние, отделявшее Туркестан от центров страны, осложняло торговое с ними общение. Переезд от Оренбурга до Ташкента на почтовых занимал около трех недель. Еще дольше шли торговые караваны, которые везли русские товары в Среднюю Азию, а среднеазиатские — в Россию. Удаленность от центра присоединенной окраины грозила осложнениями и в случае военных конфликтов.

Прежде всего была построена Закаспийская железная дорога, которая, по словам В. И. Ленина, «стала «открывать» для капитала Среднюю Азию»¹. Затем начала строиться Самаркандско-Андижанская ветка, соединив-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 74.

шая Ферганскую долину с Каспийско-Волжским бассейном.

В 1898 году железная дорога дошла до Коканда, а в 1899 году — до Ташкента. Именно к этому времени относится строительство первого Кокандского вокзала. Оно было выполнено по проекту инженера-строителя Г. М. Сваричевского, сыгравшего значительную роль в сложении архитектурного стиля городов дореволюционного Туркестана. Это было здание казенного типа, облицованное кирпичом, имитировавшим каменную кладку. Плоское, со скудной разделкой фасада, оно мало украсило город, но дало повод для проведения второй крупной магистрали Коканда, так называемого Скобелевского проспекта (ныне улица К. Маркса). Проложенный на месте отчужденных в принудительном порядке участков частных владельцев, он в начале 1900-х годов под прямым углом соединил Розенбаховский проспект с вокзалом.

Новые улицы и постройки мало изменили общий вид города. На почтовых открытках того времени Коканд предстает перед нами как типичный среднеазиатский город с обсаженными деревьями улицами, прямыми арыками вдоль тротуаров, небольшими и маловыразительными строениями.

Однако проведение железной дороги внесло коренные изменения в жизнь Коканда. К 1897 году в нем уже насчитывалось 80 354 жителя. Если Андижан и Наманган становились в это время центрами хлопководства, то Коканд превращался в крупнейший торгово-промышленный город Туркестана.

Торговля и промышленность (1876—1898)

Присоединение Средней Азии к России окончательно втянуло Ферганскую долину в широкие торговые отношения. Несмотря на то, что административным центром Ферганской области был избран Новый Маргилан, экономическая жизнь края сосредоточилась в Коканде.

Основным импортным из Кашгара товаром стал на этом этапе кирпичный, зеленый и черный чай, который по получении поступал на возникшие здесь чаеразвесочные предприятия. Развеской чая в 1890—1900-х годах в Коканде занималось более десяти русских фирм, в том числе бр. Высоцких, бр. Кузнецовых, Вогау и К°. В уже развешенном виде чай отправлялся по городам Средней Азии и в Россию. В самом Коканде чаем торговали торговые дома Вогау и К° и А. В. Швецова и К°.

Для регулирования внешних торговых операций в Коканде была создана таможня. В ней взимались пошлины за привозимый чай, а также регистрировались товары, экспортировавшиеся из Ферганской долины в Кашгар.

Центром кокандской торговли по-прежнему являлся основной базар с его крытыми рядами и многочисленными лавками. По числу торговых помещений Коканд значительно превышал соседние города. Если в 1910 году в Андижане было 1411, а в Маргилане 1480 лавок, то в Коканде их насчитывалось около 5000. Число сравнительно крупных магазинов достигало в Коканде 113.

Расширение торговли вело к росту местного капитала. Для того чтобы представить себе его объем, достаточно заглянуть в путеводители по среднеазиатским железным дорогам, которые широко рекламировали в своих приложениях торговые предприятия Туркестана, в том числе и Коканда. Одних только мануфактурных торговых фирм в Коканде насчитывалось 19.

К числу кокандских торговцев мануфактурой, ставших крупнейшими капиталистами, принадлежали братья Вадьяевы, Р. Т. Потеляхов, Якуб и Хаим Симхаевы. Оптовой продажей мануфактуры занимался торговый дом Юсуфа Давыдова и С. Иссаханова с сыновьями. Мануфактурные лавки на базаре имели местные купцы Якуб Ильясов, Ю. Ягудаев и бр., Алим Ягудаев и бр., М. Зияев и др.

Оптовую торговлю мануфактурой с местными купцами производили русские текстильные фабрики, открывшие в Коканде свои конторы и направившие в них своих представителей. Среди них главную роль играли Прохоровская мануфактура (Москва), Тверская мануфактура, Шлессельбургская мануфактура (Петербург), Большая Ярославская мануфактура, а также Товарищество Мануфактуры М. Коновалов с сыном, Н. Н. Полушин, Э. Циндель.

Широко внедрялась в быт коренного населения резанная обувь Товариществ «Проводник» и «Треугольник».

Большую популярность завоевала также посуда русских фарфоровых заводов Гарднера и Кузнецова, которые, учтя национальные вкусы, начали выпускать пиалы, кофьи, чайники, чилимы, украшенные среднеазиатским орнаментом. Успешно сбывали среди местного населения свою продукцию нефтяная фирма Нобеля и фирма швейных машин Зингер.

Торговый рост Коканда, увеличение его потребностей сопровождалось проникновением на его рынок иностранной промышленной продукции. В 1912 году в Коканде было несколько торговых иностранных фирм, реализующих здесь свои промышленные товары. Немецкое акционерное общество Юлиус Пинти рекламировало в Коканде электрические лампы «Сириус». Итальянский завод Франко Тозо Леньяно предлагал свои машины и станки.

Названные русские и иностранные фирмы и отдельные коммерсанты имели в Коканде не только свои конторы, представительства и доверенных лиц, но и торговые помещения, склады и лабазы. Эти постройки в основном были сконцентрированы на улицах, связывающих Розенбаховский проспект со старгородским базаром, и, в частности, на Ходженской — ныне Ленинabadской улице. Часть складских помещений строилась возле вокзала. Все это придавало колониальному Коканду своеобразный облик.

Заинтересованная в расширении рынков сбыта своей промышленной продукции, царская Россия пуждалась в сырье, особенно в хлопке. Естественно, что именно Коканд, как город, расположенный на Самаркандско-Андижанской ветке при въезде в Ферганскую долину, стал центром торговли хлопком.

Это выгодное в торговом отношении географическое положение Коканда подкрепилось проведением в 1906 году царским правительством Оренбургской железной дороги, связавшей Среднюю Азию с центром России. Немалую роль сыграла также постройка в 1912 году местными предпринимателями новой железнодорожной ветки, соединившей Коканд с Наманганом. Имевшая в длину 84 версты, она облегчила подвозку хлопка в Коканд, приблизила хлопковые богатства Ферганской долины к покупателям. Вслед за этим в 1913 году торговый дом Р. Потеляхова построил узкоколейную железнодорожную ветку от Ассаке до станции Ванновской. Все это многократно усилило значение Коканда, как крупного торгового центра и транзитного узла.

Покупателями хлопка, кроме русских мануфактуристов и польских предпринимателей, стали в 1900-х годах представители активно вторгавшегося в Среднюю Азию иностранного капитала. Таково, например, парижское товарищество ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера, которое ежегодно присылало сюда своих доверенных для закупки хлопка.

Образовавшиеся в Коканде 25 хлопковых фирм вели в окрестных кишлаках заготовку хлопка-сырца. Особенно оживленной торговля становилась со второй половины июля, когда сюда съезжались представители разных мануфактурных фабрик и фирм. Сделки в это время достигали многих миллионов рублей.

Некоторые из коммерсантов и предпринимателей, а также их представителей оседали в Коканде — строили здесь дома, привозили сюда свои семьи. Однако наряду

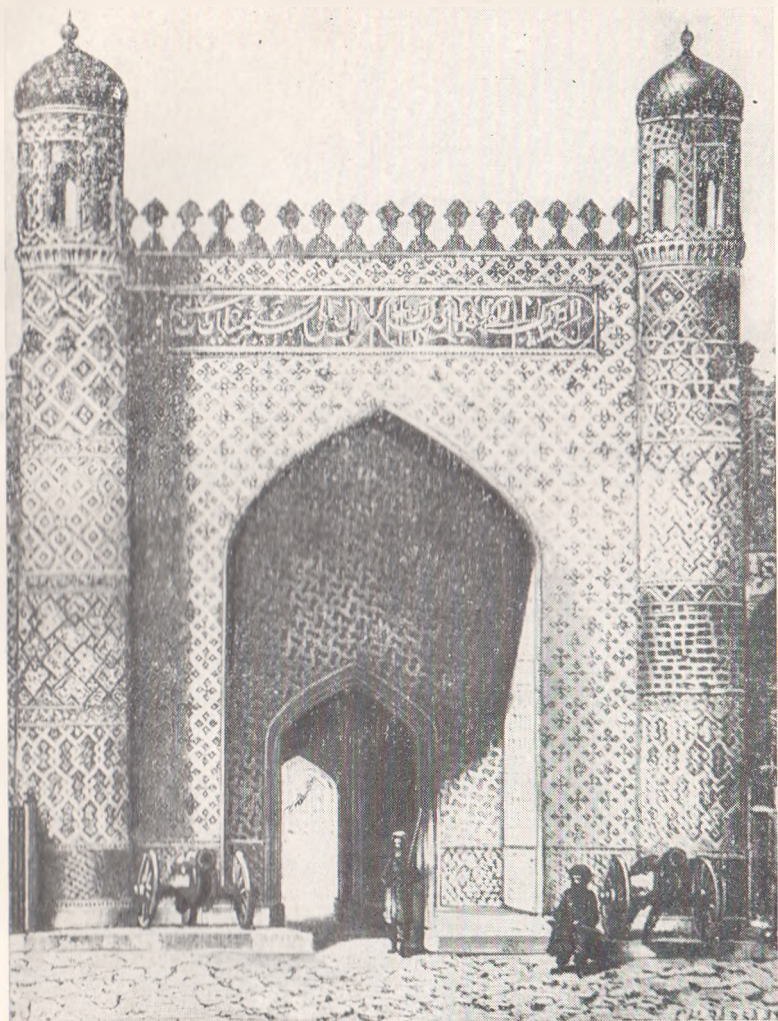

Иллюстрация из книги М. Бурдон.

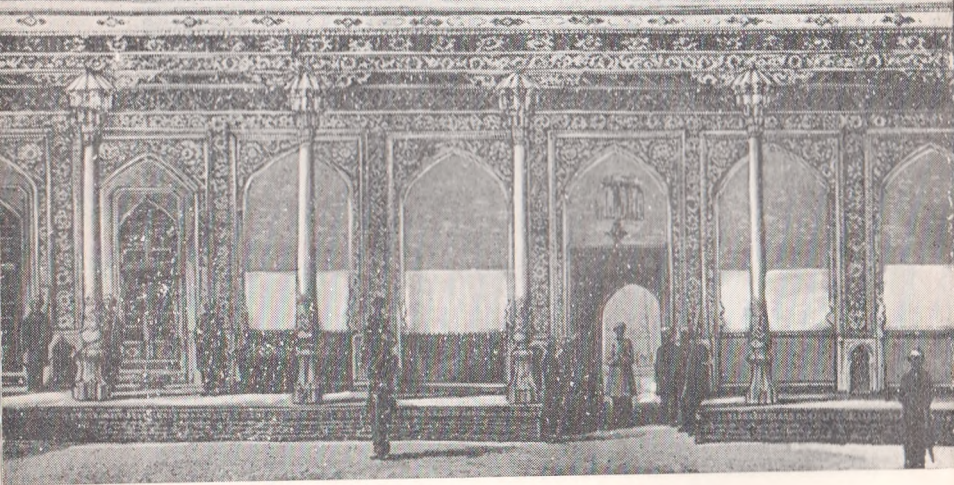
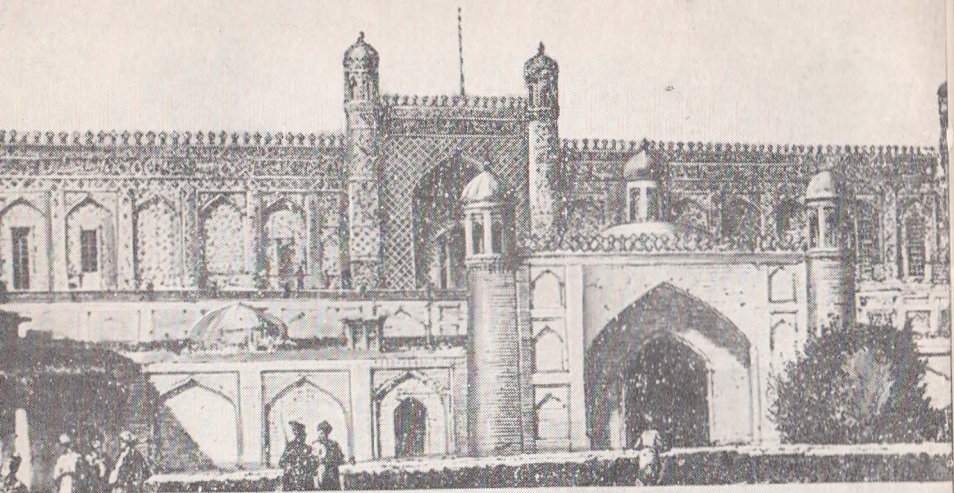

Иллюстрация из книги М. Бурдон

с ними большую роль в торговле хлопком играли скупщики — дельцы, которые не пускали здесь корней, не обзаводились недвижимым имуществом. Совершив сделку, они возвращались к своему родному очагу в Лодзи, Варшаве, Париже, чтобы на следующий год снова приехать на хлопковый сезон. Коканд для них оставался лишь местом наживы. Это они создавали в нем атмосферу ажиотажа и конкуренции, разоряя производителей хлопка — дехкан — кабальными договорами.

Одновременно с развитием торговли в Коканде возникла промышленность. Вполне естественно, что раньше всего здесь, на месте производства хлопка, появились заводы по его первичной обработке. В 1910 году в Коканде и его уезде насчитывалось 12 хлопкоочистительных заводов, причем шесть из них принадлежало местным предпринимателям.

Характерно, что владельцами этих заводов становились крупнейшие торговцы города, что свидетельствовало о концентрации в одних руках торгового и промышленного капитала. Таков, например, был Торговый дом со смешанными функциями братьев Вадьяевых — он объединял скупку хлопка-сырца и его обработку.

Возле хлопкоочистительного завода Вадьяева в хлопковый сезон стояла вереница груженных арб. Наиболее крупным предприятием этого рода был построенный возле вокзала завод Р. Т. Потеляхова.

Одновременно в Коканде появились и маслобойные заводы, использующие отходы хлопка. Продукция шести действовавших здесь заводов широко распространялась по городам Средней Азии.

Третьей отраслью обрабатывающей промышленности Коканда являлась шелковая. Ведущая роль в ней принадлежала крупному, технически оснащенному, научно поставленному гренажному заведению Торгового дома братьев Мандалаки. Соединяя закупку и обработку грены и торговлю ею, он был связан с русскими и иност-

ранными фирмами, производящими шелковые ткани. В помощь этому предприятию в городе были организованы 7 коконосушилок.

Наиболее видное место из заводов иностранных предпринимателей занимал кишечночистительный завод немца Г. В. Дюршмидта. Скупая за бесценок у местного населения бараньи кишки, Дюршмидт направлял их в Германию для переработки на струны для музыкальных инструментов, на чем получал крупные прибыли.

Бытовые потребности кокандского населения удовлетворяли кожевенный завод М. Н. Ниязматова, мыловаренный завод Р. Т. Потеляхова, пивоваренный завод А. Ф. Стефани, ледоделательный завод П. О. Гара, четыре мельницы и несколько кирпичных заводов.

Всего в Коканде в 1900-х годах было 58 промышленных заведений с общим числом рабочих около 2500 человек. Однако промышленность, за малыми исключениями, стояла на низком техническом уровне. В качестве двигателей использовались лошадиная и верблюжья силы, а также водяные колеса (чигирь).

Бурный экономический рост Коканда позволил «Ферганским областным ведомостям» охарактеризовать его в 1909 году как «центр среднеазиатской торговли и промышленности, в которую вложены сотни миллионов московских, петербургских, варшавских, лодзинских и других фирм».

Расширение торговли и промышленности отразилось на внешнем облике города. В 80-х годах в Коканде преобладали местные торговцы в национальных халатах и тюбетейках, а сама торговля велась в основном на узбекском языке.

В 90-х годах здесь в изобилии появились акающие и окающие русские купцы в армяках, смазных сапогах и картузах. Они уступили в 900-х годах место элегантным представителям иностранных фирм в модных, черных с белыми полосками брюках «под Макса Линдера» и со-

ломенных шляпах — капотье. На каких только языках ни говорили в это время в Коканде.

Втягивание Средней Азии в мировой торговый рынок уничтожало национальную замкнутость и феодальную разобщенность, формировало местную буржуазию по образу и подобию приезжих капиталистов... Они стали обзаводиться особняками, менять характер жизни, перенимать внешнюю культуру. О трансформации внешнего облика буржуазии присоединенных окраин выразительно говорил В. И. Ленин, приводя слова писателя Глеба Успенского: «господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтичного национального костюма в костюм европейского лакея»¹.

Вместе с тем развитие товарно-денежных отношений способствовало появлению у кокандской буржуазии националистических настроений. Они усилились после прихода к власти в Турции младотурков. Под влиянием идущих отсюда идей пантюркизма кокандская буржуазия в лице своих идеологов из правого крыла джадидов уже в первые после Февральской революции дни создала реакционные националистические организации, которые привели Коканд в 1918 году к контрреволюционному мятежу так называемых автономистов.

Бурное экономическое развитие Коканда требовало наличия банков, и они появились в городе. По количеству банков Коканд занимал первое место в Туркестане. Несмотря на чисто русские названия, в организации этих банков значительную роль играл иностранный капитал, взявший под контроль хлопковое хозяйство Средней Азии.

В 1915 году в Коканде, кроме Государственного банка, функционировали еще 11 банков: Русско-Азиатский банк, 75% акционерного капитала которого принадлежало иностранцам, Русский для внешней торговли банк,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

связанный с немецким капиталом, соединенный банк, производивший все виды банковских операций, Московский купеческий банк, связанный с английским, французским капиталом Московский учетный банк, Азовско-Донской коммерческий банк, связанный с франко-германским капиталом, Волжско-Камский банк, связанный с французским капиталом, Сибирский торговый банк, связанный с франко-германским капиталом.

Кроме того, в Коканде находились отделения трех специальных банков по покупке-продаже земельных участков: Заемный кредитный банк, Нижегородско-Самарский земельный банк, Полтавский земельный банк, а также целый ряд мелких кредитных товариществ.

Банки размещались в лучших зданиях города, на его центральных улицах и главном базаре. В специально для них построенных зданиях находились Государственный банк (теперь в нем помещается Литературный музей АН УзССР) и Русско-азиатский банк (теперь здесь помещается Кокандское отделение Госбанка УзССР). Московский учетный банк занимал левое крыло дома Вадьяевых на углу Розенбаховского и Скобелевского проспектов. Рядом, в том же здании, но в его правом крыле находился Сибирский торговый банк. Волжско-Камский банк располагался на углу нынешних ул. Ленина и Чернышевского, его здание сгорело во время мятежа автономистов (здесь теперь находится поликлиника № 2). Около церковного сквера помещался Банк Общества взаимного кредита. На улице, ведущей к базару, имел свое двухэтажное здание Русский для внешней торговли банк.

Развитию торговли и промышленности Коканда содействовал также учрежденный в 1908 году Кокандский биржевой комитет. Председателем его был назначен кокандский купец, австриец по происхождению, А. И. Зигель. Биржевыми старшинами были выбраны кокандский купец 1-й гильдии Я. Х. Вадьяев, директор Русско-Азиатского банка С. А. Кнабе и представитель Товарищества

Шлиссельбургской мануфактуры В. Э. Кох. В состав членов биржевого комитета входили представители крупных банков, мануфактур, торговых фирм, а также отдельные капиталисты.

Деятельность Кокандского биржевого комитета отличалась значительной широтой разрешаемых им вопросов. Этому способствовало приглашение специалистов по отдельным отраслям хозяйства. Так, в качестве секретаря и классификатора хлопка там работал окончивший в 1911 году восточный факультет Петербургского университета, ставший впоследствии известным этнографом Средней Азии, М. Ф. Гаврилов. Ему же принадлежал ряд экономических публикаций в издававшихся Кокандским Комитетом отчетах¹.

Основным вопросом, которым занимался Комитет, было хлопководство и связанные с ним отрасли народного хозяйства — борьба с сельскохозяйственными вредителями, ирригация, организация метеорологических станций.

Не меньшее внимание Комитет уделял торговым вопросам — организации мелкого кредита, работе таможи, постройке подмосковного завозного склада и т. д.

В 1908 году, имея в виду необходимость в подготовленных коммерческих кадрах, Комитет ходатайствовал о превращении Кокандского Коммерческого училища из 6-классного в 8-классное.

В том же 1908 году Комитет поставил вопрос о необходимости организации в Коканде городского самоуправления. Он мотивировал свои требования тем, что Коканд являлся первым по экономике городом Ферганской долины. Да и по количеству населения Коканд достиг в 1910 году 113 000 человек, в то время как в

¹ Б. В. Лупин. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, «Фан», 1965, стр. 377.

областном центре — Новом Маргилане жило всего 12 000 человек.

Коканд имел только две широкие улицы — Розенбаховскую и Скобелевскую, массу переулков «кишлачного» типа, без тротуаров, шоссе, освещения, антисанитарных.

В условиях царской России рассчитывать на широкое благоустройство колониальных окраинных городов не приходилось. Все это могло осуществиться только после Великой Октябрьской социалистической революции, принесшей и народам Средней Азии свободу и равноправие.

О чем рассказывают улицы

К. Г. Паустовский назвал свою последнюю поездку в Польшу «Третьим свиданием».

Я не считала, сколько у меня было свиданий с Кокандом. Но всякий раз город поворачивался ко мне новой гранью, которая что-то прибавляла к предыдущим впечатлениям. И каждое соприкосновение с ним неизменно вызывало отчетливое ощущение историзма. У меня появилось желание погрузиться в его прошлое, пройти по его улицам, заглянуть в его дома.

Улицы, дома, люди... Нашу экскурсию по колониальному Коканду нужно начать от дворца, который играл большую роль в жизни города на всех этапах его развития. Но мы не будем здесь долго останавливаться. Судьба ханской урды после присоединения Коканда к России нам уже известна — это скучный военно-административный центр. Возле ворот цитадели стоит с ружьем солдат. Вокруг расположены казармы и казенные учреждения. Где-то поблизости, на задворках, — тюрьма. Жизнь течет во дворце однообразно: узкий круг служак царского престола, военная муштра по утрам, гауитвахта для про-

винившихся. Военные живут семейно, замкнуто; проводят свои досуги в неподалеку от дворца расположенном военном собрании. Только два раза в их жизни случились необычные события: в 1898 году произошло открытое нападение недовольных царской колониальной политической повстанческих отрядов на расположенный в Андижане гарнизон. Оно закончилось окружением города царскими войсками и жестоким подавлением. Еще более широкие размеры приняло народно-освободительное движение 1916 года. Направленное против мобилизации местного населения на тыловые работы в России, оно носило ярко выраженный классовый характер, включало широкие слои трудящихся кишлаков и городов Средней Азии. Непокойно было не только в Кокандском уезде, но и в самом Коканде. Здесь весь день 9 июля происходили непрерывные демонстрации трудящихся с выступлениями против местных властей. Пришлось дважды высылать в старый город карательные отряды для подавления восстания...

В бывшем ханском парке уже дымятся шашлычные и пловные — пужно же европейцам познакомиться с экзотикой. По воскресеньям вечером военный оркестр играет в раковине «Кукушку в лесу», и чинно прогуливаются по расчищенным аллеям степенные жители.

От дворца начинался Розенбаховский проспект — главная магистраль Коканда. В самом его начале, на площади находилась возведенная в 1908 году церковь. Это типичный православный храм с одним приделом, какие были построены русскими в завоеванных городах Средней Азии. Он существовал до 1934 года, когда был разобран, как не представляющий художественной ценности... А возле церкви раскинулся сквер, буйно разрослись деревья.

Но вот и Розенбаховский. Прямой, как стрела, он сосредоточил между церковью и Скобелевским проспектом конторы, представительства, магазины, гостиницы,

ресторан, аптеку. По вечерам, когда ярко горят фонари, здесь прогуливаются взад и вперед обыватели. Это тот пятак, на котором люди знакомятся, встречаются, обмениваются новостями, сплетничают, флиртуют. Днем Розенбаховский — самая оживленная улица Коканда.

Эта торговая часть сменяется по приближении к Скобелевскому проспекту деловой. Здесь всегда много народа, шумно. Ведут свои операции помещающиеся в угловом доме Вадьяева различные бапки и торгово-промышленные товарищества. Широко открыл двери своего нового здания Русско-азиатский банк. Волнуется биржа, на ходу зачитываются телеграммы, завязываются деловые знакомства, совершаются сделки.

Здесь, на скрестке двух проспектов, находятся лучшие строения торгово-промышленного Коканда 900-х годов.

Для наблюдения за строительством в Коканде существовала должность штатного городского архитектора, которую занимали сначала М. Ф. Мауэр, а потом К. А. Хачатурян. Заурядные постройки производили обычные подрядчики. Для более ответственных сооружений в Коканд приглашались архитекторы из Ташкента — В. С. Гейнцельмап, И. А. Маркевич, Г. М. Сваричевский.

Коканд, как ни один город Узбекистана, изобилует постройками стиля модерн. После I съезда русских художников, который состоялся в 1895 году, стиль модерн стал модным стилем русской буржуазии, строившей особняки для личной жизни и многоквартирные жилые дома для получения доходов.

Чертами стиля модерн перенасыщен архитектурный облик Кокандского отделения Русско-Азиатского банка, построенного в 1913 году архитектором И. А. Маркевичем. Здание имеет асимметричную композицию, состоящую из объемов разного размера. Фасад его украшен прямоугольными и круглыми окнами со сложными переплетами, а подъезд и ворота — коваными решетками с гнуты-

ми линиями. Во внутреннем оформлении огромного, двух-светного операционного зала используются бронзовые накладки, гирлянды. Полы, выложенные мозаичными плитками с рисунком модерна, и богато украшенный деревянный потолок завершают его убранство. Необычно решен в виде башни, увенчанной световым куполом, восьмиугольный вестибюль. Стены его в изобилии покрыты висячими растительными мотивами и перепоясаны фризом с плетущимися травами.

Здесь же, на стыке Розенбаховского и Скобелевского проспектов, в наиболее благоустроенном центральном районе города строились дома местных богачей, стремившихся в архитектурном оформлении особняков подражать своим московским собратьям. Окружавшие их дома цветники, сады, павильоны для павлинов услаждали жизнь владельцев.

К числу лучших особняков центра Коканда принадлежит построенный в 1907 г. напротив банка дом Вадьяева. В его архитектуре можно сразу обнаружить знакомые по зданию кокандского вокзала приемы инженера-строителя Г. М. Сваричевского. Приятных пропорций, он симметрично раскинул свои крылья по сторонам прилегающих улиц. Выходящие на них парадные подъезды с широкими лестницами украшены полукруглыми проемами со вписанными в них окнами и входными дверями и увенчиваются куполами со шпилем. Большую теплоту экстерьеру придает отличная кирпичная кладка. Этот строительный материал является основным художественным средством архитектора.

Богатейший коммерсант Коканда, торговому дому которого принадлежали контора по скупке хлопка, хлопкоочистительный завод, покупка шелковых коконов и коносушилка, П. Х. Вадьяев сдавал этот дом под банки.

К числу лучших особняков центра Коканда принадлежит также расположенный на другом углу скрестка Розенбаховского со Скобелевским проспектом дом второ-

го «торгового туза» Р. Т. Потеляхова (ныне в этом доме Междугородная телефонная станция).

Малограмотный, но ворочавший миллионами, Потеляхов построил этот дом в 1907 году для молодой жены.

Во дворе особняка были заведены теплицы с диковинными цветами, собранными со всего света. Вероятно, он заплатил немалые деньги архитектору, который сумел простыми средствами придать его дому известную монументальность, добротность, солидность.

В фондах краеведческого музея Коканда имеется переданная старым большевиком города Ф. П. Лексашевым копия любопытного документа, рассказывающего о судьбе этого «хлопкового короля». Боясь приближающейся революции, Потеляхов заблаговременно перевел за границу на имя германского подданного принадлежавшие ему 2400 акций потеляховского торгового дома на сумму около 30 миллионов рублей. Оставшись сам в Коканде, он умело использовал трудные для первых лет Советской власти годы. Купив в 1917 году бездействующую ватную фабрику, он умудрялся получать для нее хлопок, который сбывал по спекулятивным ценам, реализовав таким образом 213 вагонов волокна. Кроме того, Потеляховское товарищество сумело продать хлопок урожая 1916 года, который стоил 96 рублей за пуд, по ценам урожая 1917 года, когда его стоимость возросла до 118 рублей за пуд.

За сокрытие богатств и спекуляцию Потеляхов был арестован органами ВЧК, препровожден в Таганскую тюрьму, а затем переведен в тюрьму при ВЧК. Об этом рассказывает справка «по делу хлопкового короля Р. Потеляхова» за № 181 от 25 ноября 1918 года, составленная одним из сотрудников ВЧК¹.

¹ Документ этот опубликован в книге «Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917—1921 гг. «Сборник документов. М., Гос. изд. политической литературы, 1938, стр. 220—221.

Родственники Р. Потеляхова, в том числе и его брат Натаниэль, хлопотали об его освобождении, предлагая за это большие деньги. Однако ВЧК решило этот вопрос по своему, в интересах переживавшего тяжелые хозяйственные затруднения советского государства. На документе резолюция председателя ВЧК:

«Тов. Аванесову

Вот справка о деле хлопкового короля Потеляхова. Мы предложили отдать его родственникам, если они дадут за него несколько миллионов пудов хлопка.

26/XI Ф. Дзержинский».

Выпущенный из тюрьмы, Потеляхов и его брат не вынесли для себя уроков из этого дела. Вернувшись в Среднюю Азию, Потеляхов нашел приют в Бухарском эмирате, где сидели «свои» люди. По материалам, собранным Ф. П. Лексашевым, он сумел проникнуть в представительство Туркеспублики при эмире бухарском. Здесь он вел всякими путями агитацию против Советской власти, тормозил хозяйственные и финансовые дела молодой Советской республики, продолжая заниматься спекуляцией. Поняв, наконец, безнадежность своих ожиданий реставрации старого режима и боясь новых репрессий со стороны рабоче-крестьянского правительства, Потеляхов с братом вскоре удрали за границу, куда ими благовоременно были переведены капиталы.

Продолжим, однако, нашу экскурсию по городу. Завернув на Скобелевский проспект, на правой его стороне, несколько дальше дома Потеляхова, мы увидим протяженный на целый квартал дом торговца мануфактурой Або Симхаева (ныне в нем расположен нефтяной техникум), а на левой стороне дом его брата Молла Симхаева (ныне Педагогический институт). Свидетельствуя о богатстве и широком образе жизни своих прежних владель-

цев, эти здания, однако, в архитектурном отношении ординарны. Не представляет художественной ценности и построенное кокандцами на пожертвованные деньги здание Общественного собрания (ныне Дом культуры).

Если пойти дальше по Скобелевскому, неподалеку от вокзала с левой стороны встретится солидное сооружение, украшенное полуциркульными окнами и парапетом наверху, что придает ему некоторую нарядность. Это бывшее управление Наманганской железнодорожной ветки, построенное инженером-путейцем А. Н. Ковалевским.

Улочка, продолжавшая Скобелевский проспект к северу от Розенбаховского, в те далекие времена тянулась всего на два квартала. За Михайловской (ныне Ворошиловской) улицей она кончалась, там виднелись окружавшие город хлопковые поля.

В 900-е годы жилищное строительство города устремилось на северо-запад. В этой наиболее возвышенной части города возводили свои дома в основном предприниматели-иностранцы.

Чтобы познакомиться с архитектурой этой части, продолжим нашу прогулку по Розенбаховскому проспекту, который на данном отрезке пути утрачивает торговый характер, но не менее интересен. Здесь что ни здание, то история.

Если идти по правой стороне проспекта, то первым зданием стиля модерн на нашем пути будет контора чаеразвесочной фабрики братьев Высоцких (сейчас здесь помещается Геофизическая экспедиция), склады же этой фабрики находились возле старгородского базара и во время мятежа кокандских автономистов сгорели. Это небольшое соразмерное сооружение делится двумя портиками на три неравных объема. В боковых его частях по три окна разной величины, что характерно для модерна. По верху стена украшена орнаментальными вставками, такие же вставки расположены под окнами. Закругленные контуры входных ниш, расходящиеся линии лестниц,

висячие декоративные мотивы, кованые решетки по верху придают зданию приятный вид.

Рядом с чаеразвесочной фабрикой находится дом, построенный архитектором В. С. Гейнцельманом для кокандского коммерсанта А. И. Зигеля (ныне здание детской консультации). В отличие от соседних зданий оно представляет небольшой, причудливой архитектуры особняк, первый этаж которого с богато разработанным фризом отличается от низкого и скромного верхнего полуэтажа. Украшенный по одному углу рустами, он заканчивается с другой стороны граненой пристройкой, увенчанной башней.

Коммерческому Коканду хорошо было известно имя владельца крупного торгового дома бр. Крафт, который выпускал на принадлежавшей ему Бешарыкской фабрике гигроскопическую вату. Архитектор В. С. Гейнцельман построил для него в 1903 году на главной улице города большой, богато украшенный дом (ныне здание военкомата). Отличительной его чертой является непомерно огромная арка в центре с двумя по ее углам башнями — она придает зданию характер скорее административного учреждения, чем жилого дома.

За домом Крафта располагается здание Коммерческого училища, построенное в 1907 году на средства «отцов города» архитектором И. А. Маркевичем (ныне школа № 1). В архитектуре этого здания ясно проявилось тяготение к классике. Оно сказалось в геометрической четкости очертаний его объема, строгой соразмерности частей, скупости декоративных украшений.

Таким же спокойствием архитектурных форм отличается находящееся на противоположной стороне здание Государственного банка (ныне его занимает Литературный музей им. Мукими). Построивший его в 1897 году архитектор выбрал для оформления спокойные приемы неоклассицизма — направления, достигшего расцвета в русской архитектуре начала 1910-х годов. Протяженное,

без членения на отдельные части, оно хорошо смотрится благодаря четкому ритму оконных проемов и редкими, с большим чувством меры вкрапленными в гладкие кирпичные стены декоративными вставками с орнаментом меандра.

Розенбаховский проспект вскоре пересекается Банковской (ныне Карла Либкнехта) улицей с маловыразительными, утопающими в садах домиками, принадлежавшими некогда мелкой буржуазии. Тем ошеломительнее впечатление от двух одинаковых, стоящих рядом необычной архитектуры зданий — их четкие формы эффектно вырисовываются на фоне синего неба и темно-зеленой листвы деревьев. Если употреблять слово «особняк» во всей полноте его значения, то это, пожалуй, лучшие особняки города. В них жили владельцы крупнейшего гренажного завода Коканда, братья Мандалаки. Греки по национальности, они дали задание неизвестному нам строителю использовать в создании художественного образа этих сооружений приемы и формы античного искусства.

Архитектор достиг высокохудожественного образа спокойствием четко очерченных объемов, тактичным применением строгого ионического ордера и классического орнамента меандр. Особую картинность (в лучшем смысле этого слова) и композиционную уравновешенность придают зданиям, зеркально повторяющим друг друга и соединенным воротами, приставленным на их внешних углах башни. Открытые на все стороны арками и ажурными баллюстрадами, они как бы противостоят своей возвышенной красотой чистогану коммерческого Коканда.

Совсем иное впечатление производят находящиеся поблизости возле Романовского сквера три здания, принадлежавшие крупному кокандскому дельцу М. М. Барышеву (ныне школа-интернат), — в них нет ни слаженности ансамбля, ни признаков хорошего вкуса. С именем Бары-

шева кокандцы столкнулись в 1910-х годах, когда он усиленно скупал земельные участки на северо-западной окраине города. Получившие название «барышевских земель», эти участки были им выгодно перепроданы при прокладке наманганской железнодорожной ветки, что дало ему большие капиталы. Проводил эту дорогу, субсидирующуюся Акционерным обществом, возникшим при Русско-азиатском банке, уже названный инженер А. Н. Ковалевский. Опытный строитель путей сообщения, ловкий предприниматель, он подобно Барышеву заработал на этом строительстве огромные деньги.

За Романовским сквером, получившим в первые годы Советской власти название Кропоткинского, а ныне имя убитого басмачами комсомольца Абдуллы Набиева, начинался так называемый «немецкий квартал». Он открывался особняком С. А. Кнабе, который известен не только как директор Русско-азиатского банка и один из трех старшин Кокандского биржевого комитета, но и как председатель попечительного совета Кокандского коммерческого училища, где учились его дети. Судя по этим должностям, Кнабе был умелым человеком, нашедшим свое собственное место в деловой жизни Коканда.

Просторный, стоящий в обнесенном решеткой саду, особняк Кнабе (ныне детдом № 7) представляет собой своеобразную энциклопедию характерных атрибутов стиля модерн. Асимметричное композиционное соединение разнообразных объемно-пространственных форм, окна разных размеров и конфигураций, обрамляющие оконные и дверные проемы, декоративные веточки и гирлянды, плоские капители, заканчивающиеся мужскими и женскими полуфигурами с наброшенными на головы покрывалами, — все это делает особняк Кнабе типичным образцом модного буржуазного стиля.

Если возвратиться на Розенбаховский проспект, на его левой стороне кокандцев встречал двухэтажный кирпичный дом представителя Шлиссельбургской ману-

фактуры В. Э. Коха. (На месте этого дома теперь находится клуб хлопкозавода № 1). Преуспев в своих коммерческих делах, Кох был избран членом Кокандского биржевого комитета, державшего под своим контролем производившиеся в городе хлопковые операции.

О широком образе жизни иностранных дельцов можно судить также по особняку представителя Прохоровской мануфактуры Шмидта (ныне Детский туберкулезный санаторий). Владелец держал конюшню, часто выезжал в город в экипаже с лакеем.

Заканчивая обзор кокандских буржуазных особняков, нельзя не подчеркнуть бросающегося на слух обилия немецких фамилий их владельцев: Кнабе, Кох, Крафт, Шмидт — все эти имена являются ярким свидетельством активного проникновения в Коканд германского финансового капитала.

Чтобы завершить картину образа жизни кокандской буржуазии и чиновничества, следует вспомнить немногочисленные увеселительные заведения Коканда 1910-х годов.

Для семейных развлечений незадолго до революции в Коканде были открыты два кинематографа — «Аполло», помещавшийся против дворца, и «Модерн», расположенный возле церковного сквера. В них можно было поплакать вместе с Верой Холодной и Иваном Можухиным и поохотаться над Глупышкиным или Максом Линдером.

В ресторане при гостинице Гоглидзе (против дворца) удавалось не только «по-европейски» поужинать, но и завязать деловые знакомства и обеспечить выгодные сделки.

Любителей острых впечатлений и господ «при деньгах» привлекал кафешантан Шедини, находившийся на Скобелевском проспекте, недалеко от вокзала.

В общественном собрании на Скобелевском каждый вечер собирались любители бильярда и поклонники виста, преферанса и более азартных игр. Изредка в нем вы-

ступали гастролеры: Славянский с его капеллой, драматическая труппа братьев Ге и другие.

Об этих выступлениях город вспоминал месяцами. Здесь же можно было посмотреть местные любительские спектакли и послушать концерты Кокандского музыкального кружка.

Иногда в помещении Общественного собрания устраивались благотворительные вечера в пользу учащихся Коммерческого училища или студенческого землячества.

Особенным колоритом отличались вечера, устраиваемые немецкими дельцами. Здесь угощались традиционными сосисками, пели старинные песни буршей и, охмелев, поднимали тосты за кайзера. Но вот началась первая мировая война. Разгром немецких магазинов и закон от 6 мая 1915 года о ликвидации немецких фирм заставили их быть более осторожными. Нужно было принимать меры, быстро реорганизоваться. Так, Кокандская фирма «Кнабе» превратилась в Акционерное общество «Волокно», а Общество «Гердарт и Гай», занимавшееся транспортировкой хлопка из Туркестана, стало называться «Русским транспортным обществом».

Летом 1917 года местная буржуазия и чиновничество организовали в Коканде благотворительный вечер в пользу «войны до победы», на котором разыгрывался портрет А. Ф. Керенского. Начали с 1000 рублей, цены постепенно повышались: 5000, 10 000, 15 000, 25 000, 40 000. Портрет за 50 000 рублей выиграл Вадьяев¹.

Деньги лились рекой. Начальник Кокандского отделения жандармского управления Среднеазиатской железной дороги приводил слова местного бая: «Такой войны сто лет не дожدهшься, когда же не пажиться, как не теперь».

И поздно ночью по освещенным центральным улицам Коканда в собственных или наемных извозчицких пролет-

¹ Воспоминания Р. Новгородского и Л. Соловьева.

ках разъезжались по домам разгулявшиеся, но уже обреченные историей «хозяева жизни», не предчувствуя приближения грозной для них и им подобных социалистической революции, очистительный вихрь которой пронесется вскоре и над далекой по тем временам Средней Азией.

Интеллигенция города

Присоединение к России, втягивание в общий с ней рынок, постройка рядом со старыми туземными городами «новых», европейского типа городов расширило общение коренного населения с русским, вызвало проникновение в Туркестан материальной и духовной культуры русского народа. Объективно положительные факторы присоединения сказывались прежде всего в том, что с конца XIX—начала XX века именно в Россию переместился центр мирового революционного движения, и она стала родиной ленинизма, очагом пролетарской революции.

Правда, в первую очередь, вместе с генералами-завоевателями в Туркестан проникли, по меткому выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «господа ташкентцы»—люди, надеявшиеся хорошо устроиться, получить чины и награды, обогащаться. Однако вслед за этими карьеристами, дельцами и стяжателями, как бы вторым эшелоном, в Туркестан прибыли представители передовой русской интеллигенции, демократически настроенные люди—учителя, врачи, агрономы, землемеры. Их плодотворная деятельность способствовала оживлению духовной и общественной жизни среднеазиатских народов.

Краеугольным вопросом первых лет после присоединения стал вопрос о народном образовании. Царское правительство не было заинтересовано в просвещении «инородцев» и «туземцев», как тогда высокомерно называлось местное население. Его заботы о народном образовании определялись отнюдь не гуманистическими, а чисто утилитарными соображениями. Чтобы управлять

завоеванным краем, нужно было, прежде всего, иметь чиновников, служилый люд, владеющих русским и местными языками.

Во второй половине 80-х годов в Туркестане были организованы четырехгодичные русско-туземные училища, соединяющие в себе русскую школу, грамоты и мусульманский мактаб. Два таких училища возникли в Коканде, одно — возле вокзала, другое — в старом городе. Кроме того, при открывшейся русско-туземной школе начали функционировать бесплатные вечерние курсы для обучения русской грамоте взрослых.

Вместе с тем властям пришлось встретиться здесь с хорошо организованной системой религиозного обучения. Это были мактабы, религиозные школы для мальчиков, которые в обязательном порядке открывались при каждой мечети, и медресе — высшие религиозные школы для подготовки мусульманского духовенства и должностных лиц. В 1897 году количество кокандских религиозных учебных заведений всех типов достигало 293, а количество учащихся в них 12 978 человек.

Понимая политическую роль мусульманского духовенства, царская администрация не вмешивалась в жизнь местных религиозных школ, но открывала свои светские учебные заведения, правда, немногочисленные.

Что касается Коканда, то их перечень, по данным того же 1897 года, был более чем скромнен: одно городское двухклассное училище с 45 учащимися, одно женское приходское училище с 40 учащимися, два начальных русско-туземных училища, русско-туземное училище с интернатом на 33 учащихся, русско-туземная школа с вечерними курсами для взрослых на 27 учащихся.

В 90-х годах, наряду со старометодными мактабами, в Ферганской области появились повометодные, обучение в которых стало производиться не на арабском, а уже на родном языке — эта реформа школьного образования носила прогрессивный характер. В Коканде в это время от-

крылись семь повометодных школ, которым покровительствовали местные хлопкозаводчики.

В 1906 году школьная сеть Коканда пополнилась Коммерческим училищем, организованным деловыми кругами Коканда, а в 1912 году здесь были открыты женская гимназия и высшая начальная школа. Эти учебные заведения привлекли в Коканд квалифицированных педагогов, сыгравших значительную роль в повышении уровня культурной жизни города.

Культурным очагом дореволюционного Коканда являлось Коммерческое училище, чем оно было обязано А. М. Баранову, сначала преподавателю, а с 1914 года его директору. Баранов был страстным любителем природы и в 1916 году создал «Научное общество по изучению Ферганы».

С радостью восприняв весть о Великой Октябрьской социалистической революции, Баранов активно участвовал в установлении Советской власти в Коканде и был руководителем одного из участков Коканда по борьбе с басмачеством и бандитизмом. Позднее на общественных началах он руководил народным университетом по переподготовке учителей узбекских школ. Ему также принадлежит заслуга в создании Кокандского вечернего педагогического института, который впоследствии был реорганизован в нынешний пединститут имени Мукими. Его учениками по институту были академик И. Цукерваник, генерал А. Канарев, писатель Леонид Соловьев. Прекрасный педагог, Баранов большое внимание уделял воспитанию у молодого поколения чувств пролетарского интернационализма и научного атеизма. В 1939 году он был награжден почетным званием Заслуженного учителя УзССР.

Были в составе учителей и другие прогрессивно настроенные преподаватели, стремившиеся передать учащимся не только знания, но и свои демократические убеждения. Среди них можно назвать учителя

литературы Никоро; учителя истории К. П. Молдавского, сосланного в Коканд после поражения революции 1905 года; учителя коммерческих наук С. А. Белецкого, который после установления Советской власти стал первым заведующим Кокандским отделом народного образования.

Учащимися Коммерческого училища были в основном дети чиновников, купцов и промышленников. Ученики-узбеки были немногочисленны, однако некоторые из родителей, считая необходимым дать своим детям образование, отдавали их в Коммерческое училище.

В стенах училища обучался ряд ребят, которые потом, уже в советское время, стали известными людьми. К ним принадлежат: Заслуженная учительница УзССР М. И. Гольцова, отдавшая свою жизнь родному городу; Заслуженный работник культуры УзССР А. С. Морозова, посвятившая себя изучению этнографии Узбекистана; архитектор Я. А. Дорман, ставший впоследствии одним из строителей московского метро; Т. А. Сарымсаков — математик, профессор, академик Академии наук Узбекистана; Н. Т. Тюракулов, возглавлявший в 1920 году правительство Туркесреспублики.

Высокое понимание своего гражданского долга отличало немногочисленных медицинских работников Коканда (два врача, городской и уездный, и 22 фельдшерицы). Они лечили больных, помогали роженицам, предупреждали заболевания, противопоставляли религиозным суевериям и бытовым предрассудкам медицинские знания.

В дореволюционном Коканде было всего-навсего два медицинских учреждения — организованная в 1886 году женская лечебница и открытая в 1890 году городская больница. Кроме того, нужды гарнизона обслуживал военный лазарет, врачи которого в случае необходимости оказывали медицинскую помощь и гражданскому населению.

В Узбекистане хорошо известно имя женщины-врача Марии Ивановны Шишовой, оставившей глубокий след в истории медицинского обслуживания женщин-узбечек и получившей за свою самоотверженную работу звание Героя труда. Однако не все знают, что свой жизненный путь Шишова начала в Коканде. Еще будучи студенткой Высших женских медицинских курсов, она услышала от приехавшего из Туркестана врача, в каком тяжелом положении находятся там женщины-узбечки — не имея возможности по законам шариата показываться врачам-мужчинам, они часто погибали от тяжелых заболеваний. Желая облегчить своими медицинскими знаниями жизнь женщин, М. И. Шишова по окончании в 1886 году курсов уехала в Туркестан и поселилась в Коканде. Здесь, преодолевая косность и безразличие администрации, она благодаря своей энергии добилась открытия женской амбулатории, где оказывала в течение нескольких лет помощь узбекским женщинам и детям. Вскоре амбулатория была преобразована в лечебницу на 25 коек.

По ходатайству М. И. Шишовой была открыта первая женская школа, для занятий в которой она предоставила одну из комнат лечебницы. Обучение в ней производилось как на русском, так и на узбекском языках¹.

Впоследствии женской лечебницей руководила женщина-врач М. К. Филиппова. Как и Шишова, она пользовалась огромным авторитетом среди местного населения.

Представители передовой русской интеллигенции встречались и среди служащих немногочисленных казенных учреждений Коканда. К ним принадлежал Константин Адамович Писарчик, работавший с 1891 года земле-

¹ Б. В. Лукин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, изд. АН УзССР, 1962, стр. 249—259. Е го же. У истоков великой дружбы. Ташкент, «Узбекистан», 1972, стр. 169.

мером в Кокандском земельном отделе. Зимой и летом, в мороз и под палящим солнцем выезжал он со своими геодезическими инструментами для съемки планов земельных участков Коканда. Работа познакомила Писарчика с нуждами городской бедноты. Сын белорусского крестьянина, с трудом выбившийся в люди, он при земельных тяжбах стремился отстаивать интересы трудового люда. Богачи всяческими средствами старались его подкупить. В первые годы работы ему случалось после выезда на участок находить в своем кармане золотые монеты. Он с возмущением возвращал подобные подношения. Местное население уважало Писарчика за щепетильную честность, за знание узбекского языка, за человеческое к себе отношение¹.

Писарчик, как и многие другие передовые люди Коканда, безоговорочно принял Октябрьскую революцию, создал в Коканде первые курсы по подготовке землеустроителей из узбеков, на которых сам вел обучение на местном языке. Он принимал активное участие в проведении земельной реформы в Ферганской долине. За заслуги перед народом Писарчик в 1934 году получил высокое звание Героя труда.

Хорошо зная и любя Коканд — свою вторую родину — Писарчик в 1910 году сделал большую и подробную карту города, которая висела на стене земельного управления. К сожалению, она где-то затерялась, поиски ее пока были безрезультатными, а она могла бы дать исчерпывающее представление о Коканде 10—20-х годов.

В общественной жизни Коканда участвовали и русские женщины. А. К. Мединская открыла в Коканде детский сад. Она же была председателем Кокандского благотворительного общества. Казначеем этого Общества работала М. В. Ясевич — жена Писарчика.

¹ А. К. Писарчик. Воспоминания об отце. Письма.

Большую просветительную роль сыграли в жизни Коканда и политические ссыльные. Среди них в первые годы присоединения Туркестана преобладали поляки, рассеянные царским правительством после подавления восстания 1863 года по всем окраинам России. Много беженцев-поляков приехало в Коканд и во время первой мировой войны. С 1890-х годов в Туркестане появились ссыльные социал-демократы. Несмотря на то, что в Коканд попали немногие из них, они оказывали существенное влияние на развитие местной общественно-политической жизни.

Город своеобразной истории, Коканд привлекал к себе внимание русских ученых.

Несколько раз заезжал в Коканд во время командировок по Средней Азии крупнейший историк-востоковед В. В. Бартольд, знакомящийся с принадлежавшими местным любителям старины собраниями восточных рукописей и приобретающий их.

Первое исследование истории Кокандского ханства было сделано человеком, связавшим свою жизнь с Туркестаном. Это был Владимир Петрович Наливкин (1852—1918), известный общественный деятель и педагог дореволюционного Туркестана.

Наливкин тщательно собирал материалы о прошлом Коканда. Его книга «Краткая история Кокандского ханства» была издана в 1886 году в Казани, а через несколько лет, в 1889 году, переведена на французский язык и переиздана в Париже.

Обилие и новизна материала вызвали огромный интерес к этому первому описанию истории Кокандского ханства. Несмотря на недостатки — отсутствие цитат и ссылок на конкретные рукописи, использованные автором — книга имеет большой познавательный интерес.

Культурный рост Коканда вызвал возникновение в нем собственной прессы. Многие кокандские газеты не отличались высоким уровнем, носили информационный

характер, что не удовлетворяло даже рядового провинциального читателя. Все они были недолговечны. Из-за немногочисленности подписчиков и недостатка средств, едва возникнув, они прекращали свое существование. На издание газет здесь смотрели прежде всего как на коммерческое предприятие, и за это дело брались люди случайные, не умевшие сделать газету тем, чем она должна быть,— рупором общественной мысли.

Первой газетой Коканда стала ежедневно выходившая в 1908—1909 годах и считавшая себя прогрессивной газета «Кокандский листок» (редактор-издатель М. В. Кац-Нельсон), закрывшаяся из-за материальных затруднений¹.

В течение 1910—1911 гг. в Коканде выходила ежедневная политическая газета «Голос Ферганы» (редактор-издатель А. Г. Гаврилов). Она носила более либеральный характер, чем издававшиеся в те же годы в Фергане официальные «Ферганские областные ведомости».

Характерным типом кокандских газет, ограничивавшихся торгово-промышленными информационными задачами, являлись газеты, издававшиеся в последующие годы.

В 1912—1913 гг. в Коканде выходил «Листок объявлений, телеграмм и местной хроники», получивший в 1913 году название «Листок». Продолжением «Листка» стала ежедневная газета «Ферганские отклики», выходившая в 1913—1914 гг. и закрывшаяся из-за отсутствия средств и газетных работников. Такая же судьба постигла «Ферганский листок» 1913 года.

События первой мировой войны вызвали возникновение в Коканде ежедневной газеты «1914 год». Объявив-

¹ Сведения о газетах почерпнуты из книги М. П. Авшаровой «Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917)». Библиографический указатель литературы. Ташкент, Госиздат УзССР, 1960, 196 стр.

шая себя беспартийной, газета по существу отличалась монархически-черносотенным направлением.

Более умеренный характер носила издававшаяся в Коканде в 1915—1916 гг. ежедневная общественная, политическая, литературная и экономическая газета «Ферганская жизнь».

В 1916 году в Коканде издавалась газета такого же типа под названием «Туркестанский край». Она закрылась из-за нехватки типографских рабочих.

Все перечисленные выше газеты предназначались для русских читателей. Единственной доступной местному населению газетой был «Голос Ферганы» — «Садои Фергана». Выходившая в Коканде в 1914 году (ред.-изд. А. Махмудов) газета печаталась три раза в неделю на русском и три раза на узбекском языках. В русском отделе редакции работали студенты, распространявшие среди печатников идеи марксизма. Из числа рабочих-наборщиков этой газеты вышли известные большевики Коканда Акбарходжа Исламов, ставший впоследствии Министром финансов УзССР, и Назирджан Ибрагимов, видный советский работник, ныне персональный пенсионер.

Издание газет требовало наличия типографий. В дореволюционном Коканде их насчитывалось три. Раньше всего возникла типография Ш. Д. Вельского, удостоенная в 1911 году золотой медали на Всемирной выставке в Риме. В 1913 году была организована типография Т-ва Г. Шумакова, М. Чекалина и К°, напечатавшая три выпуска «Ежегодника Кокандского биржевого комитета». В 1914 году в старом городе возникла типография Абиджана Махмудова, печатавшая выпускаемую им газету «Садои Фергана».

Кокандские типографии печатали не только газеты и книги, но и открытки с видами Коканда. К числу издателей этого рода печатной продукции принадлежал немец Э. Вильде, владелец кокандской аптеки.

Наряду с типографиями, в Коканде и его уезде появились типолитографии, во многом вытеснившие писавшиеся от руки и требовавшие большого труда для своего создания восточные рукописи. В 1909 году здесь существовали две типолитографии с 19 рабочими, печатавшими литографированные книги на узбекском языке.

Культурный рост Коканда вызвал возникновение книжных магазинов. В 1914 году в городе открылись два магазина, в которых можно было купить книги на русском и узбекском языках. Появились и небольшие библиотеки при Военном и Общественном собраниях, обслуживавшие узкий круг читателей, недоступные трудовому населению. Первую массовую библиотеку для рабочих и служащих открыли в 1903 году кокандские железнодорожники. На одном из митингов 1905 года кокандцы выступили с предложением создать общественную бесплатную библиотеку-читальню. Для ее организации было образовано Библиотечное общество, приступившее к сбору пожертвованных книгами и денежными средствами. На общественных началах библиотека существовала до 1913 года, когда город стал выделять на ее нужды в год 300 рублей. Открытая ежедневно и хорошо укомплектованная литературой библиотека несла знания в ряды местных ремесленников и рабочих.

Все эти факты свидетельствовали о том, что дореволюционный Коканд, будучи торгово-промышленным городом, вместе с тем являлся приметным культурным центром среди других городов Средней Азии.

Народ

Торгово-промышленный рост Коканда вызвал быстрое и неожиданное для русской администрации увеличение его населения. Если в 1876 году в нем жило 38 000 человек, то в 1898 году он насчитывал уже 82 000 жителей. К 1901 году население Коканда составляло 86 000 чело-

век, а к 1910 году достигло 113 000 жителей. Перед Октябрьской революцией Коканд вышел по количеству населения на второе место после Ташкента.

Часть населения Коканда составляло мусульманское духовенство. Коканд с его бесчисленными мактабами и медресе оставался крупным очагом схоластики и мракобесия. Количество священнослужителей в нем незадолго до революции достигало 6000 человек. Духовенство, особенно его верхи, продолжало жить за счет трудового народа, традиций и пережитков феодального общества, было врагом новых преобразований, оплотом реакции. Именно оно стремилось придать движениям 1898 и 1916 годов религиозную окраску, отвлечь народ от борьбы за его классовые интересы.

Однако общественно-политическая жизнь Коканда периода присоединения не исчерпывалась границами Розенбаховского и Скобелевского проспектов, не замыкалась стенами буржуазных особняков и величественных медресе. Рядом с этими улицами и зданиями жил, работал, волновался и боролся за свои права простой народ — исконное население города.

Проникновение в Туркестан новых капиталистических отношений создало не только национальную буржуазию, но и местный пролетариат. По количеству рабочих Коканд стоял на первом месте среди городов Ферганской долины. Большая часть кокандского рабочего класса принадлежала к железнодорожникам, которые представляли наиболее революционный отряд пролетариата.

Далее следовали рабочие хлопкоочистительных, маслобойных и других заводов промышленного Коканда. Сильно вырос также в связи с оживленным строительством жилых домов, контор и складов отряд местных рабочих-строителей — плотников, каменщиков, штукатуров, столяров, которые еще в феврале и марте 1885 года организовали забастовку. К 1913 году в Коканде насчитывалось уже 2500 рабочих. Работая бок о бок с русскими

рабочими, местный пролетариат учился бороться за свои права, стал прибегать к забастовкам. Руководителями этих выступлений были сначала отдельные политические ссыльные, попавшие в Коканд, а затем социал-демократические кружки и группы, которые в 1902—1904 годах появились во всех городах Туркестана, открывая рабочим глаза на сущность капиталистического строя, стремясь выработать у них классовое самосознание, поднять на активную борьбу против угнетателей.

События 9 января 1905 года, положившие начало первой народной революции в России, дали толчок к открытым массовым выступлениям рабочих Туркестана. В Коканде состоялась закончившаяся митингом демонстрация. Первое Мая 1905 года рабочий Коканд отметил организацией массовых меевок, а 15 октября началась продолжавшаяся до 27 ноября забастовка рабочих железнодорожников Коканда, к которой присоединились и железнодорожные служащие. Эту забастовку поддержали как русские труженники, как и труженники из среды коренного населения Коканда, о чем кокандский уездный начальник с тревогой доносил губернатору Ферганской области.

В связи с подготовкой большевиков к вооруженному восстанию в Туркестане стали создаваться боевые дружины и стачечные комитеты, представлявшие местные органы революционной власти. Среди участников событий активную роль играли железнодорожники С. И. Григорьев, С. Е. Конов, В. А. Платонов, П. П. Рулов, И. С. Сикорев, А. С. Собчек.

Всероссийская железнодорожная стачка, начавшаяся 7 декабря 1905 года, вызвала в Коканде бурные митинги.

Поражение Декабрьского вооруженного восстания в Москве не заставило кокандский пролетариат отказаться от дальнейшей борьбы. Рабочие железнодорожных мастерских депо станции Коканд самовольно по истечении 8-часового рабочего дня давали гудок и покидали работу.

Царское правительство жестоко преследовало участников революционного движения, а ферганский военный губернатор Сахаров объявил 29 ноября приказ — считать на военном положении местности, где произошли забастовки. Многие участники событий 1905 года были арестованы, посажены в тюрьмы, отправлены в ссылки.

Революционный подъем лета 1906 года, усилив рабочее движение в Туркестане, вызвал забастовку кокандских печатников и способствовал возникновению в Коканде первых массовых организаций рабочего класса — профессиональных союзов. На открывшийся в Москве 1 июля 1906 года съезд Всероссийского железнодорожного союза кокандские рабочие послали своих представителей.

Волнения проникали даже в армию. Так, 6 сентября в Коканде произошли необычные события: 3-я и 4-я роты расположенного во дворце 12 Туркестанского стрелкового батальона предъявили своему начальству ряд требований.

В 1910 году под влиянием Ленских событий в Коканде произошли забастовки рабочих-узбеков хлопкоочистительного и маслобойного заводов Потеляхова — они протестовали против снижения зарплат. Забастовка закончилась победой: боясь простоев, администрация восстановила рабочим прежнюю зарплату.

В апреле 1911 года, в связи с годовщиной ленского расстрела рабочие Коканда обсуждали вопрос о забастовке. Сильные волнения начались среди железнодорожников, что привело к увольнению среди них наиболее активных.

Особенно много волнений и забастовок происходило в 1914—1915 годах в связи с войной, усиливающейся разрухой, ростом дороговизны, ухудшением материального положения народа.

В Коканд дошли отголоски забастовки в Ташкенте в июне 1914 года рабочих главных железнодорожных мас-

терских Среднеазиатской железной дороги. Антиправительственные настроения угрожали вылиться в широкие возмущения.

Борьба особенно остро проявилась в 1916 году в связи с указом царского правительства о призыве мужского населения Туркестана на военно-тыловые работы. Коренные жители ответили на этот указ восстанием. Кокандцы открыто обсуждали положение вещей. Это заставило начальника Кокандского уезда 24 сентября 1916 года донести вышестоящим организациям, что у «местного населения отмечалось недостаточно спокойное отношение к текущим событиям» и что «туземцы с нетерпением ждут окончания войны». Национально-освободительное движение, охватившее в июле 1916 года всю Ферганскую область, вскоре было жестоко подавлено. Эшелоны с «тыловиками» были направлены на заводы и железные дороги России. Однако ход событий и здесь оборачивался против царизма. Работа бок о бок с русскими рабочими, участие в забастовках оказали огромное влияние на расширение политического кругозора «тыловиков». По возвращении домой многие из них активно включились в революционное движение, в борьбу за установление власти Советов. Среди них следует назвать участников тыловых работ из Коканда И. Ахунова, М. И. Курсаева, Р. Х. Сасонова.

После Февральской революции 1917 г. быстрыми темпами стало развиваться профсоюзное движение. К маю 1917 года в Коканде уже имелось 15 профсоюзов, в которых крепло большевистское влияние. Этому способствовал выход партии большевиков из подполья: оживив местные социал-демократические организации, они породили и кокандскую партийную организацию, которая стала выпускать свою газету «Кокандский рабочий». Однако как партийная организация, так и Советы на первых порах были засорены меньшевиками и эсерами. Борьбу за их большевизацию возглавил приехавший в

Коканд в августе 1917 года большевик Е. Бабушкин. Благодаря ему и его соратникам в первые дни Октябрьской революции Кокандская партийная организация, включавшая 30—35 большевиков, уверенно повела труженников Коканда к победе нового социального строя.

Такова волнующая картина кипучей подспудной жизни и открытых общественных выступлений рабочих Коканда. Несмотря на свою малочисленность, они, осознав свои права, вели активную и организованную борьбу против самодержавия и капитализма.

Возвращаясь мыслями к дореволюционному времени в жизни Коканда, напомним, что основной массой в Коканде оставались ремесленники-кустари, производители необходимых для жизни населения бытовых предметов. Присоединение Средней Азии к России сопровождалось проникновением в край некоторого количества новых, технически более совершенных орудий производства, но это не улучшило положения основной массы кустарей-ремесленников. Внедрение капиталистических отношений вызвало появление владельцев крупных мастерских, создававших кабальные условия для работы в них кустарей-бедняков. Не выдержав конкуренции, многие из последних, разоряясь, превращались в наемных рабочих. К тому же местные рынки стали заполняться проникавшими из России более дешевыми фабрично-заводскими товарами. В этих условиях местные ремесла хирели, а сами кустарные изделия утрачивали свои прежние высокохудожественные качества.

Вместе с тем, изменения в общественной жизни обусловили проявление новых тенденций в народном искусстве Коканда — более свободного отношения к традициям. Привычный круг орнаментации обогатился новыми мотивами, выявилось тяготение к конкретной изобразительности.

Изменения произошли прежде всего в характере архитектурно-декоративного убранства интерьеров. Местная

Памятник
В. И. Ленину
в Коканде

Огонь вечной славы у памятника борцам за установление
Советской власти

Промышленность города

Промышленность города

буржуазия стала строить в это время большие дома европейского типа с высокими потолками, деревянными полами, застекленными окнами. Переход от каркасного строительства к кирпичному заставил отказаться от украшения интерьеров ганчевыми панно. Резьба по ганчу утратила прежнюю рельефность, перешла от прежних пышных растительно-геометрических узоров к более мелким, белый фон в ней окончательно заменился ярко окрашенными фонами. Трудоемкая по исполнению резьба уступила место росписям по ганчу, но и те отошли от традиционных решений. Преобладающими мотивами в расписных панно стали изображения ваз, чаш, горшков с букетами цветущих и плодоносящих кустов, деревьев.

В 10-х годах в росписях появились также пейзажные и патиумортные мотивы.

Иным стало и оформление потолков, утративших свой прежний характер. На смену хаузакам, боша и васа, богато украшенным орнаментацией, пришли гладкие и плоские потолки, однотонно окрашенные светлыми оттенками, а росписи получили характер свободно размещенных в центре и по углам, европейски трактованных растительно-цветочных мотивов—гирлянд, букетов, цветов, плодов. Иногда характер этих рисунков тесно смыкался с основными приемами господствовавшего тогда стиля модерн — та же самая линейная графичность, то же предпочтение большого свободного фона.

Изменились и технические средства наккоша: живопись красками на яичной основе, применявшаяся в росписи изделий из дерева, уступила место клеевой. Вместо минеральных красителей, создающих сдержанный колорит, стали употребляться яркие анилиновые краски.

Именно в этом стиле расписывал потолки домов богатых торговцев Коканда наккош Нормухаммед Казыбай и его сын Саид Махмуд Наркузиев, ставший крупнейшим мастером росписи в советское время. Последнему принадлежат росписи мехманханы и айвана дома

№ 98 по Самаркандской улице, построенного в 1908 году торговцем Сахидбаем, росписи дома № 77, построенного в 1909 году на улице Актепе и принадлежавшего Дехканбаю Караматову.

В этом же стиле расписан потолок операционного зала бывшего Русско-Азиатского банка (ныне Кокандское отделение Госбанка на Советской улице). Автором этих росписей в 1912—1913 годах являлся известный ташкентский резчик по ганчу Ташпулат Арсланкулов, что свидетельствует об общности художественных вкусов Коканда и Ташкента того времени.

Утратив широкое применение в архитектуре, роспись и резьба по дереву находили, однако, широкое применение в изготовлении шести- и восьмигранных деревянных столиков. Заказывались резчикам состоятельными любителями народного искусства и деревянные оконные ширмы, выполненные способом решетки-панджары.

Перемены особенно ярко проявились в гончарных изделиях. Под натиском привозной и дешевой фарфоровой и стеклянной посуды не только сократилось производство этого наиболее демократического вида кустарных изделий, но и стал иным их характер. Риштанские мастера перешли от тонкой художественной керамики к более грубой, утилитарной посуде. В ней появились новые формы, вызванные изменившимися потребностями жизни. Наряду с орнаментальным декором получили широкое развитие конкретные изображения разных предметов — пилалы, афтоба, чайдиша, музыкальных инструментов, ножей. Композиция рисунков сделалась более лаконичной, ритм более размеренным, манера живописи — суше. Излюбленная Риштаном сдержанная сине-бирюзовая гамма заменилась полихромными, более яркими расцветками. Выразителем этих новых художественных вкусов в керамике стал прославленный мастер Маякуб Газиев. Обладая тонким живописным мастерством, он заставлял краски играть всеми оттенками и

переливами, что придавало его керамике поэтическое звучание.

Сильно сократилось в конце XIX — начале XX века из-за ввоза русской медной и чугунной посуды и лишения своего основного потребителя — феодальной знати — изготовление местных медночеканных изделий. Форма сосудов в этот период усложнилась, что привело к вычурности силуэтов, рельефная резьба уступила место менее трудоемкой, более плоской. Орнаментация стала сухой и размельченной. Наряду с растительными узорами на посуде появились реалистические изображения. Широко известные подносы с вычеканенным видом хапской урды стали своеобразными сувенирами, которые приобретали любители экзотики. Таков выполненный в 1902 году поднос работы усто Фазыла Атауллаева — на нем дворец Худоярхана изображен в прямоугольном обрамлении, а тонкий рисунок произведен чернением. В том же стиле сделан из желтой меди в 1885 году кокандским чеканщиком Муллою Садиковым дастуй в подарок художнику Н. Н. Каразину, участнику военных походов и научных экспедиций в Туркестан, автору многочисленных романов и картин на среднеазиатские темы. Ножки этого умывального прибора выполнены в виде лап животного, а на туловище сосуда — орнаментальные полосы с изображением геросов русских сказок.

Особенные перемены произошли в народной вышивке и в частности в сюзанае. Их стали выполнять на привозных материалах — бязи, сатине, канаусе, в основном зеленого или фиолетового оттенков. Если раньше вышивальщицы очень часто делали сюзанае для себя, то теперь их стали готовить на рынок и приспособливать под габариты новых домов и вкусы европейских заказчиков. Отсюда увеличение их размеров и соответственное укрупнение орнамента. Вместе с тем легкий и изящный растительный узор, характерный для Ферганской долины, стал располагаться свободнее, с большими интервалами,

в более размеренном ритме, что оставляло фон в значительной степени незащитым. Узор начал выполняться более светлыми шелковыми нитками, что четко выделяло орнаментальные мотивы на темном фоне изделия. Однако окрашенные анилиновыми красителями нити огрубляли цветовую палитру вышивки. Впрочем и в этой отрасли народного искусства отдельные мастера выполняли высокохудожественные произведения. Такова вышивальщица по собственным рисункам О. Масадыкова. Из ее рук выходили отличающиеся изяществом вышивки с белыми или цветными узорами, редко разбросанными на темном фоне.

Производство местных хлопчатобумажных тканей сильно сократилось из-за привоза более дешевых и разнообразных по художественному оформлению ситцев и сатинов из России. Изменился характер местных полосатых тканей — в них произошло укрупнение полос. В авровых тканях также появились более крупные узоры, более размеренный ритм. Многоцветность их к концу века сменилась использованием только двух цветов, что привело к графической контрастности фона и орнамента. Однако Ферганская долина и Коканд, в частности, сохранили вплоть до Октябрьской революции высокие художественные качества своих шелковых тканей.

Коканд сохранил в неприкосновенности и свое богатое ювелирное искусство. Теперь в нем наряду с серебром стало широко применяться золото. Лишившись своих прежних покровителей в лице ханского двора, изделия ювелиров нашли спрос со стороны местной торговой буржуазии. Сохранению этого вида искусства способствовали также официальные заказы подарочного назначения. В ювелирном ряду кокандского базара до самой революции работали от 80 до 300 заргаров. Среди них выделялись такие мастера, как Надырджан Салиджанов.

Не умерло, а, наоборот, получило большое развитие во второй половине XIX века искусство кокандского пе-

реплета с той только разницей, что теперь переплеты стали покрывать не столько рукописи, сколько пришедшие им на смену литографированные издания. Кожанные переплеты уступили место бумажным, для которых использовалась обыкновенная русская бумага, сначала проклеенная, а затем окрашенная масляной краской и лаком в красный или зеленый цвет. Орнаментация в виде клейм и бордюров продолжала украшать переплеты этого времени. Что касается иллюстраций, то они приобрели характер грубых и примитивных линейных рисунков, напоминавших лубочные картинки. Вместе с тем реалистический характер этих рисунков, изображавших преимущественно животных, говорит о стремлении мастеров того времени к конкретной изобразительности.

Как бы то ни было, народные мастера и на этом историческом этапе продолжали быть носителями и выразителями национальной художественной культуры.

Правда, вторжение новых веяний и появление новых потребностей внесло в народное искусство новые мотивы и вызвало к жизни иные формальные и технические приемы. Но и в этом виде оно представляло собой своеобразную энциклопедию эстетических вкусов народа.

Писатели-просветители

Изменению духовной жизни Коканда способствовала и местная интеллигенция. На формирование ее взглядов значительное воздействие оказала передовая русская культура того времени. Именно она определила демократическую направленность мировоззрения лучших людей Коканда, просветительский характер их деятельности.

Поборники справедливости и свободы, борцы за передовые идеи появились во второй половине XIX века у всех народов Средней Азии.

Говоря о Коканде, нельзя не вспомнить колоритнейшую фигуру прогрессивного деятеля, просветителя и

ученого Саттархана Абдулгафарова (1843—1901), чье мировоззрение сложилось под непосредственным влиянием русской интеллигенции¹. Еще в молодые годы при помощи прибывшего с царскими войсками артиллерийского офицера Еникеева Саттархан изучил русский язык. Это способствовало его сближению с русскими, сделало его поборником знаний и просвещения. В 1876 году Абдулгафаров в составе делегации от коренного населения Туркестана был направлен в Петербург на III-й Международный конгресс ориенталистов, в 1883 году участвовал в Съезде городских учителей Туркестанского края, работал переводчиком в учреждениях Ташкента. На раннем этапе своей жизни он был тесно связан с Кокандом, куда был назначен казием. Здесь он стал почетным блюстителем кокандского городского училища (1879—1886). Заинтересовавшись историей края, он начал писать «Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства». Отдельные шесть глав своего незавершенного исследования он напечатал в газете «Туркестанские ведомости» за 1893—1898 годы.

Особую роль в культурной жизни Коканда сыграли три просветителя — Мукими, Фуркат и Хамза. Выходцы из простого народа, с малых лет видевшие вокруг себя гнет, нужду и невежество, они были образованными людьми своего времени. Каждый из них знаменовал определенный этап развития узбекской литературы и ее общественного значения.

Однако в книге о Коканде, как о городе, вряд ли необходимо давать подробный анализ творческого наследия этих трех именитых кокандцев — оно широко известно современному советскому читателю. Здесь уместнее выявить их любовь к родному городу, раскрыть их, как его патриотов. И в этой связи в первую очередь вспом-

¹ А. П. Савицкий. Саттархан Абдулгафаров — просветитель-демократ. Ташкент, «Узбекистан», 1965, 47 стр.

нить, что именно обстоятельства пребывания в городе обусловили их литературные псевдонимы: Мукими в переводе означает оседлый, постоянный, Фуркат — разлуку.

Сын пекаря, Мукими получил образование сначала в медресе Коканд, затем в Бухаре и Ташкенте — знакомство с последними значительно расширило его горизонт. По окончании образования он вернулся в родной город, где и провел всю свою жизнь.

Молодые годы Мукими совпали с ранним периодом правления Худоярхана, который имел своего трубадура в лице льстивого поэта Нияз-Мухаммеда. Мукими пошел своим путем. Выходец из народа, он хорошо знал его тяжелую жизнь, глубоко ненавидел эксплуататорские классы, что наполняло его стихотворения острым социальным звучанием. Кокандцы платили глубокой любовью поэту-демократу, такому же бедняку, как они сами. Мукими всю жизнь провел в нужде, перебиваясь случайными заработками: перепиской произведений классических поэтов, обучением молодежи стихотворному искусству, выполнением каллиграфических заказов.

Глубоко жизненное содержание поэзии Мукими изменило его формальные приемы. Чтобы сделать свои стихи более доступными и понятными простым людям, Мукими отступил от канонов классической восточной поэзии, приблизил их к народной песне. Его стихи стали перелататься на музыку, которая была в большом почете у кокандцев.

Представители паразитических классов, против которых было направлено обличительное перо Мукими, ненавидели его, что заставляло поэта чувствовать себя «чужестранцем на родине». Однако унижения и обиды не заставили Мукими покинуть Коканд. Пламенный патриот, называвший себя «гражданином Ферганы», писал:

«Когда б хотел я, Мукими, покинуть край родной!
О, горе! Не могу порвать с отчизной дорогой».

К той же демократической линии узбекской литературы конца XIX — начала XX века принадлежал Закарджан Халмухаммед (1858—1909), писавший под поэтическим псевдонимом Фуркат.

Сын торговца-кустара, обучавшийся в кокандском медресе, Фуркат в 17 лет из-за тяжелого материального положения семьи был вынужден оставить учение и начать работать приказчиком в Новом Маргилане. Это шире познакомило его с жизнью, ее новыми веяниями.

Интерес к литературе рано пробудился у вдумчивого юноши. Он с увлечением читал произведения Навои, знакомился с азербайджанскими, таджикскими, персидскими поэтами.

В 1882 году Фуркат возвратился в родной город, где вошел в круг образованных людей и сблизился с Мукими. О днях своей молодости, проведенных в Коканде, Фуркат позднее писал так:

«Я вспоминаю вечера по пятницам у нас...
Звенел ситар, гремел гиджак, и, словно соловей,
Певец кокандский Фарзипхан нам радовал сердца
Чудесной песней Фузули... Что родины милей?

(«Письмо из Бомбея»).

Частые встречи с Мукими оказали большое влияние на творчество Фурката — в нем все громче начинали звучать демократические идеи. Они подкреплялись впечатлениями от поездок по Туркестанскому краю. В этих путешествиях перед Фуркатом раскрылись мрачные картины бесправия и нищеты народа. Ярче всего его настроения вылились в стихотворении «Тьфу на них!», осмеивающем кокандских богачей, занимающихся наживой, мошенничеством, ростовщичеством.

Фуркат отошел от традиционно любовной лирики и начал высказывать в своих произведениях недовольство существующими порядками.

Наиболее полно свободололюбивые взгляды Фурката проявились в стихотворении «Охотник, отпусти газель»:

«Охотник, отпусти газель. Блуждать ей суждено, как мне.
Сними аркан. Ей на земле защиты нет давно, как мне».

В мае 1889 года Фуркат переехал в Ташкент, где прожил два года в келье медресе Кукельдаш. В Ташкенте он начал изучать русский язык, знакомиться с историей России и классической русской литературой. Это укрепило демократическую направленность его творчества, сделало его пропагандистом передовой русской культуры, усилило просветительский характер его стихотворений.

В своем программном стихотворении «О значении поэта и возвышенности поэзии» Фуркат требует от современного поэта везде побывать, все увидеть, обладать широтой кругозора.

«Но все ли поэты таковы у нас?
У всех ли должный знания запас?»

спрашивает поэт-просветитель. И укоряет своих поэтов-земляков:

«Взять хоть иных, Ферганских. До сих пор
У них, признаться, узок кругозор.
Сидят в своих домах, своих садах,
Не побывали в русских городах.
Не знают, как там трудится народ,
Чем знаменит он, что он создает.
А там как раз чудесного не счесть,
Там вдохновенно много пищи есть!»

Свои мысли о необходимости для узбекского народа приобщиться к передовой русской культуре Фуркат выражал не только в стихах, но и в публицистических статьях. И те, и другие он печатал в единственной издававшейся тогда в Ташкенте на узбекском языке газете «Туркистон вилоятининг газети».

В 1891 году Фуркат отправился за границу. Он посетил Турцию, Грецию, Болгарию, Египет, Аравию, Индию,

а затем переехал в Синьцзян. Поселившись в городе Яркенде, он продолжал свою литературную деятельность.

Его стихотворное высказывание:

«Судьба Фурката — в чужой томиться стороне»
(стихотворение «В Кашгар присхав»)

свидетельствует о том, что он скучал о своей родине, мечтая вернуться в Коканд. Но ему так и не удалось увидеть родные края — он умер в Яркенде в 1909 году.

Именами Муками и Фурката не исчерпывалась литературная жизнь Коканда второй половины XIX века. Советская наука вскрыла десятки имен ярких поэтических талантов Коканда. Одно из них необходимо вспомнить, как совершенно самобытное явление того времени, — это имя поэтессы Дильшод¹.

Дильшод родилась в семье небогатого, но грамотного человека — азанчи одной из квартальных мечетей Ура-Тюбе, которое в то время было яблоком раздора между кокандским и бухарским ханствами. Осенью 1816 года по приказу Умархана Ура-Тюбе было захвачено кокандцами и более 13 000 его жителей, в том числе и Дильшод, взяты в плен и угнаны в Коканд. Дильшод угрожала участь стать узницей ханского гарема, но ее приютил у себя 50-летний имам Тош Махмуд из квартала Ходжи Калян, который вскоре стал ее мужем. Дильшод начала помогать своей свекрови, обучающей девочек в школе при мечети, а после ее смерти, когда школа досталась Дильшод по наследству, сама стала учительницей.

Дильшод начала писать стихи с 1829 года и занималась творческим трудом до самой смерти. Ее поэтическое наследие насчитывает до ста стихотворений, написанных преимущественно на узбекском, а также на таджикском и азербайджанском языках. Многие из них помещены в

¹ А. Мухтаров. Дильшод и ее место в истории общественной мысли народа в XIX — начале XX вв., Душанбе, «Дониш», 1969.

сборнике под названием «Избранное из стихотворений Барно» — под этим псевдонимом Дильшод выступала как поэтесса.

Дильшод написала также несколько прозаических произведений, в том числе «Историю переселенцев». Рукопись не только содержит биографию самой поэтессы, но и рассказывает о страданиях попавших в плен людей. Дильшод говорит в ней и о самом Коканде, как крупном центре литературной жизни, называет около 20 поэтов, неизвестных ранее советским ученым, дает характеристику местной литературы времени после ликвидации кокандского ханства. Очень ценны также приведенные ею сведения по Коканду. Говоря о городе, как таковом, она отмечает, что его украшают богатые торговые ряды с тысячами лавок, но сами кокандцы «бедны, нуждаются, сторблены, а дети — голые».

Так как Дильшод всю свою жизнь прожила в Коканде, в ее произведениях отразились многие значительные события второй половины XIX — начала XX века: сильное землетрясение 1822—1823 гг. в Фергане и в частности в окрестностях Коканда; налет в 1876 году саранчи; андижанское землетрясение 1902 г.; строительство ирригационных сооружений и т. п.

Как женщина, Дильшод ратовала за раскрепощение своих соотечественниц: «Откройте чадру, пусть народ увидит вашу красоту», — писала она в одном из стихотворений.

Как учительница, она высоко ценила образование, науки, книги, о чем говорит ее мухаммас, заканчивающийся радифом «Книга».

«Мой помощник, собеседник и самый лучший
друг — книга».

Дильшод приветствовала падение Кокандского ханства. И хотя экономическое положение населения не изменилось и ему пришлось страдать под двойным гнетом

собственных феодалов и царских колонизаторов, Дильшод умела отличить политику колониальной администрации от гуманистического отношения к коренному населению края лучших русских людей. В понимании передового значения русской культуры ей помогло знакомство с прогрессивно настроенными русскими семьями, поселившимися в Коканде.

Заканчивая вторую часть книги, мне хочется припомнить одну из своих поездок в Коканд. Стоял серый скучный день, когда я, возвращаясь из Дома-музея Хамзы, была наполнена впечатлениями от его личности и творчества. В витрине стоящего в сквере книжного киоска я увидела обложку сборника стихотворений советского поэта Н. Ушакова «Есть такая сторона». Вечером в гостинице я случайно открыла купленную книжку как раз на стихотворении, посвященном Хамзе Хаким-заде Ниязи.

Я перечитала это стихотворение несколько раз и именно оно помогло мне тогда еще более глубоко почувствовать творческую индивидуальность Хамзы, так отличающуюся от образов его предшественников и учителей — поэтов-просветителей Мукими и Фурката. Родившись в 1889 году, он принадлежал к следующему поколению кокандской интеллигенции, мировоззрение которой определили первая русская революция 1905—1907 годов и национально-освободительное движение в Туркестане.

Интерес к наукам и ненависть к религии, горячее желание разобраться в жизни и стать полезным угнетенному народу мне показались близкими жизненному пути многих русских интеллигентов предреволюционной эпохи. Мне импонировало то, что Хамза, убежав от схоластики

кокандского медресе, тайком от родителей выписывал газеты и журналы. Передо мной наглядно предстала стройная фигура талантливого юноши, перебирающего в книжном магазине художника Ибрагима Даврона литературу на узбекском и русском языках. Мне представилась естественной и единственно возможной, в тех условиях жизни, просветительская деятельность Хамзы — его работа в школах, организация вечерних курсов, создание литературно-драматического кружка. Я поняла корни его творчества, как насущную потребность нести в массы через художественное слово непримиримость к темному миру насилия над народом, религиозному мракобесию, закрепощению женщин. Отсюда был прямой путь к принятию в последующем Октября, к пониманию социальной революции, одним из глашатаев которой в Туркестане стал Хамза.

За преданность революции Хамза заплатил своей жизнью — в 1929 году он был зверски убит группой националистически настроенных фанатиков и изуверов в кишлаке Шахимардан.

Мне не удалось повидать мавзолей Хамзы. Но, читая стихотворение Ушакова, я как бы присоединилась к трем советским писателям, приехавшим в Шахимардан, чтобы поклониться пламенному революционеру, основоположнику советской узбекской литературы — Хамзе.

«Он ушел
От жизни слишком рано,
Он в борьбе
За нашу дружбу пал».

Коканд вчера, сегодня и завтра

Октябрьская революция и установление в Туркестане власти Советов ярко проявились и в истории послереволюционного Коканда. Поспешно уехали за границу, спасая свои капиталы, многочисленные представители, комиссионеры и агенты иностранных фирм. Перебрались под крылышко бухарского эмира феодальная верхушка Коканда, магнаты его торгово-промышленной буржуазии, его высшее духовенство. Спрятались в щели, разбрелись по республике, приспособиваясь к новому строю, эксплуататоры средней руки. Пополнили ряды басмачества и были вместе с ним разгромлены авантюристы и преступники, неустойчивые городские элементы и сельские подкулачники. Ушли защищать революцию и погибли на фронтах гражданской войны многие мужественные борцы за новую жизнь.

Сокращение численности населения не отразилось однако на административном и экономическом положении Коканда. Наоборот, некоторая его удаленность от основных очагов басмачества, особенно буйствовавшего в восточной и южной частях Ферганской долины, послужила причиной объявления Коканда на короткий срок, с 1920 по 1921 год, областным центром. Кокандцы справились с этой задачей, используя под областные учреждения здания дореволюционных банков, представительств,

контор. Основным достижением города в этот период было восстановление на более высокой технической основе созданных еще до революции хлопкоочистительных и маслобойных заводов.

В годы восстановления народного хозяйства и трех первых пятилеток в Коканде возник целый ряд новых крупных предприятий, связанных с основными задачами Ферганской долины, как края «белого золота»: завод «Большевик» (1933), выпускающий детали сельскохозяйственных машин, тукосмесительный завод (1934) и работающий на местном хлопковом волокне Чулучно-прядельный комбинат (1938).

Развитие промышленности привело к росту населения. Однако в предвоенный период Коканд еще ограничивался единичными постройками заурядного характера, не менявшими его прежнего облика.

В 1939 году был составлен первый генеральный план развития и реконструкции Коканда. Но Великая Отечественная война 1941—1945 годов отодвинула его выполнение.

Война поставила перед Кокандом, как городом, находящимся в глубоком тылу, задачи помощи фронту продовольствием и вооружением. Первую задачу Коканд выполнил, приняв у себя эвакуированный с Украины сахарный завод, для деятельности которого в окрестностях города были созданы плантации сахарной свеклы.

Вторую задачу разрешили обувная и швейная фабрики, выросшие из прежних артелей и всецело переключившиеся на производство обмундирования для армии. В то же время реорганизацией тукосмесительного завода в суперфосфатный (1944 г.) Коканд продолжал активно обслуживать хлопковое хозяйство Ферганской долины.

Послевоенный период ознаменовался новым административным делением Узбекистана, превратившим Андijan и Наманган из районных центров в областные го-

рода и оставившим Коканд в прежнем положении города областного подчинения. Это не помешало быстрому экономическому росту Коканда, тем более, что Совнархоз Ферганской области был размещен не в Фергане, а в Коканде; здесь к этому времени возник целый ряд новых промышленных предприятий.

Ведущее место в экономике Коканда в настоящее время продолжают играть фабрики и заводы, непосредственно связанные с хлопковым хозяйством Ферганской долины (два крупных хлопкоочистительных завода, суперфосфатный завод, ряд механических предприятий: авторемонтный завод (1958), «Текстильмаш» (1961), заводы «Большевик» и «Электромаш»). Большое развитие получила в Коканде легкая (чулочно-прядильный комбинат, швейная фабрика им. Ахунбабаева, обувная фабрика) и пищевкусовая промышленность (ледоделный — 1952, масло-молочный — 1952, консервный, виноводочный и пивной заводы, хлебокомбинат, мясокомбинат, пищекомбинат и масложиркомбинат — 1955). Всего в Коканде сейчас около 30 промышленных предприятий разных отраслей и масштабов. Среди них такие крупные производства, как Чулочно-прядильный комбинат, где работает 3500 человек.

Будучи расположенным при въезде в Ферганскую долину, Коканд не утратил, а, наоборот, усилил свое значение крупного транзитного узла, через который проходят все грузы Ферганской долины. Его грузообороты увеличило проведение в 1959 году высокогорного автомобильного тракта Ташкент — Коканд, вызвавшего постройку моста через Сырдарью вместо прежней переправы. Протяженностью 240 километров тракт кратчайшим путем связал Коканд со столицей Узбекистана — Ташкентом. Все эти условия способствовали тому, что Коканд в послевоенный период превратился в крупный индустриальный город, стоящий по уровню выпускаемой продукции на седьмом месте в республике.

Здание Кокандского горкома партии

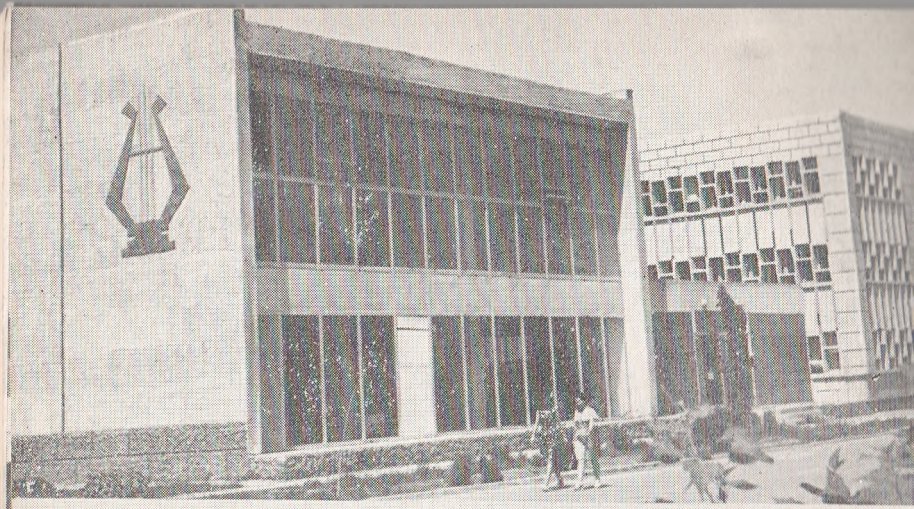

Железнодорожные ворота Коканда

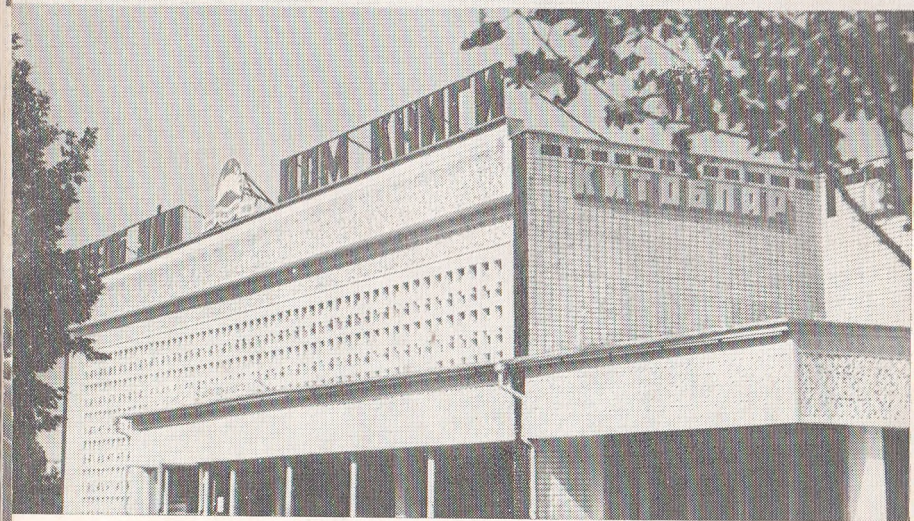
Улица «40 лет Узбекистана»

Театр им. Хамзы
Кинотеатр «Октябрь»

Музыкальная школа

Дом книги

Значительные изменения произошли и в культурном облике города. Одних только общеобразовательных школ сейчас в Коканде 36, в том числе 4 школы рабочей молодежи. Кроме них, в Коканде имеются два ГПТУ и одно СПТУ, два училища: медицинское и педагогическое, пять техникумов: автодорожный, коммунальный, легкой промышленности, нефтяной, сельскохозяйственный. Некоторые из них готовят специалистов не только для Средней Азии, но и для братских республик.

Два высших учебных заведения — Педагогический институт им. Муками и филиал Политехнического института Ферганы. Учащихся учебных заведений в Коканде около 30 000 человек.

Промышленный и культурный рост Коканда, приток рабочих в его предприятия сильно увеличил население Коканда, которое на 1 января 1977 года достигло 155 000 человек. По количеству населения Коканд сейчас занимает пятое место в республике. Кокандский отряд рабочего класса, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., составлял 31 194 человека, т. е. примерно 25% жителей города.

В этих условиях перед Кокандом уже в конце 50-х — начале 60-х годов настоятельно встала проблема увеличения жилого фонда. Жилищное строительство началось с окраин, где находились новые предприятия города. В 40—50-х годах на юге Коканда были построены дома для рабочих суперфосфатного завода, в 1959 — дома для рабочих силикатного завода, в 1962 — дома на Саперной улице. Почти одновременно на севере, по дороге в Дангару, возник жилой массив с двухэтажными домами. Первой ласточкой жилого строительства в центре города стал дом нефтяников на Советской улице. Однако эти пока еще немногочисленные и в основном расположенные на окраине новостройки не могли изменить прежнего провинциального облика Коканда. Что касается крупных общественных сооружений этого времени, следует

отметить только два здания — Дом культуры нефтяников и здание Коммунального техникума.

Немногочисленными были в этот период и мероприятия планировочного характера. И все же организация Октябрьского сквера (1934) и парка им. Фурката (1944), пробивка новых улиц Фурката, Куйбышева, Заводской внесли изменения в планировочную структуру города.

Большое значение в дальнейшем строительстве Коканда сыграл разработанный в 1966 году и откорректированный в 1971 году генеральный план города. В основу его положена расчетная численность населения на 1980 год в количестве 200 000 жителей, что заставило выдвинуть на первый план вопросы жилищного строительства. Оно было развернуто на свободной от застройки северо-западной территории Коканда, получившей название «Массива имени 50-летия Октября».

Дома кирпичной кладки возводятся и на отдельных участках центральных улиц Коканда. Четырехэтажные, они благодаря светло-желтому цвету кирпича и достаточно качественной кладке производят приятное впечатление. Такие жилые дома можно увидеть на улице К. Маркса (в одном из них находится городская библиотека), улице Ленина, около Привокзальной площади.

Кроме жилых домов, являющихся основным видом сегодняшнего кокандского строительства, за последние годы в нем сооружен целый ряд зданий торгового, коммунального и культурного назначения, однако их постройка пока еще отстает от роста населения и его потребностей.

Одним из первых самостоятельных зданий торгового типа явился универмаг на площади Чарси (ныне Мира — 1963). Почти одновременно с ним в городе появился первый колхозный базар, а также ряд новых магазинов («Гастроном» и др.). В дальнейшем под магазины стали предоставлять нижние этажи жилых кирпичных домов центра. Таковы сплошь застекленные, просторные

«Гастроном» и обувной магазин на ул. К. Маркса, «Детский мир» на Советской улице. Своим современным видом эти дома вносят новое в одноэтажный облик центра Коканда.

Рост города и оживление его жизни вызвали потребность в постройке гостиниц. За последние десятилетия Коканд обогатился двумя новыми гостиницами — двухэтажной на ул. Фуркат, украшением которой является резная дверь работы К. Хайдарова, и четырехэтажной гостиницей «Коканд» на перекрестке улиц К. Маркса и Советской. И хотя здание последней (типовой проект) не отличается особой выразительностью, оно завершило сформировавшуюся здесь Советскую площадь.

Из новых зданий коммунального назначения выделяется баня на ул. Фуркат. Эта одна из интереснейших в архитектурном отношении построек Коканда последних лет сделана по проекту талантливого кокандца Рашида Ахмедова, работавшего некоторое время главным архитектором Коканда. В здании удачно использованы принципы национального архитектурного наследия. Кроме самого материала, как основного художественного средства, архитектор удачно применил в оформлении фасада формы среднеазиатской арки. Используя их в каждом этаже, он перешел от массивных проемов арок нижнего этажа, скрывающих за собой входные двери в баню, к более облегченному и уже декоративному их применению во втором этаже — здесь эти небольшие, по рельефные арочки образуют украшающий фасад фриз. Плоскими арочными формами, выступающими на поверхности всего на один кирпич, он завершил фасад. Этот прием, поэтапно облегчающий арками массивный корпус сооружения, позволил архитектору развернуть богатую игру света и тени.

В Коканде уделяется большое внимание организации общественного питания. За последние годы построено много застекленных павильонов легкого типа для заку-

сочных, столовых и т. п. Среди них современного рисунка, но крошечное, не масштабное для Советской площади, кафе «Лейла».

Более солидно решено здание ресторана «Дильшод», расположенное между Октябрьским сквером и парком Мукими. Само местоположение этого сооружения, окруженного зелеными массивами, крайне удачно.

Ресторан построен по типовому проекту таджикских архитекторов (1973). «Дильшод», в переводе означает «радость», «удовольствие». Таким радостным и нарядным и должно быть здание, предназначенное для торжественных банкетов, семейных праздников, ужинов с друзьями, встреч с любимыми. Архитекторам удалось придать облику сооружения приветливый, привлекательный вид. По современному свободная и открытая окружающему пространству его композиция построена на смелом сочетании двух контрастных объемов. Горизонтальные формы основного, поднятого столбами на высоту и как бы парящего в воздухе, второго этажа поддерживаются асимметрично поставленной вертикалью его мощного нижнего объема. Несущее на себе нагрузку, подчеркнуто рабочее, это основание совершенно лишено декоративных украшений. Зато последние находят себе широкое применение в верхней части здания — здесь и ганчевые решетки, и цветное стекло, и ажурные балюстрады открытых площадок.

Причудливая легкость декоративных деталей в сочетании с подчеркнутой конструктивностью основных архитектурных объемов придает зданию большую выразительность.

Еще большее впечатление производит чайхана, переброшенная через Кокандсай (прием широко использующийся в среднеазиатских городах с их жарким климатом), неподалеку от прежнего каменного моста Гишт-Купрюк. Эта застекленная на двух противоположных сторонах небольшая постройка (архитектор А. И.

Фрейта, 1973) выходит глухим, облицованным кирпичиками фасадом на ул. Лесина. Дополнительно к закрытому помещению она имеет открытую площадку над арыком, на берегу которого разбит цветник. Газганский мрамор облицовки барьера этой площадки, украшающие ее резное ганчевое панно и ганчевая решетка, выложенная поливными плитками Ташкентского керамического завода, стена закрытого помещения с 12 чеканными накладными медальонами работы ташкентского скульптора Р. Немировского — весь этот с большим вкусом использованный декор как нельзя лучше соответствует названию чайханы «Мархабо», что значит «Добро пожаловать!».

Яркое впечатление среди новостроек Коканда оставляет детская музыкальная школа. Красота этого сооружения в значительной мере подчеркивается окружающими его большими деревьями парка им. Андреева — выразительностью своих силуэтов они непосредственно участвуют в сложении художественного образа этого уголка Коканда.

Музыкальная школа состоит из двух корпусов, соединенных по фасаду низкой галереей, облицованной по обеим сторонам входных дверей голубоватым рифленным непрозрачным стеклом. Передний двухэтажный корпус имеет три совершенно различных по решению стены. Восточная, фасадная сторона этого корпуса насквозь застеклена, что позволяет видеть интерьер находящегося здесь концертного зала. Южная, обращенная на улицу «40 лет Узбекистана», стена решена панболее лаконично. Она глухая, единственными оживляющими ее деталями являются козырек над небольшими деревянными дверками и справа вверху аппликационное изображение лиры.

Находящийся в глубине учебный корпус значительно протяженнее. Основным его украшением являются три пояса окон в глубокой амбразуре, созданной прикрывающими их, различными по рисунку, ганчевыми решетками.

Большую цельность всем этим казалось бы разнородным архитектурным объемам и формам придает прикрывающая здание крупная облицовочная крошка серых оттенков, прекрасно гармонирующая с сочной зеленью окружающих здание деревьев.

Музыкальная школа построена по типовому проекту (1972), но он творчески осмыслен строителями, увязан с планировкой города, что позволило создать подлинно красивое и современное сооружение, внешний вид которого раскрывает его назначение.

Типовые проекты широко бытуют в обычном строительстве, но зачастую своими низкими художественными качествами портят облик города. По типовому проекту построено на Советской площади Коканда здание кокандского кинотеатра «Бахор» (1963). Поставленное на скрещении главных улиц, оно однако скучно нерасчлененностью своего объема и не украшает город. Положение не спасает разбитый перед ним цветник с фонтаном. Широко раздвинувшая просторы перекрестка улиц площадь до конца еще не организована. Выразительности ее не способствует прилепившееся вплотную к кинотеатру здание кафе. Над оформлением одной из главных в городе площадей еще не поработала творческая мысль архитектора.

Зато уже по-новому смотрится, благодаря современным формам застекленного нового вокзала (1968 г., главный инженер «Дорпроекта» Абдуллаев), Привокзальная площадь. Планом реконструкции предусмотрен снос всех оставшихся на ней ветхих строений, окончательное архитектурно-пространственное завершение этого места, где в город впервые вступает нога приезжего человека.

План реконструкции уделил большое внимание организации площадей. В Коканде, как и в других городах Узбекистана, еще в 1925 году был возведен памятник В. И. Ленину. Однако он был поставлен на огромную, не масштабную ему высоту, между деревьями, а прости-

равшееся перед ним пространство было застроено павильонами автостанции и сопутствующими им продуктовыми и другими киосками. Сейчас автостанции перенесены в другое место, ларьки снесены, а памятник заменен другим, более художественным, соединен с трибуной, придвинут к улице Ленина, которая расширена и превращена в площадь, способную принять большое количество участников демонстрации.

Новое звучание придал площади Мира памятник Хамзе. Более удачного места для него трудно придумать. Там, где раньше высились очаги схоластики — монументальные порталы Кош-медресе, — теперь стоит фигура патриота города, пламенного глашатая революции и борца за нее.

Интимно и лирично звучит надгробие Надиры, воздвигнутое на старогородском кладбище (1967 г.). Автор его, архитектор Р. Ахмедов, поставив надгробие на белой мраморной площадке, решил его в виде небольшой по высоте среднеазиатской арки. Пространство нижней части этой арки заполнено геометрическим узором чугуновой решетки. По верху лаконичная надпись: «Надира». О том, кто была эта женщина, рассказывает расположенная справа от арки плита с текстом и изображением свитка и тростникового пера — каляма. Строгая графичность общего художественного языка восполняется красочностью разбитого вокруг парка — зеленым деревьев, яркостью цветов. Уходя отсюда, уносишь в душе немного элегическое, но в целом жизнеутверждающее воспоминание о женщине-поэтессе, воспевавшей в далекие времена прекрасную землю своей родины.

Кокандцы не забыли героических лет Октября, о чем свидетельствует воздвигнутый в Октябрьском сквере памятник борцам революции — у его подножия день и ночь горит огонь славы. Выполненный из грубоватого известняка, он состоит из двух частей, асимметрично расположенных на общей квадратной площадке. Основную

идейную нагрузку несет вертикальная стелла. На одной из ее плоских сторон вырезана надпись: «Здесь покоятся участники борьбы за установление Советской власти в Ферганской долине». На обороте надпись: «Слава борцам революции». Ниже перечень имен погибших. Очертания букв органически увязаны с изображением опущенной головы бойца в буденовке с пятиконечной звездой наверху. Условность рисунка, глубокой и энергичной линией врезанного в шероховатую фактуру известняка, обобщенная трактовка образа усиливают суровость воспоминаний о героическом времени.

Вертикаль стеллы уравнивается горизонтальным объемом расположенного позади нее, условно трактованного гигантского буреветника с широким разлетом крыльев. Автор монумента молодой кокандский скульптор Роберт Авакян. Ему же совместно с А. Перельманом принадлежит и декоративное панно, установленное возле нового здания Кокандского нефтяного техникума. Здесь средствами монументального искусства — бетоном, галькой, изразцами — художники раскрыли значение нефти в современном народном хозяйстве.

На путь монументальных росписей встали и другие художники, объединенные Кокандским отделением Художественного фонда УзССР. Зачинателем их явился Турсун Ахмадалиев, тяготеющий к стилизации под восточную миниатюру. Именно в этом духе им выполнена синеовато-лиловая стенная роспись ресторана при гостинице «Восток», включающая помимо женской фигуры изображение плодов и фруктов. Подобные росписи украшают собой также одну из стен ресторана «Дильшод»: авторы их — художники Э. Куницин, В. Рохальский и Н. Чувахин — ввели в интерьер образы трех восточных красавиц.

Говоря об архитектурных сооружениях Коканда последнего десятилетия, хочется отметить некоторые общие для них черты. Это, прежде всего, стремление к образно-

сти решения, к выражению во внешнем облике здания его функционального назначения.

Используя современные средства архитектурной выразительности, авторы сумели создать высокопрофессиональные, отличающиеся качеством технического исполнения произведения.

Положительным является широкое и тактичное применение в описанных сооружениях традиций местного народного искусства, в том числе облицовочного кирпича.

И, наконец, есть еще одно специфическое качество новой кокандской архитектуры — соразмерность, масштабность городу, известная камерность и лиричность образных решений, придающих городу теплоту, усиливающих его уют.

Однако, каким будет Коканд в недалеком будущем? Мне посчастливилось, приехав в Коканд весной 1973 года, присутствовать на совещании в Горисполкоме, рассматривавшем перспективный план реконструкции и развития центра города (авторы архитектор Н. А. Фокина и инженер О. С. Шулепин).

Дальнейшее развитие Коканда, как города индустриального, будет определяться новыми промышленными комплексами, часть которых возводится сейчас в северо-западной части города (мелькомбинат, завод хромовых кож). Одновременно с этим будет значительно расширяться и обновляться ряд старых предприятий Коканда. Согласно перспективному плану некоторые из них, в том числе и возрастающая промышленность стройматериалов, будет вынесена за пределы города, в район станции Какир. Здесь возникнет микрорайон с жилыми и культурно-бытовыми постройками, соединенный с городом магистралями.

Строительство в самом Коканде в первую очередь пойдет по линии жилых зданий. После окончания застройки всех трех микрорайонов массива «50 лет Октября» жилищное строительство начнется на востоке города, на

территории аэропорта, который будет перенесен на другое место. Тем самым освободится площадь, которую не придется расчищать от старых построек. Это значительно удешевит строительство и позволит избежать нежелательного роста города за счет сокращения окружающих его хлопковых полей. На освобожденной территории будут возводиться крупнопанельные четырехэтажные дома усовершенствованного типа с удобной внутренней планировкой и сквозным проветриванием. В этот район города предполагается вселить около 30 000 человек. Новое строительство на массиве аэропорта позволит путем постепенного сноса малоценных построек развернуть вокруг площади Мира возведение торговых помещений. В ближайшее время здесь будет построен ресторан, а близ здания медресе Нарбутабия — выставочный павильон.

Что касается реконструкции центра города, то она будет производиться с учетом исторически сложившейся его структуры с радиальными в старой части города улицами и параллельными улицами в бывшей европейской части. Уже на первых порах Советская улица будет пробита на восток до улицы А. Исламова и площади Мира, что позволит по прямой линии соединить два исторически сложившихся центра. Строительство новых жилых, административных и культурно-бытовых зданий совершенно преобразит эту центральную часть города. Однако целый ряд прежних сооружений и в том числе зданий, представляющих архитектурную ценность, будет оставлен в неприкосновенности. К ним относятся: здания городской больницы, милиции, автодорожного техникума, старой бани, швейной фабрики имени Ахупбабаева, школы на ул. Авроры, мечети Джами, медресе Камаль-Кази, Дома-музея Хамзы и Муками и др. Расположенная между Кокандсаем и Актепесаем эта часть города обогатится также новыми набережными и бульварами. Основные и крупные транспортные магистрали

будут вынесены за пределы центрального массива, что также обеспечит его сохранность.

К числу построек, которыми город украсится уже в ближайшие годы, принадлежат: здание Союзпечати возле Октябрьского сквера и здание Центрального универмага на Советской улице. Наряду с этими сооружениями на главных улицах будет продолжаться строительство отдельных жилых домов повышенного качества и этажности, на фоне которых будут впоследствии формироваться общественные сооружения. Такое строительство проектируется не только в центре, но и исподальеку от него, между улицами Ленина и Чернышевского, где вырастет новый жилой блок, а также в районе улицы Навои.

Новый перспективный план предусматривает строительство двух путепроводов через железную дорогу, упорядочение транспортных коммуникаций, дальнейшее благоустройство города, его обводнение и озеленение. Помимо четырех ныне существующих парков (имени Фурката, Мукими, Андреева и лесопарка на юге города) предусматривается организация загородной зоны отдыха в районе Наймансая.

Можно с полной уверенностью сказать, что в ближайшее время в Коканде будут созданы наилучшие условия для жизни людей, их труда, быта, отдыха. И вместе с тем радуется, что Коканд не утратит своего исторически сложившегося своеобразного облика.

Прогулка по Коканду

Я назвала свою книгу «Встречи с Кокандом». Это были встречи не только с городом, но и с его жителями, через которых я его познавала. По роду своей профессии, по своим жизненным интересам мне пришлось в Коканде знакомиться преимущественно с людьми, работающими в сфере культуры. В основном это были представители старшего поколения, родившиеся и прожившие свою

жизнь в родном городе, любящие и хорошо его знающие. В то же время в Коканде, где учащиеся составляют одну пятую часть населения, я все время ощущала неиссякаемый поток смены, прибывающей сюда откуда-то из глубин, чтобы, овладев знаниями, выйти на широкую дорогу социалистического строительства. Оживляя город сегодня, молодежь обеспечивает и его завтрашний день.

Мне сразу бросился в глаза обийей деловой ритм города. По утрам улицы Коканда были оживлены потоком людей, спешащих на работу пешком, в автобусах, на велосипедах и мотороллерах. Днем центр города, где мне приходилось преимущественно бывать, был малолюдным. К вечеру возникала вторая, обратная волна движения. Женщины спешили завестись в магазинах продуктами, забрать из яслей и детсадов своих детей. Опять трещат мотороллеры— рабочий класс возвращался к своему очагу, семье, домашним делам. Участвуя в социалистическом строительстве республики, Коканд живет деловой и трудовой жизнью.

В мою память врезались встречи с некоторыми кокандцами.

С особой теплотой я вспоминаю Абдулла Ходжаева, которому обязана первым знакомством с Кокандом. Биография его несложна: поступив в молодые годы рабочим в Земельное управление города, он там работал под руководством К. А. Писарчика и прекрасно освоил земельное хозяйство Коканда, знает жилые дома как старой, так и европейской его части. Лучшего гида по городу в Коканде трудно было найти, тем более что Абдулла-ака хорошо владел русским языком.

Мне пришлось прибегать к услугам и знаниям Абдуллы Ходжаева дважды. В первый раз мы отправились с ним осматривать жилые дома ханского и колониального периода. Он уверенно повел меня и мою спутницу в кварталы, примыкающие к Коканд-Актепе-саям. Невысокого роста, бодрый, неутомимый, он подходил к

знакомому дому и стучал в калитку палкой, словно призывал: «Сезам, отворись!». Калитка открывалась, хозяева, почтительно приветствуя старика, провожали нас в комнаты, где перед нами возникали произведения узбекского народного гения. Здесь были и изразцовые облицовки, и украшающие стены резные и расписные ганчевые панно, и деревянные, покрытые богатой орнаментацией, потолки.

Абдулла Ходжаев показал нам 19 интересных домов. Некоторые из них государству нужно было бы взять на учет и сохранить как своеобразные заповедники. Это тем более следует сделать, что в этих домах живут люди, не всегда осознающие, что старину надлежит бережно хранить.

Мне особенно запомнилась вторая встреча с Ходжаевым. Как часто, приехав в город, бываешь только в определенных местах. Все остальное здесь незнакомое, неосвоенное, чужое. Ходжаев, проводя меня по северо-западной части города, значительно раздвинул пределы моих представлений о дореволюционном Коканде. Передо мной возникла исчезнувшая жизнь. Я не буду сейчас описывать то, что увидела и узнала благодаря Абдулле-ака, — об этом уже рассказано в главке «О чем рассказывают улицы». Но мне приятно сейчас вспоминать золото тихого осеннего дня, в который мы не спеша отправились в близкое и вместе с тем по времени отдаленное путешествие по старым кварталам Коканда.

Ходжаев останавливался около каждого дома — он знал их наперечет, они строились в основном на его глазах. Это позволяло мне проникнуть в атмосферу далекого прошлого, ощутить исторически неповторимую, особую судьбу города. Но мой спутник не забывал рассказать и о том, что вносил в жизнь Коканда сегодняшний день. Во всех этих домах жили современные люди, происходили новые события, складывались социалистические отношения, быт.

Вот мы стоим с ним на улице Либкнехта перед стильными особняками Мандалаков. Я возмущаюсь халтурностью только что произведенного ремонта. Он выполнен по всей очевидности строительной конторой, которая к праздничным дням в массовом порядке обновляет под одно одинаковой краской целые кварталы. Особенность домов Мандалаков при подобном ремонте не учтена: тонкого рисунка гирлянды, изящный орнамент меандра и другие детали залиты из пульверизатора плотным слоем побелки, что до неузнаваемости огрубляет здание, искажает их первоначальный облик. А они, как лучшие образцы кокандской архитектуры, требуют особого к себе отношения. Обществу охраны памятников старины следовало бы взять на учет несколько зданий старого Коканда и наряду с памятниками монументального зодчества позаботиться об их сохранности.

Как часто мы по незнанию равнодушно проходим мимо тех мест и домов, где когда-то разворачивались интересные исторические события. История особняков Мандалаков любопытна.— «Сейчас в них разместился Кокандский дворец пионеров,— рассказывает мне Абдулла Ходжаев.— До того, как приютить в своих стенах пионерскую детвору, в течение ряда лет в нем была расположена контора «Средазшелка». А еще раньше, в первые годы революции оно было занято штабом командующего Туркфронтом М. В. Фрунзе, возглавлявшим борьбу против Ферганского басмачества. 23 апреля Фрунзе посетил Коканд и выступил перед здешними рабочими в саду возле вокзала. К сожалению место его первого выступления перед кокандцами не отмечено мемориальной доской».

Кокандским детям повезло, о чем мне с гордостью рассказал во время этой прогулки Ходжаев. Консультации, детские дома, школы, санатории занимают лучшие особняки города. Мы побывали с Абдуллой Ходжаевым в детдоме № 4, расположенном на ул. Тельмана, в быв-

шем доме Вадьяева, позже— Левинсона. Чистота, уют, преданные делу воспитатели порадовали нас обоих.

Пока мы бродили по городу, а я записывала в тетрадь свои заметки и делала беглые зарисовки, день подошел к концу. Смеркалось. Стал накрапывать мелкий дождь. В воздухе повисла серебристая завеса. Она как бы помогла мне обобщить впечатления прогулки, создать образ давно протекавшей здесь жизни...

Абдулла Ходжаев умер в 1967 году 82 лет от роду. В его лице город потерял большого знатока своей живой истории.

Знатоки города

Если моим гидом по жилым кокандским домам был Абдулла Ходжаев, то своим знанием кварталов, улиц и расселения жителей дореволюционного Коканда я всецело обязана другому коренному кокандцу Пулатджану Каюмову (1885—1964). К сожалению, мне не пришлось познакомиться с этим интереснейшим человеком, знатком своего города.

Пулат Каюмов сохранился в памяти кокандцев как талантливый педагог, прививавший своим ученикам любовь к родному городу, интерес к его старине и литературе. За заслуги в области народного просвещения он был удостоен в 1939 году звания Заслуженного учителя Узбекской ССР. Кокандский горсовет отметил вклад Каюмова в культуру города присвоением ему звания почетного гражданина Коканда. Именем Каюмова названа одна из улиц нового жилищного массива.

Говоря о Каюмове, я отчетливо представляю историко-бытовые условия, которые сформировали его как представителя передовой узбекской интеллигенции. В то время как население Коканда было почти неграмотно, отец Пулата Мирза Мулла Каюм (1840—1913) зарабатывал на жизнь, как писарь. Любовь к книге, стремление

к знаниям, были доминирующими в семье отца, определили жизненный путь Пулата. По окончании старометодного мактаба с 1900 года мальчик стал учиться в медресе. Желая расширить объем своих общеобразовательных знаний, он в 1906 году поступил в русско-туземную школу. Все это позволило Каюмову уже в 1911 году стать учителем повометодной школы Коканда.

Революция открыла перед молодым пытливым педагогом широкую дорогу к повышению профессионального уровня. В 1919 году он прослушал в Фергане летние курсы для историков. В 1920 году он прошел курс Кокандской годичной школы воспитателей, а в 1921—1922 году прослушал два курса литературного факультета Кокандского вечернего четырехлетнего института культуры.

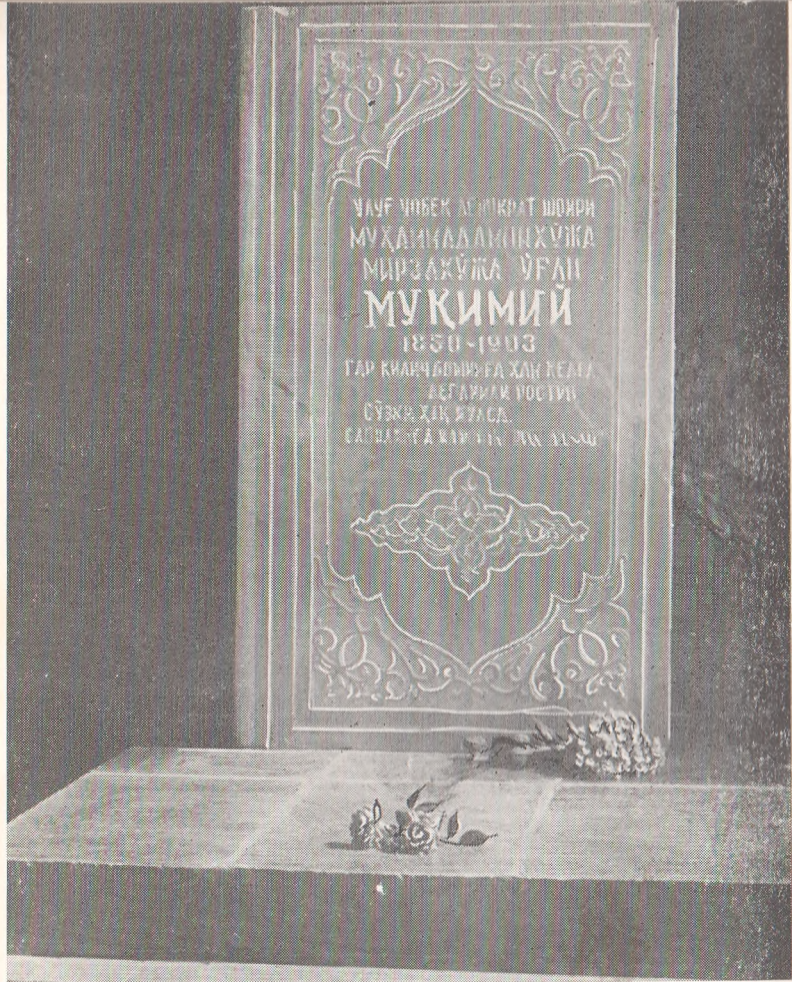
Каюмов умел будить тягу к знаниям и у своих учеников. Среди них такие известные республике люди, как профессор М. Кариев, академики АН УзССР Убай Арифов, Тиша Захидов, Мухаммед Уразбаев и другие.

Помимо истории, Каюмов преподавал в школах и литературу. Каюмов посвящал все свободное от занятий время собиранию и изучению произведений узбекских поэтов, о чем свидетельствует его рукопись «История Коканда и его литературы XVIII—XIX вв.»

Результатом собирательской деятельности Каюмова явились также три составленные им антологии узбекской поэзии. Я держала в руках капитальный труд Каюмова — рукопись, носящую название «Тазкира-и-Каюми. Сведения о 324 поэтах, писавших на узбекском языке, из них 20 поэтов мои современники, ныне здравствующие». В рукописи 631 страница, на которых приводятся краткие сведения о поэтах и образцы их произведений. Законченная в 1960 году и написанная четким почерком, она свидетельствует о том, что составитель был одновременно искусным каллиграфом, воспитанным на высоких традициях восточного рукописного искусства.

Памятник Хамзе

Могила Мукими

Свою любовь к литературе Пулат Каюмов передал сыновьям. Не случайно, что в его семье сформировались два исследователя-литературоведа. Старший из них—Азиз—специализировался на классической литературе Узбекистана и в частности на творчестве Алишера Навои. Основной его труд посвящен литературной среде Коканда XVIII—начала XIX века. Второй сын Каюмова—Лазиз—один из литературоведов Узбекистана. В отличие от брата он занимается исследованием современной литературы Узбекистана, ему принадлежит монография о творчестве Хамзы Хаким-заде Ниязи, удостоенная Республиканской премии им. Хамзы (1973 г.).

Коканд является родиной многих литературных талантов. Здесь родился и учился сначала в старометодной, а затем в советской школе Сабир Абдулла (1905—1971), Народный поэт Узбекистана, автор многих переложенных на музыку и ставших песнями стихотворений, создатель ряда драматических произведений, в том числе пьес «Муками» и «Алпамыш и Ойбарчи» и музыкальной драмы «Тахир и Зухра».

Заключил кокандскую школу и сын кокандского кузнеца, выдающийся писатель Узбекистана Абдулла Каххар (1907—1968). Творчество его многогранно. Он широко проявился как мастер короткого рассказа и новелл («Птичка-невеличка»), автор ряда романов, посвященных значительным темам социалистического строительства («Мираж», «Огни Кошчишара»), драматург (его пьеса «Шелковое сюзане», удостоенная Государственной премии СССР, с успехом обошла многие сцены советских театров).

Среди кокандских поэтов в первую очередь следует назвать Чархи (Аскаралли Хамралиев), отпраздновавшего в 1972 году свое 75-летие. Незадолго до юбилея вышел сборник его стихотворений «Деван», свидетельствующий о том, что Чархи является живым продолжателем традиций кокандских поэтов-просветителей. В своих

сатирических стихах он идет непосредственно от Муки-ми, в организации дома-музея которого он принимал непосредственное участие. Многие из его стихотворений посвящены темам социалистического переустройства жизни.

Советскую литературу Коканда представляют также тонкий лирический поэт Амин Умари (1922—1942), умевший раскрывать внутренний мир советского человека; Тимур Фаттах (1910—1968), автор слов Гимна Узбекской ССР; Шарип Риза, Усман Насыр и другие.

И до сего времени в Коканде устраиваются выступления и состязания молодых и начинающих поэтов. Не случайно, что, построив на берегу Кокандскую новую чайхану «Мархабо», архитектор не забыл о повышенном интересе кокандцев к поэзии: возле чайханы разбит садик, поставлены супы—здесь отдыхающие могут наслаждаться не только музыкой и пением, но и произведениями местных поэтов.

Пулат Каюмов был не только педагогом и литературоведом, он был также историком, большим знатоком прошлого Коканда. Последние годы своей жизни (с 1948 по 1956) он проработал научным работником исторического отдела Кокандского краеведческого музея. Свое знание родного города Каюмов проявил в 1937 году, когда по заказу Института истории АН УзССР он написал исследование о расселении жителей кокандских махалля Хайдарбека, дающее образное представление о структурном облике города в далекие ханские времена.

Мне особенно импонирует в рукописи Каюмова стремление отметить «памятные места», где родились и жили его знаменитые соотечественники—кокандские музыканты, рассказчики преданий, прославленные каллиграфы, поэтесса Махзуна, танцовщица Мастура, Мукими, Завки, Хамза.

Материалы, собранные Каюмовым, мне удалось в поездку 1973 года дополнить несколькими старинными

планами Коканда, сохранившимися у кокандского старожилы М. И. Пащенко. Работник народного образования, последний всецело обязан своими краеведческими интересами и знаниями Н. М. Баранову, который, как известно, продолжал и в советское время играть большую роль в культурной жизни Коканда.

Однако мало кто помнит первую профессию Пащенко: будучи по образованию геодезистом, он начал свою работу в Кокандском земельном отделе, и хранившиеся там материалы дали ему возможность вычертить впоследствии четыре заинтересовавших меня городских плана. Наибольшую ценность представляет план Коканда 1874 года с точно нанесенными очертаниями крепостной стены, окружавшей город. Такого рода плана я не встречала в литературе, а местные жители давно утратили воспоминания даже об остатках этой стены. В плане 1904 года городская стена уже полуразрушена, но он ценен схематическим обозначением махалля, на которые город тогда делился, хотя названия их отсутствуют. План 1934 года уже дает полное наименование 72 махалля Коканда и точные их границы, однако в нем нет названий улиц. Они, по словам Пащенко, были полностью введены в Коканде только в 1934 году, что нашло свое отражение в плане 1964 года.

Особое внимание картограф уделит кокандским гузарам — своеобразным ориентирам среднеазиатских городов. Он собрал полный список их названий, определяемых близко расположенными городскими воротами, медресе и мечетями, базарами и рынками, а также именами возле них проживающих именитых горожан.

Не менее интересен имеющийся у Пащенко план старогородского базара 1930 года с расположением его лавок.

Собранные знатоками города П. Каюмовым и М. Пащенко материалы позволяют будущим исследователям создать еще более полную картину развития Коканда, как города.

Боевой революционный штаб

Каждый город имеет свою достопримечательность, которой он гордится. Если вы спросите кокандцев, что следует посмотреть в городе в первую очередь, то восемь человек из десяти вам скажут: «Дворец Худоярхана, в котором сейчас расположен краеведческий музей».

Мне не нужно задавать этого вопроса, ибо мое знакомство с Кокандом состоялось именно благодаря музею, который я в разное время посещала неоднократно. Здесь все мне знакомо и близко. И само здание дворца, которое несмотря на художественные просчеты все же производит неповторимое впечатление. И скромная экспозиция залов — она помогла мне глубже познать историю города. И преданные делу музейные работники с их радостями и огорчениями.

Именно здесь, на овеваемом ветрами музейном дворе мне наглядно представились далекие годы прошлого века, когда построенный руками народных мастеров высоко вознесся над городом дворец последнего кокандского правителя.

Совершенно естественно, что с установлением Советской власти помещение дворца стало использоваться для культурно-просветительных целей. В первые после революции годы в нем был расположен Дом дехканина, проводились народные празднества и митинги. Здесь перед трудящимися Коканда выступали М. И. Калинин, Юлдаш Ахунбабаев. С пожелтевших фотографий музейной экспозиции на нас смотрят участники учительских конференций и собраний союза Кошчи. Большую роль в дальнейшей судьбе здания сыграла организованная в его стенах в 1924 году сельскохозяйственная выставка. Материалы ее послужили основой для создания во дворцовых помещениях краеведческого музея. С тех пор музей собрал большое количество экспонатов. Это дало ему возможность отразить в экспозиции природу, историю и социали-

стическое строительство Коканда, сделало его крупным очагом советской социалистической культуры.

Но этим не исчерпывалась роль дворца. В тревожные дни Кокандского контрреволюционного восстания «автономистов» именно его здание стало боевым революционным штабом.

Как известно, победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала яростное противодействие буржуазно-националистических элементов Туркестана. Местом объединения контрреволюционных сил стал Коканд, куда уже в первые после революции дни перекочевали руководители националистических организаций туркестанской буржуазии («Шуро-и-исламия») и духовенства («Улема»). 27 ноября 1917 года здесь открылся Красной съезд мусульман. Используя в своих интересах провозглашенное Советским правительством право наций на самоопределение, съезд объявил Туркестан «территориально автономным» и избрал «Кокандское автономное правительство».

Проведение съезда в Коканде не было простой случайностью. Здесь сконцентрировались враждебные революции силы. К ним, прежде всего, принадлежали крупные торгово-промышленные магнаты Коканда.

Уже первые шаги Советской власти ставили местных финансовых тузов перед лицом полной ликвидации их бывшего богатства и могущества. Отсюда их естественная поддержка «Кокандского автономного правительства».

Активное участие в «Кокандской автономии» принимало и мусульманское контрреволюционное духовенство. Именно оно пыталось придать кокандскому мятежу характер «священной» войны, направленной против Советской власти.

Кокандское «правительство» установило связь с буржуазными контрреволюционными силами России. В него вошли националисты Мустафа Чокаев из Оренбурга,

полковник царской армии Чанышев и поручик Мансуров из Казани. Оно получило поддержку и со стороны западноевропейских империалистов, широко пустивших в Туркестан свои шупальцы и державших в своих руках 75% акций кокандских банков.

В конце декабря буржуазно-автономное «правительство» созвало в Коканде так называемый «Чрезвычайный съезд рабочих, солдат и крестьян-мусульман». Это громкое название совсем не отвечало составу съезда. Путем всяких предвыборных махинаций кокандские контрреволюционеры добились того, что делегатами съезда оказались не трудящиеся, а руководители кокандской городской думы, хозяева хлопкоочистительных и маслобойных заводов, торговцы, землевладельцы, духовенство. Это придало съезду определенную направленность. Выступивший на съезде Туркестанский комиссар труда, большевик П. Г. Полторацкий, разоблачил контрреволюционные цели автономного правительства. «Мы взяли власть из рук русской буржуазии не для того, чтобы вручить ее в руки мусульманской буржуазии»,—сказал он. Выступление Полторацкого получило единогласную поддержку со стороны делегатов трудящихся, но их было всего 30 человек из 200 участников съезда, и это не могло не повлиять на характер вынесенного съездом решения о поддержке «автономного правительства», которое вскоре же пало раз и навсегда под ударами сил революции и по воле трудового народа.

За последнее десятилетие Кокандский краеведческий музей встал на путь целенаправленного собирания исторического материала. Он привлек в свои стены старых большевиков, являвшихся участниками или свидетелями происходивших в Коканде в январе-феврале 1918 года событий. Это дало музею разнообразные и подлинные документы того времени—мандаты, удостоверения, листовки, фотографии, чем он значительно обогатил свою экспозицию.

С несколькими участниками событий 1918 года мне удалось познакомиться. Особенно интересной оказалась встреча с Назирджаном Ибрагимовым, работавшим в дореволюционные годы маляром в транспортной конторе «Кавказ и Меркурий» и избранным в конце 1917 года в Кокандский горсовет.

И вот я слушаю неторопливые воспоминания представителя кокандского трудового народа. Нужда, беспорядки помогли простому человеку понять величие идей партии большевиков, встать на путь активного претворения их в жизнь. Большую роль в формировании классового самосознания Ибрагимова сыграл пламенный революционер Е. А. Бабушкин, который в августе 1917 года был направлен в Коканд. Здесь он должен был возглавить кокандскую организацию большевиков и мобилизовать трудящихся города на борьбу за установление Советской власти. В середине октября Бабушкин был избран председателем Кокандского городского совета, сплотившего вокруг себя представителей трудового населения Коканда. Именно он стал учителем жизни для многих подобных Ибрагимову простых кокандских тружеников.

Ибрагимов то умолкает, как бы погружаясь памятью в далекое прошлое, то вновь начинает говорить. Он рассказывает о событиях кокандского мятежа не впервые — его не раз интервьюировали журналисты, историки. В многократных воспоминаниях его слова отточились, но это не сделало их сухими и скучными, они по-прежнему аккумулируют жар его души.

«Революционный комитет, организованный в дни мятежа опиравшимся на местных большевиков Бабушкиным, обратился 9 января 1918 года к автономистам с призывом сдать оружие, — рассказывает Ибрагимов. — В ответ на это контрреволюционеры в ночь с 30 на 31 старого стиля января заняли телеграф, перерезали железнодорожные пути, попытались арестовать Бабушкина и захватить крепость, где был расположен немногочис-

ленный красновардейский отряд и собрались защитники революции. Подступив к дворцу со стороны старого города, мятежники начали осаду, но их попытка встретилась ожесточенное сопротивление сторонников Советской власти. Большую роль в судьбе города сыграли местные железнодорожные рабочие, охранявшие вокзал, депо, переезды путей к крупному рабочему центру — потеляховскому хлопкозаводу».

Среди спасавшихся в крепости людей находилась семья кокандского почтового чиновника. Дочь его, Вера Федоровна Маркова, долгие годы работавшая хранителем музейных коллекций, была в то время еще маленькой девочкой. Но она на всю жизнь запомнила бледные лица людей, звуки выстрелов, зарево пожаров. Именно Вера Федоровна показала мне принадлежащие музею фотографии мрачных итогов кокандского мятежа — передо мной предстали сгоревшие остовы зданий на стыке нового и старого городов, трупы убитых и замученных контрреволюционерами людей.

«На третий день обороны Бабушкин прибыл в крепость, среди защитников которой был и я,— продолжает свой рассказ Ибрагимов.— Поздоровавшись со мной и моими друзьями, он пригласил нас в свою комнату. Здесь стояла походная койка, к стене был припущен вырезанный из газеты портрет Ленина, в разбитые стекла окон врывался холодный ветер... Да вот она, эта комната, я хорошо ее запомнил»,— и Ибрагимов ведет меня в один из северных залов музея с окнами, выходящими на расположенные у подножия дворца казармы, где находился штаб большевиков, руководивший в дни мятежа обороной города.

В настоящее время история «кокандской автономии» хорошо изучена. Но то, что постигаешь через воспоминания живых свидетелей и участников, придает волнующую конкретность нашим представлениям о тех тревожных днях.

Неподалеку от площади, где теперь воздвигнут памятник В. И. Ленину, до Кокандского мятежа возвышалось двухэтажное здание шестиклассной приходской женской школы. Среди преподавателей этой школы была молоденькая учительница Александра Ивановна Михайлова, тут же, при школе она и жила. А так как школа находилась на стыке со старым городом, откуда шел мятеж, преподавателям пришлось провести бессонную ночь. Утром, используя временное затишье, они поспешили перебраться в западную, европейскую часть Коканда. Однако найти пристанище было не так-то просто. Многие дома превратились в своеобразные крепости: занавеси опущены, ставни, калитки и ворота закрыты. Город обезлюдел. Все старались укрыться в наиболее надежные места. Часть жителей, в основном служащие советских учреждений, перебрались во дворец.

Отсиживающиеся в разных местах люди не подозревали, как велика опасность, не знали, что мятежники произвели налет на квартиру Е. А. Бабушкина, которому вместе с женой пришлось отстреливаться от напавших на них бандитов.

Верный сын большевистской партии—Бабушкин, прожив полную скитаний по тюрьмам и ссылкам жизнь, имел за спиной, как профессиональный революционер, богатый опыт борьбы за свободу и счастье народа, был прекрасным организатором. Не растерявшись, он срочно выехал в Ташкент для информации о положении в Коканде. На помощь местному гарнизону прибыли Самаркандский отряд красногвардейцев, Ташкентский красногвардейский отряд с артиллерией, шахтерский красногвардейский отряд из Кизил-Кии. Вернувшись в Коканд, Бабушкин возглавил активную вооруженную борьбу, которая, как известно, продолжалась 10 дней и закончилась разгромом контрреволюции.

В этой борьбе дворец-крепость послужила заслоном, не допустившим продвижения мятежников в глубь квар-

талов центральной части города. Линия обороны проходила по Ходжентской улице (ныне Ленинабадской), на которой были расположены многочисленные торговые конторы, складские здания, амбары, лабазы. Все они были начисто уничтожены пожарами. Пострадал также базар. Мятежники были жестоки в своих зверствах, да это и понятно—их возглавлял известный бандит Иргаш, который впоследствии стал одним из главарей ферганского басмачества. Отступая, мятежники жгли здания, грабили склады, уничтожали продовольствие.

Перед местными организациями стоит почетная задача — отметить мемориальными досками памятники революционной славы родного города. Странно, что такая доска не украшает собой стен дворца Худоярхана. Взятый на учет Советским государством, как значительный памятник кокандского зодчества, дворец является еще и первым по времени и значению памятником революционной славы города. Установка доски обязала бы музей уточнить при помощи ветеранов событий комнату, в которой находился Бабушкин, обставив ее так, какой она была в те тревожные для города дни, сделать ее живым, выразительным экспонатом, рассказывающим молодому поколению о героической борьбе трудового народа Коканда за Советскую власть.

Сокровищница национального искусства

Монументальная архитектура Средней Азии известна всему миру. Но колониальная администрация края проявляла, как правило, полное безразличие к памятникам местной старины.

Однако передовые русские ученые-востоковеды (В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, В. Л. Вяткин, В. А. Жуковский) не могли оставаться безучастными к гибели туркестанских архитектурных сооружений высокой художественной ценности. Они делали все от них зависящее для их изучения и сохранения. Во всю ширь эта

работа стала разворачиваться только после Великой Октябрьской социалистической революции. Один из первых декретов Советской власти призвал революционный народ к охране выдающихся памятников старины.

В Коканде в охранные списки были включены пять наиболее выдающихся памятников архитектуры: медресе Нарбутабия, мечеть Джами, ханские усыпальницы Дахма-и-Шахон и Мадарихан и дворец Худоярхана. Менее значительные в художественном отношении здания были взяты государством на учет.

Для наблюдения за состоянием находящихся под охраной памятников Узкомстарис систематически посылал в Коканд своих специалистов. Особое внимание они уделяли в своих обследованиях урде Худоярхана, как одному из немногих сохранившихся в Узбекистане дворцовых сооружений. К тому же с 1924 года помещение дворца стало использоваться под экспозицию краеведческого музея.

В 1935 году дворец кокандского хана обследовал Яхья Гулямов, тогда начинающий археолог, составивший «паспорт» здания. В том же году в Коканде побывал знаток среднеазиатской архитектуры Б. Н. Засыпкин. В результате осуществленного им обследования здания была укреплена южная стена дворца, на которую опирается айван парадного дворика.

В 1937 году Коканд посетила этнограф А. К. Писарчик. В представленном ею полевом отчете особое внимание уделено выявлению местных народных мастеров прошлого, в том числе строителей и реставраторов ханского дворца.

Материалы архитектора А. З. Зайнутдинова, обследовавшего памятник в 1937 году, позволяют уточнить как первоначальную планировку здания, так и произведенную после присоединения Туркестана русской военной администрацией реконструкцию его отдельных помещений.

Землетрясение 1946 года принесло значительные разрушения Коканду — городу семибалльной зоны. Особенно пострадал дворец. Обследовавший его в 1947 году архитектор В. Карнаков обнаружил, что дарвазахана на 5 см отошла от портала, гульдаста получила креп в восточном направлении, сместились колонны айвана. Возникла необходимость срочной ликвидации этих серьезных последствий стихийного бедствия, что и было выполнено.

Обследование 1955 года, произведенное архитектором И. И. Ноткиным, установило неблагоприятное состояние основания северной башни, которую пришлось также без замедления укреплять.

На протяжении ряда лет были завершены работы по улучшению технического состояния здания (покрытие железом дворцовых помещений, которые до этого времени имели земляную крышу, настил в залах полов) и осуществилось восстановление его художественного оформления.

К реставрации были привлечены народные мастера — прямые продолжатели традиций узбекского народного искусства.

Реставрация изразцового декора фасада и парадных помещений вызвала необходимость в изготовлении отдельных керамических элементов, утраченных из-за нерадивости прежних хозяев дворца. В этом на помощь Коканду пришли Самаркандские реставрационные мастерские.

Все остальные реставрационные работы во дворце проводились кокандскими мастерами.

К восстановлению входной двери дворцового портала был привлечен известный кокандский резчик по дереву, Народный художник УзССР Кадырджан Хайдаров (род. в 1899 г.).

Колонны айвана парадного дворика привел в порядок потомственный мастер Малибай Баратбеков (род. в

1882 г.), семь поколений семьи которого были плотниками и резчиками по дереву.

Восстановление многочисленных расписных потолков ханской урды выполнил известный кокандский наккош Саид Махмуд Наркузиев (1883—1967) со своими учениками и сыновьями Саидахмедом и Сайдумаром. Творческий почерк Наркузиева сложился в начале XX века, когда под влиянием европейских вкусов расписные потолки узбекской конструкции сменились плоскими плафонами с реалистически трактованными растительными мотивами. Именно такой потолок встречается и в доме самого Наркузиева (ул. Репина, 7). Здесь же рядом с традиционно-расписным панно можно увидеть панно, которые своей наивной примитивностью напоминают русские народные лубки.

Отклонения Наркузиева от приемов классического национального наследия меня насторожило. Возникло ощущение, что пышные потолки дворцовых помещений яркостью цвета, пестротой сочетаний, общей грубостью колорита отличаются от тех потолков, которые я видела в свои первые посещения Коканда. И тем не менее, даже в реставрированном виде дворцовые потолки производят неотразимое впечатление. Правда, когда идешь по музейным залам, знакомясь с экспозицией, потолки не замечаешь. Останавливают внимание лишь потолки парадных залов с их глубокими хаузаками, сталактитовыми и расписными переходами от перекрытия к стенам, богатыми фризами. Но мне удалось в свободное время зарисовать девять потолков северной половины дворца. Здесь находится ряд небольших полутемных помещений, единственным украшением которых являются орнаментальные росписи. Оформление потолков этих комнат, занятых экспонатами отдела природы, не повторяется, что говорит о неисчерпаемости художественных возможностей этой области узбекского народного искусства.

Я попыталась выяснить для себя, какими средствами мастера добивались неповторимости каждого потолка. Они, на мой взгляд, сводятся к следующим приемам:

плоские части этих потолков чередуются с заглубленными частями разных форматов и размеров, что разнообразит поверхность перекрытия. Ритмически повторяясь, они образуют композиционный каркас потолка. На этой композиционной основе разбросаны орнаментальные мотивы. Окаймляя заглубления легким растительным орнаментом ислими, они в самих заглублениях носят характер простейших геометрических фигур, розеток, звезд, медальонов. Среди последних преобладают продолговатые медальоны кош-мадахиль, заполненные внутри цветочными элементами. Не менее разнообразно цветковое решение росписей. В расцветке фонов и орнаментальных мотивов преобладают сочетания основных цветов красочной палитры— желтого, красного, синего. Варьируя их в разнообразных комбинациях, мастера добивались оригинальности колористических звучаний.

Однако эта проверка алгеброй, этот холодный анализ не передает заключенной в каждой росписи гармонии. Благодаря разнообразию употребляемых мастерами композиционных, орнаментальных и колористических форм и приемов потолки представляют собой как бы вариации на одну и ту же музыкальную тему. Но звучание у них всех общее— яркое, сильное, жизнеутверждающее.

В целом же дворец, несмотря на отдельные художественные просчеты и недостатки, представляет после реставрации подлинную сокровищницу узбекского декоративно-прикладного искусства, в которую искусные мастера вложили свои мысли и чувства и которой они выразили свое представление о прекрасном.

Однажды в кабинете директора Кокандского краеведческого музея мне встретился невысокий узбек в стеганом халате с взглядом ясных светлых глаз. Судя по тому, как директор почтительно называл его «усто», я поняла, что передо мной уважаемый народный мастер. Нас познакомили. Он оказался Кадыржаном Хайдаровым, чьи высокохудожественные резные изделия мне приходилось видеть на выставках. В своей диссертации, посвященной этому виду народного искусства, Н. А. Аведова справедливо назвала Хайдарова «выдающимся художником современной узбекской резьбы по дереву».

Хайдаров — потомственный резчик. Этим ремеслом занимался еще его дед усто Наджметдин. Резчиком был и его отец Хайдар Мулла Наджметдинов, известный в дореволюционном Узбекистане своими орнаментированными шести- и восьмигранными столиками.

Юный Кадыржан с детства постигал от отца тайны резных узоров. К двадцати трем годам, когда его отец умер, он был сформировавшимся мастером, полностью овладевшим классическими традициями художественной резьбы. Это позволило юноше принять участие в оформлении первой Всесоюзной сельскохозяйственной и Кустарно-промышленной выставки 1923 года в Москве. С тех пор прошло более 50 лет, наполненных творческим трудом, участием на республиканских и Всесоюзных выставках. В 1958 году Хайдаров вступил в Союз художников Узбекистана, а в 1963 году за свои заслуги получил звание Народного художника УзССР. Его имя стало известно художественной общественности нашей страны.

Кадыржан Хайдаров многогранно проявил свой талант и мастерство в украшении резьбой самых разнообразных изделий из дерева.

Большое место в его творческом наследии занимает резная мебель. Этому увлечению способствовала его

длительная, почти двадцатилетняя работа в кокандской столярной мастерской «Янги Маздан». Изготавливая там массовую мебель (табуретки, бешики и т. п.), Кадыржап находил время и для осуществления своих творческих замыслов. Так появились на свет его многочисленные, богато украшенные резьбой столы, столики, тумбочки, этажерки, стулья, кресла, табуреточки. Именно такими изделиями он показан в экспозиции различных музеев Советского Союза.

Во всех этих работах Хайдаров предстает перед нами как искусный мастер своеобразной резьбы — «паргори», — получившей широкое применение в Ферганской долине и Ташкенте. Она представляет плоский узор, который незначительно выступает над неглубоко выбранным резцами фоном, что не исключает, однако, игры светотени на поверхности орнаментированного изделия. Темный лак, которым полируется этот узор, сочетаясь с светлым золотистым фоном дерева, обогащает изделие в цветовом отношении.

Особую красоту резьбе паргори придает разнообразие применяющихся в ней орнаментов. Это в основном растительные мотивы (побеги, стебли, листья, бутоны, цветы, плоды), на которые резчик как бы накладывает сверху линейную сетку геометрического орнамента (квадратов, треугольников, многоугольников, кругов и т. п.). Неподвижная геометрическая сетка словно сдерживает динамический ритм заполняющих ее растительных узоров. Это придает спокойствие и уравновешенность композиционным решениям, способствует впечатлению их законченности.

Разглядывая художественную мебель Хайдарова, получаешь огромное удовольствие. Мастер обладает секретом отобрать из арсенала художественных узоров нужные, подходящие именно для данного изделия мотивы. Он умеет их соотнести с его формой, размером, назначением, широко использует в них контрасты между покрытыми

Дом Хамзы
Қомната Муқими в Қокандском музее

Народный художник К. Хайдаров со своими учениками.

резьбой частями и остальной гладкой поверхностью предмета. Благодаря всему этому форма и покрывающий ее орнаментальный узор сливаются в единое художественное целое. И мы уже не можем различить, где кончается техника и где начинается искусство.

Первой значительной работой Хайдарова в области резной мебели были восьмигранный столик и три к нему табуреточки, вырезанные им и Кузибаям Юнусовым в подарок В. И. Ленину. С особой тщательностью были украшены предназначенные к подарку изделия тончайшим кружевом орнамента. Резная крышка столика с обрамленной узором ислим традиционной розеткой посредине завершалась выполненной арабским шрифтом надписью на узбекском языке «Руководителю революции, вождю, товарищу Ленину — дар от трудящихся Ферганы».

Ленин был тогда тяжело болен. В письме на имя Хайдарова и Юнусова (ноябрь 1923 г.) сестра Ленина Мария Ильинична передала узбекским мастерам благодарность Владимира Ильича за подарки и его пожелание успешной работы.

В 1969 году, когда вся наша страна готовилась отметить столетие со дня рождения В. И. Ленина, у Хайдарова возник замысел повторить подаренные Владимиру Ильичу изделия. Для этой цели он предпринял поездку в Гфрки, где снял копии с украшавших их орнаментов. Он тщательно выполнил по этим копиям два новых комплекта резной мебели. Один из них он подарил открывшемуся в юбилейные дни Ульяновскому мемориальному музею. Второй помещен в экспозицию Ташкентского филиала Центрального Музея Ленина.

Среди художественной мебели Хайдарова особое место занимает резная кровать. Такие широкие деревянные кровати, огражденные с трех сторон резными балясинами или решеткой, широко бытуют в Коканде, спасая жителей от летней жары. Их ставят обычно на айване дома

или на открытом воздухе, под деревом или виноградником.

Очевидно, Хайдаров долго продумывал композицию своего будущего изделия, его детали. Поиски и раздумья помогли художнику претворить свой замысел в законченное художественное произведение национального стиля. Изготовление кровати требовало предварительной обработки материала. Хайдаров этого не боялся. Резьба по дереву роднит работу резчика с работой плотника, столяра, строителя.

И вот в небольшой комнате Хайдарова, занимая половину ее пространства, громоздится это монументальное, закрытое с трех сторон и сверху, сооружение. А на ее основе лежит старенькая, чистая курпача. Оказывается, иногда Хайдаров отдыхает после работы на этом ложе, он спешит его использовать, пока кровать стоит в его комнате, пока ее не увезли в музей. И художнику жалко с ней расстаться, там осталась часть его души.

Кадыржан видит, что я улыбаюсь, глядя на его курпачу. Может быть, люди правы, что кровать получилась несколько тяжеловесной. Но он вложил в ее создание огромный труд, показал в ней все свое богатое знание традиционных орнаментов, дал полную волю своей фантазии. Получить творческое удовлетворение — разве не это главное для настоящего художника?

Встреча в Коканде с Хайдаровым помогла мне осознать его не только как искусного ремесленника, но и как глубоко национального художника, как творческую индивидуальность. Мне все импонировало в его мастерской, где царила атмосфера скромной трудовой жизни. Спящая белизна выбеленных известкой стен. Некрашенный дощатый пол. Стол, заваленный бумагами, эскизами, чертежами, стопка с остро зачищенными карандашами. На этажерке лекала, припорохи — свитки с узорами, проколотыми дырочками. Аккуратно сложены в ящике инструменты — резцы, долота, стамески. Сунутся куски

древесины. Вдоль стен стоят доски с нанесенными и уже вырезанными рисунками. Прохладно. Приятно пахнет деревом.

Большую радость принесла Хайдарову работа по реставрации Кокандского дворца. На его долю досталось восстановление входной двери портала.

Дело подвигалось медленно, так как дверь, закрывающую вход в музей, нельзя было снять. Мастеру приходилось работать на лесах. Сидя на них, он видел сверху залитое солнцем большое пространство урды. По музейному двору разносились из репродуктора мелодии узбекских песен. Эти звуки как бы вели за собой руку мастера, делали его работу легкой, радостной. В унисон им круглился под его руками восстанавливаемый орнамент. Хайдаров так увлекался работой, что забывал об окружающем. К действительности его возвращали лишь порывы ветра, который часто обрушивался на Коканд. В такие дни дверь жалобно скрипела, грозя сорваться с петель. Хайдаров укладывал в сумку инструменты и с досадой отправлялся домой. Но даже размеренно шагая по обсаженным молодыми деревцами новым улицам Коканда, он оставался во власти организующего ритма орнаментальных композиций.

За последние годы Хайдаров широко проявил свое искусство резьбы по дереву в оформлении современных архитектурных сооружений общественного характера и, в частности, в декоре входных дверей. Совершенно естественно, что мелкая техника паргори в этих монументальных работах сменилась более крупной и рельефной.

Резной дверью, украшающей собой кокандскую гостиницу возле базара, Хайдаров уверенно вписал свое имя в современную архитектуру советского Коканда.

Большой почет — звание лауреата Республиканской премии имени Хамзы — Хайдаров получил за резные двери, украсившие фасад Ташкентского филиала Музея

В. И. Ленина. В сочетании с ажурным мраморным узором, опоясывающим стеклянные стены здания, они придают сооружению, построенному в современном архитектурном стиле, национальный колорит.

Кадыржан не первый из кокандских мастеров внес свой вклад в оформление общественной архитектуры Ташкента. Известно, что в 1934—1935 годах к созданию парадной двери ташкентского Музея народного хозяйства был привлечен кокандский резчик Абдуразак Абдурахманов (1874—1937). Но в то время, как дверь последнего решена в традициях кокандо-ташкентской резьбы, Хайдарову, по замыслу строивших Музей Ленина архитекторов, пришлось использовать традиции хивинских резчиков.

Думается, что Хайдарову это удалось. С большим вкусом и тактом использовав хивинский орнаментальный мотив, он обогатил энергичные переплетения ветвей, стеблей, листьев и розеток сочной техникой многоплановой резьбы с дополнительной проработкой поверхности излюбленным приемом — покрытием лаком. Это придало новое эстетическое звучание его дверям на хивинскую тему. Простота, суровость и характерность хивинского народного узора заменилась в интерпретации Хайдарова богатством и изысканностью.

Когда стоишь вплотную с этими орнаментированными дверями Хайдарова, испытываешь какое-то необъяснимое волнение. Вероятно, в основе этого волнения лежат основные принципы орнаментальных композиций — ритм, повторяемость их элементов. К тому же, создавая общее впечатление, эти три двери неодинаковы. Какими-то деталями, уловимыми лишь при тщательном разглядывании, они отличаются друг от друга и представляют как бы вариации на одну и ту же тему. Это усиливает впечатление богатства форм и мощности ритмов и, подобно вариациям Баха, утверждает непреложную красоту движения, жизни.

Несмотря на свой возраст, Хайдаров полон творческих замыслов. В последние годы он с большим увлечением трудился над резьбой восьми шестиметровых деревянных колонн и двери, предназначенных для беседки, которая воздвигнута на высоком волжском берегу и украшает узбекскую аллею Парка Дружбы, сооруженного всей страной на родине В. И. Ленина в Ульяновске. Им же выполнены резные двери для Выставочного зала Союза художников Узбекистана.

Как и в других крупных работах, мастер широко привлек к оформлению беседки своих учеников. Овладевая под руководством подлинного художника высокими национальными традициями резьбы по дереву, они служат порукой тому, что эта замечательная отрасль узбекского народного искусства займет почетное место в архитектуре социалистических городов Узбекистана.

Кадыржан отчетливо понимает эстетическую ценность своих произведений. Мне вспоминается, как в один из своих приездов в Ташкент он явился к нам в Музей искусств. Он с трудом держал в руках большой узел, в котором оказались изготовленные для художественного салона сувениры. Перед музейными работниками — покрытые тончайшей резьбой паргори браслеты, броши, медальоны, портсигары, шкатулки. Каждый из этих сувениров — подлинное произведение искусства. Мы восхищаемся ими. Кадыржан сидит рядом, улыбающийся и счастливый тем, что сумел доставить людям радость.

Дедушка Дусматов

В одну из своих командировок в Коканд я заметила в кассе музея незнакомого мне старика-узбека с обаятельно добрым лицом. Он подчеркнуто вежливо, привстав с места, приветствовал меня.

«Это Рузидмат Дусматов, мы его попросту дедушкой Дусматовым называем. Он племянник Муками и много

нам помог в организации филиала, посвященного кокандскому поэту-демократу», — сказали мне научные работники.

Дусматов прекрасно владеет русским языком и стал моим гидом, когда мне понадобилось познакомиться с этим филиалом. Под весенним дождем и ветром мы шагаем с ним по узким улочкам Коканда. И вот из-за ритмического ряда стройных тополей проглядывает постройка европейского типа. Дедушка останавливается.

— Пришли, — говорит он, поднимаясь на ступени и снимая при входе кавуши.

Мы в большой светлой комнате. Посреди ее длинный, покрытый красной скатертью стол, на котором разложены газеты и журналы, со стен смотрят портреты прославленных писателей и ученых узбекского народа.

— Это — читальный зал, — объясняет он. — Каждый день к вечеру мы его открываем. В нем чаще всего можно увидеть соседских ребятишек. Но заходят на огонек и молодые парни, взрослые. За читальной присматривает народный поэт Чархи — его настоящее имя Аскарали Хамралиев, он числится сотрудником дома Мукими и живет в этом же здании... Я тоже живу неподалеку и бываю здесь часто.

И дедушка погружается в воспоминания. На самом деле его жизнь сложилась необычно. Он родился в 1880 году в рабочей семье в Коканде, и здесь протекало его раннее детство. Когда ему было десять лет, отец взял его с собой в Мекку. В памяти остался тяжелый путь, ночевки в придорожных караван-сараях, постоянно мучившая путешественников жажда, пестрая толпа паломников, заполняющих Мекку. Затем небольшой городок Джедде на берегу Красного моря, где отец заболел жестокой лихорадкой — на него было страшно смотреть...

«— Вскоре он умер и я остался совсем один, вдали от родины, на чужбине. Но свет не без добрых людей, — продолжает свой рассказ дедушка Дусматов, — меня

взял на воспитание русский консул в Джедде А. Д. Левитский, в семье которого я жил с 1890 по 1893 год. Потом меня увезли в Петербург, где меня приютила мать жены Левитского — Мария Васильевна Макарова. — Это была добрая и славная женщина. Затем, с 1894 г. я жил в Москве в татарской семье Ерзиных. Здесь меня отдали учиться в гимназию при Лазаревском институте восточных языков. Очевидно меня хотели подготовить к дипломатической карьере. Но я оказался малоспособным, науки давались мне с трудом, в особенности математика. Дальше 5-го класса я не мог пойти, чем очень огорчал семью. Кроме того, несмотря на заботы и ласку, я не мог привыкнуть к чуждой обстановке. Мне хотелось одного — уехать на родину, и в конце 1903 года, уже молодым парнем, я вернулся в Коканд. Здесь я женился, возвратился к родному быту. С 1904 года я начал свою трудовую деятельность.

Это были годы, когда в Коканде широко развивалась торговля хлопком, стали открываться русские и иностранные конторы, акционерные общества, банки, понадобились грамотные люди. И хотя я никак не мог преодолеть в гимназии математику, именно она пригодилась мне в жизни. Сначала я служил экспедитором в технической конторе А. О. Гара, а с 1916 года работал переводчиком-приказчиком у крупного предпринимателя Г. В. Дюршмидта, скушавшего кишки. Мелким служащим, счетным работником я остался и после революции. Вот и здесь, в музее, я работаю кассиром-инкассатором.

Дедушка замолкает. Его глаза как бы погружены в далекое прошлое. Да, жизнь ставила его в трудные положения и вместе с тем щедро дарила ему разнообразие впечатлений. Вот почему с первого же на него взгляда чувствуешь, что это человек необычный, широкого кругозора.

— Ну, а как Мукими? — спрашиваю я.

— Своего дядю я плохо помню, я видел его только

мальчиком. Когда я вернулся в Коканд, его уже не было в живых. Но мы с ним переписывались, я передал написанные им в 1895—1900 годах письма музею. Дядя увещевал меня в своем письме в стихах «Племяннику в Москву». Он спрашивал меня в нем:

«Ты вспоминаешь ли Коканд хотя когда-нибудь?
Ты говоришь ли: «Дядя там печаль познал, мой друг.
Живется трудно,— от беды моя душа в огне.
Не вижу звезд, от нищеты моя душа в огне;
Дровам подобно, от нужды моя душа в огне».

Читая это письмо, я плакал. Желая помочь дяде, я разбил копилку и послал ему свои сбережения. Получив мои деньги и фотографию, дядя был счастлив, что он не одинок, что его племянник стал образованным человеком, стоит на хорошем пути. И вот сейчас, доживая свою жизнь, я решил посвятить ее дяде. Я считал своим долгом принять участие в создании филиала Музея Муками. В это дело я вложил свою душу... Ну, пойдемте, я покажу, где жил мой дядя. Вот тут, позади читальни, сохранились остатки старинного медресе Хазретдахма. В одной из худжр этого медресе Муками нашел приют в последние годы».

Мы проходим через полутемную комнату, увешанную кыт'а,— они написаны арабским шрифтом самим поэтом и реставрированы отличным каллиграфом, сотрудником музея Чархи. Эти выдержки из произведений восточных поэтов, поэтов Коканда и самого Муками, как бы вводят посетителей в круг тем и мыслей узбекского поэта-демократа.

Но вот, наконец, и худжра Муками — небольшое, чисто выбеленное известью и застланное камышовыми циновками помещение. В прохладе комнаты вливается слабый серебристый свет. У этого окна Муками любил сидеть, любоваться цветущими деревцами, разговаривать с проходящими мимо людьми. Вот здесь, на полу, на одеяле спал поэт. Его письменные принадлежности —

каламдан, сияхдан, бумаги, старинные рукописи — аккуратно сложены в нише. На стене висит его красноватый халат, возле двери стоит палка. Впечатление, что Мукими только что здесь был, но на минуту вышел. Он оставил раскрытую книгу на ляухе, чойдыш и пиалу около сандала и скоро вернется. Вас охватывает нетерпение увидеть этого чистого душой, живущего в мудрой бедности человека. Вам вспоминаются строки его стихотворения:

Меня поместья не манят, охота не влечет,
Никто не спросит Мукими, как жизнь его течет.
Мне стать бы птицею Анка, царить среди высот,
Скитаться б от людей вдали, теряя верстам счет,—
Да жалко родину бросаты Я от тоски горю.

Я перевожу взгляд на дедушку.

— Вот сюда я и прихожу почти каждый вечер,— говорит он.

— Что же вы здесь делаете, дедушка Рузимат?

— Зажигаю свет. Читаю. Вспоминаю. Размышляю. Так проходит ночь.

Показав мне худжру, в которой жил Мукими, дедушка пошел проводить меня до автобуса. Выглянуло солнце, открылись куски голубой эмали неба. Мы шли молча, поглощенные впечатлениями, долго ждали на площади машины. Но вот она подошла. Дедушка помог мне подняться, вынул из-под халата три великолепных розы и, с поклоном протягивая их мне, сказал: «На память о Мукими». Я ехала до гостиницы, бережно держа их в руках, и все сидевшие в автобусе внимательно смотрели на меня.

При следующем посещении Коканда я пошла на кладбище к могиле Мукими.

Увидев нас, пришедших почтить память поэта-просветителя, откуда-то появились древние бородатые старцы. Они нарезали нам огромные букеты роз и торжественно их преподнесли.

Могила дедушки Дусматова оказалась неподалеку.

Искусство принадлежит народу

В Кокандском музее имеется небольшой отдел искусства. Его организацией музей обязан художникам М. А. Аринину и Н. Ф. Яковлеву, которые в 1925 году, после окончания Саратовского художественного училища, приехали работать в Коканд. В 1926 году Аринин предпринял поездку в Москву и Ленинград. Столичные музеи, а также Государственный музейный фонд щедро делились в это время с возникавшими в нашей стране периферийными музеями художественными произведениями, реквизированными после революции в барских усадьбах и княжеских дворцах.

Наиболее крупного пополнения Аринин добился от Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, который помог Коканду организовать отдел скульптуры. Кроме второстепенных античных произведений неизвестных мастеров, Кокандский музей получил гипсовые слепки детских головок итальянского художника XV века Дезидерио де Сантаньяно, мраморную копию статуи «Моисей» великого Микеланджело, бронзовое повторение декоративного подсвечника французского скульптора XVIII века Клодиона. Сейчас эта коллекция, занимающая бывший малый приемный зал, дает посетителям музея некоторое представление об отдельных этапах развития искусства пластики, его жанрах и материалах.

В результате пополнения в музее была создана также экспозиция живописи. Подписными и датированными произведениями в ней представлены русские художники Д. Левицкий, К. Брюллов, А. Боголюбов, В. Волков, К. Маковский, В. Маковский, Л. Пастернак, С. Жуковский и др. Этикетки и надписи на обороте некоторых из этих картин свидетельствуют о том, что они ранее были собственностью помещичьих и дворцовых собраний.

Государственный Эрмитаж передал Коканду ряд картин западноевропейских живописцев, в том числе копии с известных произведений Корреджо, Мурильо, Тициана, Хонгорта. Из оригинальных произведений следует отметить крайне интересную для наших дней «Сценку в Египте» австрийского художника А. Л. Миклиха (1863—1929) — одну из его работ, выполненных во время поездки в эту страну.

Из того же источника был получен великолепный «Портрет госпожи Ландсгоф» русского художника XIX века И. Браза.

Значительно позднее, в 1953 году Государственный музей искусств УзССР передал Коканду из своего передвижного фонда ряд картин современных художников Узбекистана — А. Абдуллаева, К. Богодухова, З. Иногамова, У. Тапсыкбаева, В. Уфимцева и др. Это позволило Кокандскому музею создать небольшую экспозицию местной живописи. Она пополнилась впоследствии показом и витринах картины двух долгое время живших в Коканде художников В. А. Засивенко и М. И. Ткаченко.

Зарабатывая на жизнь разнообразными профессиями, но оставаясь в душе художником, Василий Афанасьевич Засивенко (1876—1964) известен как автор небольших по размеру и этюдных по характеру пейзажей. Написанные энергичной кистью, пастозным мазком, зачастую мастихином, искренние и непосредственные, они свидетельствуют о влюбленности художника в богатство красок и форм местной природы.

Способное место заняла в жизни Коканда художница Меланья Ивановна Ткаченко (1888—1972). Ученица известного живописца К. Петрова-Водкина, она восприняла от него стремление к строгой компановке произведений, особенно ярко проявившееся в ее натюрмортах. Работая в Кокандском дворце пионеров и обучая кокандскую детвору рисованию, Меланья Ивановна сыграла немалую роль в развитии художественной само-

деятельности Коканда, в формировании местных талантов. К числу ее учеников принадлежит работающий ныне в Коканде молодой талантливый художник-декоратор В. Гафуров, мастерски овладевший техникой акварели.

К сожалению, несмотря на имеющиеся возможности, Кокандский музей почти не пополняет свою коллекцию изобразительного искусства. Именно этим в первую очередь объяснялся приезд в Коканд в 1963 году передвижной выставки Государственного музея искусств Узбекистана, на которой мне пришлось в течение целого месяца проработать экскурсоводом.

Я бывала в Кокандском музее неоднократно, но всякий раз я его вижу как бы впервые. Каждое утро я замираю от удивления — залитый лучами солнца дворец предстает передо мной, как чудесное видение, как драгоценное изделие человеческих рук. С трепетом я вхожу на его двор. Здесь меня неизменно охватывает ощущение историчности этого места. Сколько самых разнообразных людей побывало в стенах дворца и в далекие ханские времена, и в период присоединения Коканда к России, и в годы Советской власти. Перед моими глазами проходит вереница путешественников, ученых, художников, общественных деятелей. Да и сегодня я вижу здесь всех тех, кто остановился, как и я, в здешней гостинице. Это туристы с рюкзаками за плечами, геологи, направляющиеся в свои партии, собирательница среднеазиатского этнографического материала, командированные в Коканд жители окрестных кишлаков.

Поднятый на четырехметровую высоту дворец и теперь живет особой жизнью. Здесь все ощущается ярче — не только то, что осталось от прошлого, но и то, что рождается в наши дни.

Сегодня ветер, сильные порывы кокандских ветров, которые внезапно начинаются и также внезапно кончаются. Под порывами ветра шумят деревья прилегающего парка — столетние чинары с их причудливо вырезанны-

ми листьями, белоствольные стройные тополя. Ветер свободно гуляет по большой территории музея, поднимает тучи песка, придает поверхности двора узорчатый рисунок пустыни. Озабоченно закрывают окна музейные служители. Но несмотря на ветер в музей идут и идут люди, для которых настоящее нельзя оторвать от прошлого, которые хотят через ощущение времени понять свое будущее. Именно этот стык прошлого, настоящего и будущего ярко осознается на большом пространстве музейного двора.

С интересом слежу я за посетителями. Вот прошла группа пожилых узбеков в белых платках. Кто они такие, почему они пришли сюда в часы, когда все работают? Оказывается, это колхозницы-пенсионерки. Жизнь стариков теперь иная и новые мысли проникают в эти покрытые белыми платками головы старых узбекских женщин.

Вот патриарх огромной семьи — старый узбек с дочерьми, снохами, внуками. Они устали, обойдя весь музей, присаживаются и, сидя, разглядывают картины.

Они громко восхищаются «Боярыней» К. Маковского, «Охотниками» Н. Сверчкова, «Озером Сары-Челек», Н. Цириготти. А старый узбек интересуется ханским дворцом. И я, как могу, стараюсь объяснить, что дворец построен на народные деньги, что все здесь во дворце сделано руками простых людей. Народ насильственно согнали на строительство дворца, заставляли работать на хана. Не легче было положение народных мастеров. Я рассказываю им историю о старом наконне, который, сидя на лесах, расписывал потолок. Недовольный медленностью его работы, хан начал кричать на старика, угрожать ему. Уронив в волнении кисть на чалму хана, старик умер на лесах от страха...

А зрители все идут и идут. Среди них много юношей в черных брюках, белых рубашках. Это учащиеся многочисленных кокандских учебных заведений — института, техникумов, профтехшкол.

Приходят на выставку и учителя со своими классами. Ребятишки, как один, в красных галстуках. Они смотрят на картины, боясь пропустить каждое слово объяснения. Многие из них впервые видят произведения известных художников. Я ощущаю свою работу со школьниками, как своеобразное посвящение их в мир прекрасного. Этот мир их увлекает...

Мне пришлось в Коканде не только водить экскурсии по музейной выставке, но и читать в организациях и на предприятиях лекции «Как смотреть картину», «О вкусах спорят», «Творчество И. Е. Репина». Искусствоведческие лекции всегда слушают с интересом. Народ тянется к восприятию подлинных произведений искусства и соприкосновение с ними обогащает его.

Сейчас на краеведческие музеи возложены задачи организации художественных отделов и развертывания на их основе мероприятий по эстетическому воспитанию широких народных масс. Кокандскому музею, накопившему за годы своего существования разнообразные коллекции изобразительного и прикладного искусства, легче, чем многим другим музеям республики, осуществлять эту работу. Ей способствует и то обстоятельство, что, размещаясь во Дворце, музей имеет уникальный художественный экспонат — само здание, являющееся сокровищницей национального декоративно-прикладного искусства.

Охрана памятников старины

Одновременно с новым строительством в Коканде идет интенсивная работа по реставрации памятников монументальной архитектуры.

Ранним летом 1973 года в Коканде проходил IV пленум Узбекистанского общества охраны памятников истории и культуры.

Один за другим поднимались на трибуну народные мастера — носители традиций национального искусства,

которые провели интенсивную работу по реставрации кокандской монументальной архитектуры. Появилось желание познакомиться с итогами реставрационных работ. По окончании заседания делегатов повезли на машинах на памятники, но то, что открылось взгляду, не столько обрадовало, сколько огорчило.

Я неоднократно бывала в этот приезд на всех взятых под охрану сооружениях монументальной архитектуры Коканда. Сейчас в ином, обновленном виде, передо мной предстало медресе Нарбутабия. Это одноэтажное, приземистое и массивное здание, отличающееся по отзывам специалистов плохим качеством строительных работ, потребовало полного обновления кирпичной кладки. Новенькие облицовочные кирпичики, изготовленные в Андижанской научно-реставрационной производственной мастерской и своим свежим желтоватым цветом, придали медресе более опрятный вид. Но к этой радости за продление жизни сооружению примешивается оттенок горечи — при реставрации что-то все же утрачено.

Усыпальница Модарихан стала едва доступной обозрению из-за вплотную придвинувшихся к ней захоронений последних лет. Она в запущенном состоянии, до нее еще пока не дошли искусные руки реставраторов. Зато Дахма-и-Шахон неузнаваема. Блещут новизной ганчевые панно, украшающие входное купольное помещение. Что может быть красивее и благороднее белого узора на синем фоне? Но почему он так сух, несвободен, геометрически четок? Почему вместо ласкающего глаз, спокойного темно-ультрамаринового фона перед нами яркий и ядовитый оттенок этого цвета? Первые впечатления от реставрационных работ в усыпальнице настораживают, и это не случайно. Мы выходим на поддерживаемый двумя колоннами айван — росписи его потолка и этих колонн совершенно утратили сдержанный и гармоничный традиционный колорит. Безудержно яркие краски и «ломающие

зубы» сочетания красного, желтого, синего, насыщенность, подчеркнутая новизна декоративно-отделочных работ не производят приятного впечатления. На стене оставлен кусок черной от времени старинной росписи. Реставраторам надлежало, очистив ее от пыли, грязи и других наслоений и используя в неприкосновенности прежний рисунок, оставить нетронутыми и подлинными расцветки начала XIX века. Сейчас же перед нами айван 70-х годов XX века с характерной для современных мастеров колористической гаммой. На пленуме неоднократно упоминалась фамилия архитектора Б. Н. Засыпкина, как родоначальника местной реставрационной школы. Сомневаюсь, чтобы он одобрил реставрацию подобного рода.

Говоря так, я вовсе не отношу недостатки за счет профессиональной неподготовленности выполнявших здесь работы мастеров Ш. Махмудова, С. Муйдинова, С. Мамаюсупова. Наоборот, технически реставрация произведена профессионально, тщательно и может быть даже любовно, но она сделана в современной манере. Может быть, для восстановления росписей нужны были особые грунты, красители, способы их наложения. За всем этим должны были наблюдать специалисты, научно-художественный контроль.

Порадовало делегатов известие, что пачата реставрация соборной мечети Джами. Занятое под обувной склад, помещение мечети долгие годы было недоступно для обозрения. Решение восстановить памятник в его первоначальном виде позволит любителям старины познакомиться с этим совершенно уникальным сооружением. По своей величине мечеть Джами превосходит айванские мечети Андижана и Намангана и поражает лесом своих колонн. Поставленные на одинаковом расстоянии друг от друга, поддерживающие своими резными капителями высокие, разнообразной формы резные и расписные толки, они создают впечатление затерянности человека в

окружающем его огромном пространстве. Думается, что благодаря своей уникальности мечеть Джамии привлечет в Коканд множество туристов.

Никто не забыт, ничто не забыто...

Республиканское общество охраны памятников старины призвано заботиться не только о сохранении монументальной архитектуры, как национального художественного наследия народа. В его задачи входит также содействие созданию памятников революционной и боевой славы, охрана мест и зданий, где в прошлом происходили выдающиеся исторические события. Все в жизни преемственно, и подрастающее поколение не должно забывать своих отцов и дедов, их активного участия в борьбе за лучшее будущее народа. Вопросам пропаганды революционно-боевой славы, патриотическому воспитанию молодежи было посвящено немало выступлений на IV пленуме Общества, состоявшемся в Коканде в июне 1973 года. На нем отмечалось, что Коканд награжден Почетной грамотой за лучшую среди городов Ферганской долины постановку этой работы.

Эффективным способом пропаганды крупных историко-революционных событий и подвигов отдельных личностей являются памятники. Поставленные на площадях и улицах, они непосредственно обращаются к проходящим мимо жителям городов, напоминают им о славном прошлом народа, воспитывают в них чувство гордости за свою Родину и ее сыновей. На установку памятников обращено сейчас в нашей республике большое внимание. Свидетельством этого служит постановление ЦК КП Узбекистана «О состоянии и мерах дальнейшего развития монументального искусства в республике».

Коканд за последние годы обогатился несколькими памятниками — об их месте в архитектурном облике города я подробно говорю в главе «Коканд вчера, сегодня,

завтра». Особое место среди них занимает памятник борцам за Советскую власть в Ферганской долине. К сожалению, в Коканде пока еще не воздвигнут памятник бойцам Великой Отечественной войны, погибшим в борьбе за свободу и независимость Родины. Коканд послал на поля сражений около 17 000 своих жителей, из них только 1000 человек вернулись обратно. За свои воинские заслуги, мужество и доблесть многие воины-кокандцы получили медали, ордена. В огне сражений выросли талантливые командиры-узбеки, научившиеся военному мастерству и умению побеждать врага. К ним принадлежит генерал-майор Мулладжан Узаков (1907—1960). Выходец из бедной семьи, он в 1926 году стал комсомольцем, закончил в 1938 году Военно-политическую академию им. В. И. Ленина, прошел боевой путь до Берлина, награжден за его штурм орденом Ленина.

Среди кокандцев несколько воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза, в том числе и В. П. Капарев (1907—1965). Окончив кокандскую школу и вступив в комсомол, он в 1925—1926-х годах принимал активное участие в проведении земельно-водной реформы. Пройдя военную школу летчиков, а затем Военно-воздушную академию, Капарев в годы Великой Отечественной войны командовал военно-воздушными силами Тихоокеанского флота, стал генерал-лейтенантом ВВС и Героем Советского Союза, был членом Государственной комиссии по космонавтике.

Портреты этих двух выдающихся уроженцев Коканда, принадлежащие им документы и вещи можно видеть в экспозиции Кокандского краеведческого музея. Но этого мало. Бессмертные подвиги воинов-кокандцев нужно увековечить на улицах города в виде бюстов, обелисков или монументальных композиций из бронзы, гранита, мрамора. В наши дни напряженной борьбы за мир во всем мире памятники героям Великой Отечественной войны совершенно необходимы.

Тем же задачам революционной славы служит установка мемориальных досок. Кокандом многое сделано в этом отношении. Здесь в первые годы Советской власти побывал командующий Туркфронтом М. В. Фрунзе. Его выступления 1919—1920 годов, посвященные вопросам борьбы с басмаческими бандами, происходили в бывшем здании Кокандского горкома партии, что отмечено мемориальной доской.

В Коканде в 1925 году был М. И. Калинин. Он выступал на митинге во дворе дворца Худоярхана, служившего тогда местом, где находились организации деревенской бедноты — именно здесь располагался Ферганский областной комитет Союза Кошчи, был открыт Дом дехканина, устраивалась сельскохозяйственная выставка. Памятная доска о посещении Калининным этого места установлена на входном помещении во дворец.

Мемориальная доска на ДOME культуры рассказывает кокандцам о том, что в феврале 1926 года здесь по итогам земельной реформы в Ферганской области выступал председатель ЦИК УзССР Юлдаш Ахунбабаев.

Огромную роль в борьбе за Советский Коканд сыграл Е. А. Бабушкин. Его работа в здании Кокандского горисполкома с декабря 1917 г. до конца 1918 года в качестве первого председателя Кокандского совета рабочих, солдатских и мусульманских депутатов увековечена установлением здесь мемориальной доски. Память об этом пламенном революционере сохраняет также доска на здании Дома культуры, во дворе которого Бабушкин с женой отстреливались от напавших на их квартиру бандитов-автопоместов.

О героических событиях, происходивших в первые годы революции, напоминают также отдельные здания Коканда. Мемориальная доска на здании Кокандского государственного банка рассказывает нашим современникам о том, что в 1918—1919 годах здесь находился штаб кокандской партийной дружины — проводились

партийные и комсомольские собрания, бился основной пульс общественной жизни города.

Не менее значительным центром Коканда был дом № 50 по Советской улице, занимаемый сейчас геофизической экспедицией. В нем с 1922 по 1939 год находился Ферганский областной и окружной комитет Компартии Узбекистана, решались вопросы борьбы с басмачеством, проведения земельно-водной реформы, раскрепощения женщин, строительства Большого Ферганского канала. Установка на этом здании мемориальной доски помогла бы добавить новые штрихи к недавней истории Коканда.

Не мешало бы установить мемориальную доску и на доме № 22 в Октябрьском сквере. Там, где теперь помещается редакция газеты «Знамя Труда», с 1917 по 1920 год находились редакция и типография, выпускавшие газеты большевистских организаций и Кокандского горсовета.

Еще одним средством ознакомления кокандцев со славной историей города служит присвоение улицам имен знатных его уроженцев. Кокандский горсовет дал целому ряду улиц новые названия. Так, именем Абдуллы Набиева, одного из первых кокандских комсомольцев, трагически погибшего от рук контрреволюционеров за активное участие в проведении земельно-водной реформы, назван прежний Романовский сквер. Имя генерала М. Узакова получил Пролетарская улица, имя генерал-лейтенанта В. П. Канарева — Старовокзальная улица, имя Е. А. Бабушкина — бывшая Полтавская улица.

Продуманная установка памятников, монументов, обелисков, бюстов, мемориальных досок позволит объединить все памятные места в единую историческую картину общественно-политической жизни города. Это поможет создать маршруты для экскурсионного ознакомления с местами революционной и боевой славы и развернуть вокруг них разнообразные виды и методы патристическо-воспитательной работы.

В Коканде живет немало старых большевиков, ветеранов революции, которые собирают и бережно сохраняют разного рода исторические реликвии. Эти материалы широко использует Кокандский краеведческий музей для обогащения своей экспозиции по истории Советского Коканда.

Кокандцам хорошо известно имя Назырджана Ибрагимова, непосредственного участника борьбы против контрреволюционного «автономного правительства». Он и сейчас живет воспоминаниями об этих бурных событиях в истории города и охотно делится ими с молодым поколением.

Богатый справочный материал собрал у себя Федор Павлович Лексашев. Сын кокандского железнодорожного рабочего, один из первых комсомольцев города, член партии с 1922 года, долгое время работавший руководителем Ферганской нефтяной промышленности и дошедший до звания генерального директора Средазнефти, Лексашев являлся знатоком истории Коканда. Выйдя на пенсию, он всецело отдался своему увлечению, в мельчайших подробностях изучил события первых лет становления здесь Советской власти, помнил множество имен и дат.

Мне довелось познакомиться с Лексашевым, побывать в его кабинете, сплошь заставленном книжными шкапами, где он тщательно собрал все, что выходило в печати по истории Советского Узбекистана. Лексашев активно использовал свою библиотеку. Говоря с собеседником, обратившимся к нему за какой-нибудь справкой, он подходил к полкам, вынимал нужную книгу, находил соответствующую страницу. В его распоряжении был не менее ценный и уже вполне самостоятельно собранный справочный материал — многочисленные папки с газетными вырезками, выписками, портретами, фотографиями, письмами.

Лексашева посещали местные и приезжие специалисты-историки, музейные работники, получающие из его рук уникальные сведения о городе и его людях. Он оказывал своими знаниями и практическую помощь нуждающимся в восстановлении своих заслуг перед революцией, в установлении пенсий и т. п.

Лексашев не принадлежал к тем собирателям, которые «из-за деревьев не видят леса». У него был широкий кругозор, умение схватить основное, главное, ведущее. Его казалось бы случайное замечание о том, что на I съезде компартии Туркестана, состоявшемся в июле 1918 года, из 50 делегатов 7 были кокандцами, перечисление их имен — Азизханов, Вершинин, Гордеев, Исламов, Удалов, Финкельштейн, Фотиев — заставило меня по-новому, глубже осмыслить революционный потенциал Коканда первых лет Советской власти.

Героическими страницами в истории города и людьми, защищавшими революцию и Советскую власть, интересуется ветеран революции, персональный пенсионер Арменак Аванесович Арутюнов. Прожив 55 лет в Коканде, где он в основном работал на хозяйственных предприятиях, он в молодые годы в дни кокандского мятежа автономистов был защитником крепости, а после его разгрома принимал непосредственное участие в борьбе с басмачеством, как командир кавалерийского эскадрона. В собирательстве исторических материалов он шел своим путем. Если Лексашев основное внимание уделял литературным и архивным источникам, то Арутюнов, работавший в 1922 году уполномоченным информбюро Ферганского отдела войск, накопил уникальные коллекции фотографий — живую иллюстрированную историю годов боевой славы, которая также помогает раскрытию и уточнению имен участников событий революционных лет. Собранный фотографический материал Арутюнов систематизировал, что позволило ему создать два альбома. Один из них с 248 снимками он передал Коканд-

скому краеведческому музею. Второй с фотографиями, преимущественно участников борьбы с басмачеством, он подарил музею Окружного Дома офицеров в Ташкенте.

Коканд высоко ценит своих сограждан, отдавших свою энергию и знания родному городу. Десять из них получили звание почетных граждан Коканда. К ним принадлежат Заслуженные учителя Пулатджан Каюмов (ум. в 1964 г.), М. И. Гольцова, Абдулла Усманов, ветераны революции Э. М. Бреслау, Назырджан Ибрагимов, Ф. П. Лексашев (ум. в 1976 г.), машинист И. А. Греков, народный поэт Чархи (Аскарали Хамралнев). Двое из них работают сейчас за пределами Коканда — ректор Андижанского медицинского института Юсупбек Атабеков и Народный артист СССР Наби Рахимов.

К уроженцам Коканда принадлежат, кроме ранее упомянутых в этой книге, Музаффар Хайруллаев — член-корреспондент Академии наук УзССР, доктор философских наук; Халима Насырова — Народная артистка СССР и многие другие.

Славу родного города умножают труженники Коканда, активно участвующие со всем советским народом в борьбе за мир и коммунизм.

Заключение

Пришла пора проститься с полюбившимся мне городом — он щедро открыл мне свою историю, свою душу.

Еще в 1965 году я впервые осознала желание написать книгу о Коканде. Вскоре оно превратилось в настоятельную задачу жизни. Занимаясь по необходимости неотложными житейскими делами, я много лет носила Коканд в своем сердце.

Моей путеводной звездой в этой многолетней работе стали строки из поэмы А. Твардовского «За далью — даль».

Вся суть в одном — единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых — знаю только я...
Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог,
А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

И вот труд долгих лет закончен. Передо мной на письменном столе рукопись, которая может стать книгой и попасть в руки читателей. Разделят ли они волнующее

меня чувство удовлетворенности собственным «открытием» Коканда? Одобряют ли избранное мной стремление показать его по-своему, как я его увидела, через конкретные детали, в картинной обобщенности?

Я мысленно прощаюсь с городом, как бы навсегда уезжаю из него... Поезд набирает скорость, колеса стучат на стыках рельс. Все меньше и меньше огней за окном... И вот город уже теряется в темноте, но со мной остается его неповторимый облик.

Коканд—Ташкент

1972—1975 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Вступление	5
Коканд ханский	
Глазами путешественника	7
В плену у кокандцев	10
Средствами художника	14
Что рассказал ученый	15
Французенка в Средней Азии	19
Город	22
Архитектура	28
Народное искусство	40
Письменность	44
Литература	48
Коканд колониальный	
Дворец	55
Город (1876—1898)	59
Торговля и промышленность (1876—1898)	61
О чем рассказывают улицы	70
Интеллигенция города	82
Народ	91
Писатели-просветители	101
Коканд советский	
Коканд вчера, сегодня и завтра	110
Прогулка по Коканду	123
Знаюки города	127

Боевой революционный штаб	132
Сокровищница национального искусства	138
Тайны резных узоров	143
Дедушка Дусматов	149
Искусство принадлежит народу	154
Охрана памятников старины	158
Никто не забыт, ничто не забыто	161
Заключение	168

Софья Михайловна Круковская

ВСТРЕЧИ С КОКАНДОМ

Редактор *Р. Азанесов*
Художник *О. Саибназаров*
Худ. редактор *А. Алимджанов*
Техн. редактор *А. Альберт*
Корректор *М. Вяткина*

ИБ № 289

Сдано в набор 13/XII-1976 г. Подписано в печать 31/X-1977 г. Формат 70×108/32. Бумага № 1. Печ. л. 5,875. Усл.-печ. л. 8,22. Уч.-изд. л. 7,65+0,25 вкл. Тираж 15000. Договор № 68-76. Издательство "Узбекистан," Ташкент, Навои, 30. Р 04481.

Типография №1 Госкомитета Совета Министров УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ № 308.
Цена 30.00

v

30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»